СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
Евгений
Гусляров
ПЁТР ВЕЛИКИЙ
В ЖИЗНИ
ТОМ
ВТОРОЙ

Евгений Николаевич Гусляров

Пётр Великий в жизни. Том второй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67257405
SelfPub; 2022

Аннотация

Двухтомная книга Е. Гуслярова «Пётр Великий в жизни» продолжает серию его «Биографических хроник», и представляет собой в жанровом отношении систематизированный свод автобиографических записок, воспоминаний современников и документов эпохи. В этой книге впервые собрано всё, что сохранила народная память о подлинных событиях жизни Петра, всё, о чём смогли рассказать очевидцы его дел и поступков. От тех, что имели государственные исторические масштабы, до самых интимных. После её выхода можно будет смело говорить, что тайн и белых пятен в биографии Петра Первого более не существует. Автор хотел бы выразить величайшую свою благодарность работникам Российской государственной библиотеки (бывшей Ленинки) и Российской исторической библиотеки, в течении нескольких лет разрешавших автору доступ в фонды редкой книги и помогавших в поиске уникальнейших изданий по теме.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Книга третья 4
Глава IV. Царевич Алексей. Гибель последнего русского 4
Из дневника читателя 4
«Обречён с рождения на судьбу злополучную» 70
Немцев не любил он с восьми лет 77
Сделать из сына немца 85
Злой гений царевича 90
Пётр виделся с сыном раз в два года 96
«Лучше бы мне быть сыном последнего земледельца…» 106
В Европу за умом 122
«Жену мне на шею чертовку навязали…» 136
Сказание о несчастной принцессе 160
«Не хочу жить долее!» 174
Призрак принцессы Шарлотты бродит по Европе 185
«Желаю монашеского чину…» 199
«Сам Пётр дал ему предлог к побегу» 225
«Поезжай в Вену, там не выдадут» 236
Облава 258
Конец ознакомительного фрагмента. 294

Евгений Гусляров
Пётр Великий в жизни. Том второй

Книга третья

Глава IV. Царевич Алексей. Гибель последнего русского

Из дневника читателя

Истоки нынешнего состояния России, конечно, в прошлом. Особенно в первом великом переломе её истории, который произошёл по воле Петра Великого. Русская Атлантида, жившая порядками царя Алексея Михайловича, погрузилась тогда в небытие. Общая драма Руси немедленно отразилась на человеческих судьбах. Самым страшным и таинственным событием того времени стала гибель царского сына Алексея. Он стал знаменем старой Руси, и в истории его гибели можно угадать многие символы и предопределения. Личную драму его легче всего будет понять, разобравшись

по возможности в общей беде того времени. Старая Россия проиграла, и это стало личной интимной трагедией царевича Алексея Петровича. Великое содержание той драмы состояло в том, что намертво сошлись Прошлое и Будущее. Дополнительная беда в этом противостоянии такая, что побеждает в России всегда будущее, но это не всегда означает благо. У нас, в России, так даже наоборот. Каждая победа светлого будущего приносит новые неизмеримые беды. Если бы иногда побеждало прошлое, может, не столь печальна была бы сегодняшняя наша история. Царевич Алексей умирал в одиночестве. Его возможные сотрудники были растерзаны прежде. Те, кто ему сочувствовали, переоделись, перекрасились, приспособились. И остался он последним русским в истории, плохим или хорошим, того мы теперь не узнаем доподлинно. Но что он был таким русским, каких после него уже не было, это сущее. Я грущу о нём…

В этой главе предпринята новая попытка разобраться в трагедии, поделившей русское время на древнее и новое. Восстановить все возможные детали жизни, ставшей главной загадкой и главным содержанием сложнейшей эпохи русской истории.

Глухой страшной ночью с 7-го на 8-е августа 1689 года юный царь Пётр бежал из Преображенского в нынешний Сергиев Посад, в прочные стены Троице-Сергиевой лавры. Козни царевны Софьи показались ему в этот раз до смер-

ти грозными. Пушкин, вызнавший детали этого панического бегства, пишет, что весь этот путь Пётр проскакал без штанов на неосёдланной лошади. Расстояние от славного в русской истории села Преображенского до названного, ещё более славного, монастыря – шестьдесят вёрст – больше шестидесяти двух километров. Это был подвиг, совершить который можно стало, только не сознавая себя от ужаса. Пушкин мог легко представить себе, что было с Петром после этого дикого марша. Он, Пушкин, сам когда-то проскакал, примерно, такое же расстояние верхом тоже на неосёдланной лошади, в штанах, правда. Ему надо было, во что бы то ни стало, повидать в последний раз своего лучшего друга, Кюхельбекера, которого везли по этапу в Сибирь через ближнюю к Михайловскому почтовую станцию. Пушкин потом две недели вынужден был лежать в постели, поскольку на разбитых в кровавый фарш ягодицах сидеть было немыслимо. Правда, можно было жить и действовать стоя. Такова была цена, которую заплатил Пушкин другу.

Петра тоже сняли с лошади и на руках отнесли в постель, потому что он не мог даже идти. И в этой постели он принимал первые осознанные и дельные решения, давшие ему, в конце концов, всю полноту царской власти.

На другой день туда прибыла и юная его жена Евдокия. Она не могла скакать на лошади, поскольку была на третьем месяце беременности. Был, выходит, и третий участник этой эффектной искромётной драмы. Медицина не сомневается,

что физическое и духовное формирование не появившегося ещё ребёнка зависит от состояния материнского организма и тех событий, которые влияют на это состояние. Историки же, которые не боялись собственного воображения, задним числом решили, что эти события можно поставить эпиграфом судьбы, незадавшейся ещё во чреве матери.

Пётр специальными указами призвал в монастырь нужных ему людей. Одним из первых прибыл сюда генерал Патрик Гордон из Немецкой слободы. Отточенная всей прошлой авантюрной жизнью животная интуиция вновь не подвела его. Он приехал в монастырь с отрядом иноземных наёмников не потому, что ему интересно и дорого было будущее России. А лишь потому, что стрельцы грозились устроить надоевшим иноземцам грандиозный шухер, «немецкий погром». В сущности, инстинкт самосохранения и гешефта, гнавший по земле этот таборный интернационал, спас заодно и Петра. В этом таборе ловцов удачи можно заметить и фигуру неповторимого баловня судьбы Франца Лефорта. Начиналось немецкое иго.

Тут же произошло ещё одно символическое действо. Царевич Алексей родился 18 февраля 1690 года в четвёртом часу ночи. На крестины его был приглашён, в числе многих, и упомянутый генерал Патрик Гордон, которому Пётр чувствовал себя обязанным теперь по гроб жизни. Вышел, однако, конфуз. Патриарх объявил, что присутствие нечистого верой басурманина на православном таинстве «неприлич-

но». Пётр возражал, но не с той ещё свирепой настойчивостью. Гордон вынужден был покинуть это торжество. Царь был поставлен в очень неловкое положение. Так в первый раз царевич Алексей заступил путь будущему. Какие-то тайные колёсики, уже сбившиеся с осей, продолжали цеплять не теми зубьями не те приводы незадавшейся судьбы. Русь уходящая, не больно ещё, столкнулась чуть ли ни впервые с Россией нарождающейся.

Трагического размаха это противостояние достигнет после первого возвращения Петра из заграницы. В России неудержимым половодьем разливался новый бунт. Русь царя Алексея Михайловича заявляла о своих правах. Стрельцы, опять подстрекаемые царевной Софьей, собрались сжечь Москву, наново возвести её на престол, до той поры пока не подрастёт царевич Алексей Петрович. Мятежников убедили, что монарх умер в чужих землях. Но на всякий пожарный готовились и к убийству царя по пути его в столицу.

Так обстоятельства напомнили Петру, что у него есть наследник, и народ, в отличие от отца, имеет на него свои виды.

Тут началось следствие и розыск, которые в правление Петра будто и не кончались. Кнут стал первым символом нашего возрождения. Это было недобрым предзнаменованием для русских реформ. Пряников от них мы так и не дождались.

Политическое зрение Петра было особого свойства. Оно падко было на внешнее. Не подозревая, что может стать ко-

гда-нибудь посмешищем для Гегеля, он твёрдо верил, что форма и содержание совсем не противоположны друг другу. Что понятия эти неразличимы. Из первых поездок в Европу молодой русский царь вынес два сильнейших впечатления. Это был город Амстердам, игрушечный, пряничный, умытый и до блеска вычищенный. А ещё – английский парламент. Двумя чудесами этими он был так поражён, что немедля захотел оба их иметь у себя дома. Так возник Петербург, который далеко не Амстердам, но о нём пока говорить мы не будем. А о парламенте – продолжим.

В английскую думу уже тогда можно было приходить почти всякому любопытствующему. Таким любопытствующим и случился тут Пётр 12 апреля 1698 года. Там видел он короля и диву давался, как непринуждённо и смело говорят с ним его подданные. Ещё более поражало, что они говорят ему правду, очень неудобную порой. Ему переводили их речи. Тогда-то он и сказал крылатые слова, которых немало станет потом: «Весело слышать то, когда сыны Отечества королю говорят явно правду, сему-то у англичан учиться должно». Вот такое первое впечатление вынес он от европейского чиновника. Сыны отечества! И одеты они были под стать свободному слову – легко, чисто и целесообразно.

Отрубая бороды, часто вместе с головами, насильно переодевая коренного русака на английский и голландский манер, Пётр, в частности, хотел мгновенно получить того вылощенного веками парламентского бойца, преданного делу

чиновника, наконец, какового можно бы назвать Сыном Отечества. Увы, глядя и теперь на пустынные лица наших парламентариев и прочих сановных людей, ничуть не тронутые мыслями о народной нужде, как, впрочем, и другими мыслями, достойными Сынов Отечества, я понимаю, сколь неисправимым оптимистом и прожектёром был Пётр Великий. Прости меня, Господи, если я грешу против родины, но кажется мне теперь, что Россия плохая мать, коль веками плодит чиновных татей, а проходимцев наделяет властью, которая, по вере моей – дар Божий.

Вот откуда взялась та первоначальная непримиримость между устоявшейся Россией, и тем, что шло ей на смену. Пётр привёз в Россию Европу в виде пародии, обезьяньей ухватки. Этого не могли не чувствовать истовые русские люди в самом начале перемен. Этой Европе, в обезьяньем обличии, они и сопротивлялись. Чтобы стать Европой, России нужна была бы тысяча лет. Пётр сделал её Европой в два десятилетия. Понятно, что ничего, кроме карикатуры, получиться у него не могло. Эта уродливая личина жива до сих пор.

Что-то в высшей степени несолидное, несмотря на смерть и ужас, чувствовалось русскому человеку уже в самом начале петровских реформ. Вспомним, как он борется самоотверженно и самозабвенно с бородой. Изводит её с великим энтузиазмом, великим насилием и великой кровью, страхом. И вот какое коварство истории. Не проходит и сотни лет по-

сле этой беспримерной борьбы, как та же Европа, с которой он берёт пример, оглядкой на которую сверяет каждый шаг, отрастила вдруг на своём лице ту самую бороду, правда постриженную и пахнущую духами. Интересно, доживи Пётр до той поры, применил бы он снова свои крайние меры, чтобы реставрировать русское лицо, вернуть ему прежнюю ненавистную бороду, как новый знак европейской культуры и европейского превосходства. Она в России вернулась даже на царские лица. Ведь одно это может пошатнуть мысль о величии и непоколебимой уместности всех без исключения его перемен.

А вообще, драма старой России начиналась задолго до того. Начиналась она с того, что слишком разными по политическому и житейскому темпераменту оказались два человека, которые олицетворяли в то переломное время старое и новое – царь Алексей и царь Пётр. Красно, порой, говорили русские историки. Вот, например, С. Соловьёв: «…царевич Алексей, похожий на деда – царя Алексея Михайловича и дядю – царя Фёдора Алексеевича, был образованным, передовым русским человеком XVII века, Пётр был передовой русский человек XVIII века, представитель иного направления: отец опередил сына!». Умри, Денис, лучше не напишешь. Пышно сказано. Но что из того вышло?

Не построив изящной и лёгкой рессорной кареты, Пётр захотел лихо прокатиться в старом рыдване, доставшемся ему от отца. Он впряг в него удалых наёмных рысаков. Езда,

однако, пошла шибко тряская, и некоторой части пассажиров показалось лучше пойти пешком. Кто их может судить за это? Разница темпераментов давала двум этим порфироносцам свои методы вершить державную политику. Разными, конечно, были у них и представления о том, как приобщить свой народ к цивилизации и прогрессу. К трудным задачам этого очерка отношу я попытку уяснить себе стихийную программу оппозиционера-царевича Алексея Петровича. Он, разумеется, не составлял её. Он придерживался той, которая досталась ему готовой от уходящего времени. Не хотелось бы показаться излишне подробным, но это иногда мне нужно будет, чтобы портрет стал похожим не только внешне.

Однажды царь Алексей Михайлович, который обладал незаурядным писательским дарованием, изложил руководство держателям своего соколиного хозяйства. Читать его и теперь истинное наслаждение. Тем более что в этом частном документе можно найти великую драгоценность – чувства и мысли общего характера, свойственные государственному человеку предреформенного времени. Ну, а поскольку государственные люди того времени не были столь далеки от настроения и забот своего народа, как ныне, то можно угадать и малую толику общего настроения в стране России того времени. Есть в «Уряднике сокольничья пути» такие слова: «… Хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна – никто же зазрит, никто же похулит, всякой похва-

лит, всякой прославит и удивитця, что и малой вещи честь, и чин, и образец положен по мере… Без чести же малитца и не славитца ум, без чину же всякая вещь не утвердитца и не укрепитца, безстройство же теряет дело и вставляет безделье». Вот какова его личная программа, универсальная программа русского хозяйственного человека, которую можно распространить и на домашние дела, и на дела державные. Алексей Михайлович считал, что всякое даже малое дело, доведённое до совершенства, украшает большой мир, делает его более устроенным и приспособленным к нуждам человека. Потихоньку, постепенно сделать так, чтобы привести всё в надлежащий лад и порядок, сделать всё «по чину честно, мерно и стройно», вот какова долгосрочная программа тех преобразований, которая мила была старому русскому человеку. А буде можно что приспособить к этому делу из иноземных мудрёностей, то и это сгодится, лишь бы оно не много вносило «безстройства» и не «вставляло безделья». Теперь такой ход дел называли бы эволюционным путём развития. Несомненно, это распространялось и на дела политики. Логически эту программу можно продолжить словами Пушкина, которого стоит причислить к сторонникам «тишайшего» царя Алексея Михайловича: «Лучшие и прочнейшие изменения (реформы, по-нашему – Е.Г.) суть те, которые происходят от улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества…» Это из «Капитанской дочки». Вот такой представляется любезная

уходящему русскому характеру формула постепенного преобразования жизни. Русская Атлантида погружалась в историческое небытие с мыслью, что образцовым усовершенствованием всякого дела, выбранного с большим раздумьем, можно исполнить Божий закон на земле.

Много говорено о дремучей тупости и патологически упорном нежелании русского народа принять просветительские реформы Петра Великого. Это, конечно, с подачи лощёной шпаны из той же Немецкой слободы и разного рода высокомерных иноземных наблюдателей. Главное, что в этом они смогли убедить самого Петра: «Русский человек, ни за что сам не примется, пока его не заставишь», часто говаривал он. Непредвзятые историки полагают, что в этом была его величайшая ошибка. «Повторять с иностранцами, будто бы русский народ ненавидел образованность и вести его к просвещению можно было только страхом, насилием, или, как выражаются учёные немцы, просвещенным деспотизмом (aufgeklerte Despotismus), было бы клеветой на русский народ». Так считал, например, замечательный историк Николай Костомаров. Высокомерие обязательно соседствует с невежеством, поскольку не даёт взглянуть на вещи с тем благонамеренным любопытством, которое предшествует истине. Русский мыслящий человек никогда не был простым, тупым в своём упорстве ретроградом, страдающим идиосинкразией ко всякому новшеству. Дело было совсем в дру-

гом. Процесс царевича Алексея некоторым образом коснулся этой непрояснённой стороны старого русского сознания. И этим-то наряженный над ним (царевичем) розыск имеет особенный интерес. Вот что можно, к примеру, узнать об одной из загадочных личностей петровского времени Александре Кикине, который был не последним человеком среди главных действующих лиц развернувшейся драмы. Он был когда-то близок Петру. Человеком был, несомненно, толковым, передовым. В конце концов, Пётр сделал его адмиралтейц-комиссаром. То есть, доверил его попечению одно из важнейших дел своего преобразования России. Значит, и Пётр не видел в нём ненавистного и тупого ревнителя старины. Между тем, этот Кикин был в постоянной плохо объяснимой оппозиции Петру. И мог бы сказать вслед за царевичем, что Пётр и сам ему «омерзел всеконечно». Чего ему не хватало? В казённых бумагах Канцелярии розыскных дел именно этот вопрос и зафиксирован. Задал его на допросе сам беспощадный царь, ставший тогда наиболее дотошным и убийственно прилежным следователем. Царь спросил его в том духе, что умный человек, к каковым без сомнения относится Кикин, не мог ведь не думать о том, как всё плохо может окончиться? Вот как ответил ему Кикин: «Что ты толкуешь мне об уме? Ум требует простора, а с тобой было ему тесно». Какая мужественная красота в этом ответе! Это великолепный памятник всей той России, какая противостояла смертно и безнадёжно Петру. Одни только эти сло-

ва заставляют подозревать всю тупую ограниченность того приговора, будто эта замшелая косноязыкая традиционная Русь мазохистски желала и дальше киснуть в суеверии, невежестве и дикости. Мыслящую Россию, прежде всего, раздражала и оскорбляла, восстанавливала против себя сама манера петровских преобразований, та духовная кабала, при которой несчастьем было иметь собственный ум и собственный взгляд на вещи. В той России, которую создавал Пётр, умным мог быть только он. Он один знал, что нужно было России. Ему по штату полагалось всё знать лучше других. При Петре явилось не только абсолютное самодержавие, как принцип власти, но и абсолютное самодержавие духа, при котором становилось ненужным думать. Рабство налагалось не только на тело, но на душу и мысли. Вот почему в глухой оппозиции к нему оказалась не только и не столько тёмная и невежественная масса, но, может быть в ещё большей, мыслящая, элитная часть России… Кикин был предан смерти жесточайшей. Описывать её было бы мучительно… Добиваясь с таким упорством и смерти самого царевича, Пётр, мог руководствоваться, неозознанно даже, тайной убийственной неприязнью к чужой скрытой мысли, иной, чем его собственная… По-другому мне трудно объяснить ту беспощадную настойчивость, с которой новая Россия добивалась гибели царевича Алексея…

Личную драму его легче всего будет понять, разобравшись по возможности в общей беде того времени. Если при-

менить к той поре нынешние категории, то Пётра можно назвать первым новым русским. Царевич же остался старым русским, со всем, что дорого было уходящей России.

Продолжу о некоторых причинах упорного и почти всеобщего противостояния Петру. О причинах, которые не соответствуют примитиву, распространяемому недоброжелателями русского народа. Это необходимо мне, чтобы лучше понять судьбу царевича Алексея Петровича, в которой как в капле росы, отразилась участь уходящей страны-сказки – Руси царя Алексея Михайловича. Которая, каюсь, из моего далёка, представляется мне подобной чудному Острову-Буяну, русской Атлантиде… Дело, повторю, не в том, что Россия испугалась света из Европы, как боятся его запечные тараканы… Вот какой важный момент, по какой-то причине обойдённый историками, есть в том же деле царевича. Он, этот момент, как раз и говорит ещё об одном обстоятельстве, питавшем грозную оппозицию миллионов, так обнадёжившую царевича. И о причинах которой недосуг было думать грозному царю до розыска… Пётр захотел вдруг остановить дело, которое уже успешно приближалось к нужному ему результату. Голландский резидент во время суда над царевичем доносил своему двору удивительное: «Мне, говорили что ген.-лейт. князь Долгорукий был дважды пытан и что признания его так поразили Царя, что Его Величество задался мыслью, не лучше ли положить конец всем допро-

сам и дальнейшим разысканиям всей этой нити замыслов и интриг…»

Чего же испугался неустрашимый Пётр? Он обнаружил, вдруг, что за ним пустота. Переодевшиеся в немецкое платье вельможи обновились только снаружи. В словаре современного воровского жаргона есть известное слово «редиска», означающее нехорошего, ненадёжного человека. Придумали его творцы нового языка и юмористы с маузерами из знаменитого ведомства Феликса Дзержинского. Россия стала тогда огромным трагически-страшным огородом, где изобильно произрастала эта самая редиска. Спасительная мимикрия заключалась в том, чтобы подкраситься кумачовым цветом снаружи, оставаясь белым внутри. Чрезвычайная комиссия и создана была для того, чтобы точно распознавать вредный революции мыслящий овощ. Это не ново было. Ещё при Петре изобильно расплодилась редиска в немецких камзолах. Этот Василий Владимирович Долгорукий был ближайшим доверенным лицом Петра, крупной начальственной персоной в гвардии. Из материалов розыска можно понять, что огонь подобрался уже к избранному войску Петрову. Пётр впал в минутную растерянность, но скоро собой овладел, а Долгорукова казнить не велел. Призрачное восстание гвардии его остановило…

Откуда же эти оппозиционеры в ближайшем, казавшимся таким надёжным окружении царя-реформатора. Не обошлось и тут без тёмной личности светлейшего князя Алек-

сандра Даниловича. Что бы там ни говорили, а именно Меншиков и его шальное счастье так же стали одной из начальных причин той упорной оппозиции, в которую ушли сливки общества, обладающие умом, культурой и влиянием. Эта-то высокая оппозиция и образовалась как раз по поводу царёвой неразборчивости к любимцам и фаворитам, а потом уже обернулась неприятием всех его преобразований. Царское ли это дело, дать первое место в душе и в державе беспородному, но наглому голодранцу с родословной не лучше, чем у подзаборного пса. И потом, эта немчура, от которой прохода не стало. Рюриковичей и гедеминовичей, вельможных бояр, вписанных в бархатную книгу родов, это могло уязвить в самое их нутро, в сердцевинную глубину гордости, пышно взошедшей на генетической опаре, заквашенной в незапамятной древности. Тень Меншикова плотно застила взгляд даже государственной элиты на реформы Петра. Что уж говорить о народе.

Великая же беда для народа была, разумеется, и в том, что переделка России потребовала громаднейших денег. Благо от перемен предполагалось в отдалённом будущем, а разорение пришло в момент. Народ и не догадывался о том, каково будет это благо, а непосильный гнёт выдавил уже все соки из него. Я попробовал себе представить, что стало бы, если бы в какой-нибудь стране, даже в нынешней парализованной России, ввели вдруг те же налоги, которыми третировал несчастную русскую чернь Пётр Великий. Я думаю, всё-таки

взвыли бы народы, даже если бы объяснить все эти поборы самыми благими целями. Тем более что и мы этих реформ накушались досыта и цену их хорошо усвоили.

Вот краткий только перечень сборов, на которых держались петровские преобразования.

Налоги брали с «орлёной» бумаги (это так называемый «гербовый сбор», им сопровождалось оформление всякого официального документа). Брали деньги, если рождался ребёнок. Если помер кто, к общему горю присоединялась ещё и немалая царская подать на мертвеца. Как же мог относиться народ к преобразованиям Петра, если его корабельная нужда потребовала введения даже этого налога на мертвецов… Всё, что попадалось царю-реформатору на глаза, немедленно облагалось сбором – свечи, лошади, бани, трубы, конская шкура, хомуты, дуги, бороды, усы, ульи, кровати, дрова, орехи, арбузы, огурцы, родниковая вода, рыба… Обложив ещё и сортиры, Пётр вплотную приблизился бы в исторической памяти к римскому императору Веспассиану, обессмертившему себя циничной фразой: «Деньги не пахнут»… Да, ещё и гробы! Налог на гробы был верхом изобретательности преобразовательного царского ума. Они-то, гробы, надо думать, и приносили царской казне главный достаток. Люди при Петре мёрли, как мухи. Один Петербург потребовал от России, как утверждают иностранные резиденты и наблюдатели того времени, трёхсот тысяч жизней. Это, конечно, цифра не точная. Иноземцы всегда порочат, унижают и возвышают на-

ши достижения, смотря по тому, какого они свойства. Но, и из наших лучших знатоков вопроса, ни один не знает даже, в какую сторону её, эту цифру, корректировать… Народная масса, однако, волновала Петра мало. В отличие от чиновной и духовной элиты, она выступала открыто, и тот же царевич, судя по некоторым данным, руководил жестоким подавлением, например, бунта Кондратия Булавина. Именно от него Пётр узнал о смерти этого ярого выразителя тогдашних народных настроений: «Милостивейший Государь Батюшка, получена здесь ведомость, что вор Булавин застрелился сам и войско его разбито. И которой с сим прислан из Азова, посылаю к тебе Государю, и с сею викториею поздравляю. Сын твой Алексей. Из Преображенского. Июля в 18 д. 1708». Возможно, Пётр, пытаясь приучить его быть государем в своём стиле, и поручил подавление народного бунта царевичу, чтобы поглядеть, как это у него получится.

Интересно было бы узнать, что при этом чувствовал царевич Алексей. Ведь уже в то время он испытывал к отцу все свои чувства в полной мере. Он не мог также не знать, что народ, в большинстве, разделяет по отношению к царю Петру очень похожее настроение, что Кондратий Булавин, в сущности, союзник его.

Не хочу быть несправедливым к нашим великим историкам, может, не все их тома я прочёл с должным вниманием, но заметил я у них мало сочувствия простому русскому че-

ловеку, которых у матушки России девяносто девять и девять десятых процента населения. А ведь это-то и есть питательная среда Истории. Я сам живу жизнью этого простого народа, и у меня есть основания думать, что народ должен бы шарахаться от всякой реформы, даже от слова такого, как чёрт от ладана. И началось всё это опять же от времён Петра. Всякая затея сверху, всегда неясная, всегда понимаемая превратно, обраставшая и направляемая толками и слухами, реально отражалась на простом человеке только новым лихом, политикой государственного грабежа и нищетой. При Петре народная беда достигла крайних пределов. Доказательством тому одна достаточно яркая картинка. На содержание двора своей невестки, жены царевича Алексея, Пётр выделил деревеньки с несколькими тысячами крестьян. Эти крестьяне в результате царских преобразований настолько обнищали, что принцессе пришлось самой их подкармливать, чтобы они не поумирали с голоду.

Времена менялись, но никак не менялось неуважение к народной нужде. Это стало самым стойким из наследия Петрова. Поразительной моральной слепотой отличалась даже избранная часть нации. В некоторых деталях быт этой элитной части народа был таков, что заставляет думать о большом дефиците нравственного чувства даже у тех, кто имел в душе подлинную искру божию. Когда-то я собирал материалы для книги «Лермонтов в жизни». Нашёлся для неё эпизод, который стоил мне немалого душевного томления. Од-

нажды кучка молодых светских шалопаев решила дать бал-маскарад в одном из знаменитых пятигорских гротов. Только на свечи, драпировку грубого камня и на шампанское был потрачен годовой сбор с нескольких крепостных деревень. А надо сказать при этом, что в деревнях этих люди никогда не знали достатка. Хотя бы такого, чтобы иметь хоть раз в неделю мясо во щах для детей. Никому, даже гениальному Михаилу Лермонтову, по случаю примкнувшему к этой кучке, не показалось тогда, что люди, так весело и бессмысленно предающие свой народ, обречены. Это глубокое отчуждение народа от собственной элиты, от тех, кто был призван устроить разумное и достойное существование его, окончательно оформилось и тянется у нас опять же со времён Петра. Чуждая власть делала чуждыми и все её затеи. Даже те, которые и на самом деле, могли обернуться благом…

«А все в Петербурхе жалуются, что-де знатных с незнатными в равенстве держат, всех равно в матросы и солдаты пишут, а деревни-де от строения городов и кораблей разорились…». Эти слухи доходили до царевича и тогда, когда был он в бегах.

Положение русской деревни с той поры мало улучшилось. Может ли эта деревня (сейчас это более четверти народной массы) понимать и боготворить реформаторов? Суть всякой русской реформы Николай Карамзин объяснил двумя фразами: «“Говорят россиянам: было так, отныне будет иначе” Для чего? – не сказывают». И ещё: «…Всякая новость в го-

сударственном порядке есть зло».

Это не проходило бесследно. Вот самый краткий курс русской истории, начиная от смерти Петра. Народ, которому нечего было копить, кроме ненависти, становился всё решительнее и страшнее. Он накопил этой ненависти столько, что однажды она в одночасье смела всё, что дала петровская реформа почти за триста лет… Власть, бюрократию, иностранщину… Правда, взамен получили новых реформаторов, потом ещё новых. И так будет бесконечно.

Если вы хотите окончательно погубить Россию, не призывайте казней египетских на её голову, дайте ей реформаторов, так будет проще и надёжнее… Всё становится хуже, и только капитал ненависти растёт. Его не сдать в банк. Но кошмарные проценты с него иногда приходят по счетам. Вот о чём надо знать и помнить всякому правительству в России. Нынешнему тоже.

Выходит, отношение к себе и своему эксперименту над Россией Пётр знал. И не заблуждался в том, каково оно на самом деле. На смертном одре он скажет: «…я один тащил в гору, а миллионы – под гору».

Петру, по избытку сил, надобно стало затеять вдруг большое дело, а, если при этом в общем хаосе человек не знает равновесия и уюта, это уже его личное дело. Надо ли пояснять, что этот путь революционный, который Россия опробовала не однажды, и который в теперешнем и, видно, конечном итоге, ничего ей не принёс, кроме нищеты, бездарной

власти, безысходности, лишил её всяческой исторической перспективы. Конечно, мне удивительны грандиозные усилия Петровы. Пётр один дал такой толчок русской истории, что потребовались недюжинные усилия науки, чтобы осмыслить явления петровской эпохи. Заодно, поглядеть, что было до Петра. И только тогда образовалась в отечественном знании наука русской истории. Был у нас один Нестор, а после Петра явились грандиозные Татищев, Болтин, Голиков, Карамзин, вслед за ними Соловьёв, Ключевский, Платонов, Бильбасов, да и ещё целая самородная россыпь. Личность и преобразования Петра стали почвой, на которой выросла великая русская историческая наука. Тем не менее, и тут можно сказать одно и то же: он хотел как лучше, потратил невероятные силы, а получилось…

И вот царевич стал знаменем обиженных и обделённых. Повторю, может и не совсем осмысленно. Уходящая Россия, Русь царя Алексея Михайловича, сказочная и вещая, самобытная, таящая свои виды на будущее, тщательно пропалываемая Петром, в испуге и озлоблении столпилась вокруг царевича, выдвинула его вперёд.

Старая Русь действовала больше инстинктом. Ей было мало дела до того, что у царевича не было задатков вождя, что его слабая подпорченная натура не могла противостоять чудовищной воле царя.

В чём старая Русь видит главную беду. У неё отнимают

Бога-отца. Её делают сиротой. Она видит наступление немцев. Её делают пленницей. Пётр шёл воевать другие народы, и не заметил, как покорили тихой сапой его собственный. Бирон стал первым итогом петровских преобразований.

Да, царевич был слаб и духом, и телом, и царь, упорно добивавшийся его смерти, боялся не его, а тех, что стояли за ним. Они то и отличались немалым мужеством и волей. Вот эпизод, который произошёл сразу после смерти царевича Алексея Петровича. Царь Пётр без всякого перерыва продолжил бесконечную оргию трудов и разгула. У него всякое дело оканчивалось буйным праздником, как всякая патетическая строка в героическом житии заканчивается восклицательным знаком. И вот старая Русь вновь напомнила о себе беспримерным по отваге и бессмысленности подвигом. Некий подьячий Ларивон Докукин пробрался в праздной толпе близко к Петру. Но вовсе не для того, чтобы ткнуть его ножом. Он подал ему присяжный лист, каковыми печатные дворы наводнили тогда Россию. Подписавший такой лист обязывался служить новому наследнику престола двухлетнему Петру Петровичу. Помимо царевича Алексея Петровича, ясное дело. Кроме всего прочего, это обеспечивало на полтора десятка лет вперёд безопасность Екатерины, как матери наследника. И регентши, конечно, коль не стало бы Петра Великого. Вместе с этим продолжилось бы и безотчётное счастье Меншикова. Докукин же, от имени старой России, подал царю лично в руки означенный документ, в кото-

ром было заявлено: «За неповинное отлучение и изгнание от всероссийского престола царского Богом хранимого государя царевича Алексея Петровича христианскою совестию и судом Божиим и пресвятым евангелием не клянусь и на том Животворящего Креста Христова не целую и собственною рукою не подписуюсь; еще к тому и прилагаю малоизбранное от богословской книги Назианзина могущим вняти в свидетельство изрядное, хотя за то и царский гнев на мя произлиется, буди в том воля Господа Бога моего Иисуса Христа, по воле Его святой, за истину, аз раб Христов Илларион Докукин страдати готов. Аминь, аминь, аминь». Это был решительное действие, подобное тому, когда бросают себя на амбразуру. Гадать, чего тут больше – безумия или отваги – дело бесполезное. Судить об этом могут только те, кто способен на подобный поступок. Его три раза подвергли жесточайшей пытке. Он никого не выдал, хулил Петра и Екатерину и кричал, что пришёл добровольно пострадать за правду и имя Христово. Его колесовали. Этот подвиг Докукина, ничего не менявший в поступи времени, давал, однако понять, какие люди стояли за царевичем. И какая бы сила появилась, если бы затеял Алексей настоящее единоборство с отцом.

Неподдельными у Петра выходили только корабли и солдаты. Решить будущее России могла только война. И победа любой ценой. Пётр в знаменитых письмах к царевичу так пишет о главном его недостатке: «…паче же всего о воинском деле ниже слышать хощешь, чем мы от тьмы к свету вышли,

и которых не знали в свете, ныне почитают. Я не научаю, чтоб охоч был воевать без законныя причины, но любить сие дело и всею возможностью снабдевать и учить: ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению, еже распорядок и оборона». И продолжил: «Не хочу многих примеров писать, но точию равноверных нам Греков: не от сего ли пропали, что оружие оставили, и единым миролюбием побеждены, и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в некончаемую работу тираном отдал?» Только войском достигались, по мнению Петра «все великия прогресы». Это была политическая внешняя программа, которая ужасала тогдашнюю Европу. Ссылками на неё полны и многие гораздо более поздние спекулятивные выпады против державных целей России. Даже Гитлер оправдывал свою войну, потрясая перед публикой завещанием Петра Великого, которое, правда, оказалось поддельным…

Опасность такого правителя, как Алексей Петрович виделась Петру в том, что он не хотел воевать, не имел к тому пристрастия. И тем мог растратить и потерять все Петровы приобретения, а Европу забыть «страха рускаго»

А что взамен видел царевич. Он, как сказано уже, не оставил после себя политической программы. Но, можно угадать стиль его правления, коль он до этого бы дожил, по письмам, по некоторым его комментариям к прочитанному, и особенно по листам допросным, которые заполнялись до ужаса прилежными следователями Канцелярии розыскных дел, руко-

водимых Петром лично.

На допросе в застенке этой канцелярии возлюбленная его Ефросинья говорила: «Да он же, царевич, сказывал: когда он будет государем, и тогда будет жить в Москве, а Питербурх оставит простой город. Также и корабли оставит, и держать их не будет. А и войска де станет держать только для обороны. А войны ни с кем иметь не хотел, а хотел довольствоваться старым владением, и намерен был жить зиму в Москве, а лето в Ярославле…»

Судить тут царевича не за что, если ты, конечно, сам не допрашиваешь его в том же застенке от имени царя. Такая политика тоже имеет право на существование. Жизнь простого народа она, точно, облегчила бы. Мирные государи бывали благом. Царя Фёдора Алексеевича, предшествовавшего Петру, историки всегда поминали добрым словом. А он был самым миролюбивым царём. Известен не победами, а заключением мирных договоров, которые, однако, не принесли России разорения и позора.

В письмах к царевичу Пётр винит его в том только, что не видит в нём несокрушимого воина. Это, конечно, великий недостаток в глазах человека, не умеющего решить внутренние проблемы иными средствами, чем топор и плаха, а внешние другими, чем шпага и мушкет. Не знаю, имел ли в виду царевич более надёжные средства для прочности царства, но они ведь есть. И существовали всегда. Не их ли искал Алексей Петрович, скупая в европейских странствованиях исто-

рические, духовные и дидактические сочинения известных ему европейских авторов. Ни о том ли выспрашивал у немецких профессоров. Не это ли имел в виду, когда отвечал европейским жуирам, советовавшим ему, прежде всего, освоить искусство бальных танцев: «Я бы сначала хотел набрать ума в голову, а потом уже постараюсь обучить и свои ноги».

Между прочим, в процессе царевича Алексея был один небывалый ещё момент. Ко всем его винам добавилась доселе неслыханная. Впервые в России была взята под подозрение способность пытливого читателя размышлять над книжной строкой. Диктатура впервые обнаружила опасность не только в мятежном топоре и пуле, но и страх вольной заёмной мысли… Это очень любопытная история. Царевич читал знаменитого в то время Барония и конспектировал его… Цезарь Бароний был историк римско-католической церкви. В церковной иерархии занимал выдающееся положение. Был одно время духовным отцом самого папы римского. Кардинал. Библиотекарь Ватиканской библиотеки. Царевич мог читать его «Деяния церковные и гражданские». То, что теперь называлось бы «Избранное». Эти деяния были переведены ещё в XVII столетии, но царевич читал их в рукописи. Изданы на русском языке они были только через год после его смерти. Вот некоторые выписки из этого Барония:

«Не цесарское дело вольный язык унимать, не иерейское дело, что разумеет, не глаголати (глаголет Амвросий)». То есть, царевич, фактически, отмечает для себя, что не цар-

ское это дело – затыкать людям рты, не давать воли говорить то, что думается. И, наоборот, если ты уверен, что знание твоё разумно и полезно, то ты обязан делиться этим с другими. Отчаянный, до нелепого, напрашивается вывод. Царевича можно объявить чуть ли ни провозвестником свободы слова на Руси.

«Феодосиево приготовление к войне и заповедь воинам, чтобы не брать дров и постелей у хозяев на квартирах». То есть, у царевича заметно сочувствие той мысли, что война не должна всей тяжестью ложиться на плечи народа.

«Ирина Цесарева подати отпустила подданным».

«Адриан Второй, Папа Римский странным (странникам) Греческим сам есть носил, и с ними обедал, и руки и ноги им умывал».

Вот ещё замечательные слова, которые могут дать представление о царевиче и его образе мыслей: «Свидетельствуюсь Богом, что я никогда не предпринимал против отца ничего несообразнаго с долгом сына и подданнаго и не помышлял о возбуждении народа к восстанию, хотя это легко было сделать, так как русские меня любят, а отца моего ненавидят за его дурную низкаго происхождения царицу, за злых любимцев, за то, что он нарушил старые хорошие обычаи и ввёл дурные, за то, что не щадит ни денег, ни крови своих подданных, за то, что он – тиран и враг своего народа».

Особняком стоит в документах о розыске свидетельство французского резидента Ла Ви. Он утверждает, что цареви-

ча не сразу сломили. Что мужество его было отменным и сообразным с мятежной целью: «…Царевич с твердостию, которой в нём никогда не предполагали, сознался, что не только он хотел возбудить восстание во всей России, но что если Царь захотел бы уничтожить всех соучастников его, то ему пришлось бы истребить всё население страны. Он объявил себя поборником старинных нравов и обычаев, также, как и русской веры, и этим самым привлёк к себе сочувствие и любовь народа».

Может во всём этом не так уж много содержится государственной мудрости, но человечность и желание учитывать народные чаяния во внутренней политике государства тут налицо. Наверное, таким же было бы и правление его. А мудрость приходит с опытом.

Предупреждаю, ни в каком разе не пытаюсь я разобрать по косточкам то, что сделано Петром, чтобы охаять его. Явление Петра было исключительно. Я думаю, что случайности тут никакой нет, и он, в самом деле, был выдвинут временем, божьим промыслом, чтобы дать России шанс стать полноправной хозяйкой истории. И он достиг, в конце концов, того, что хотел. Русский государь впервые встал вровень с великими людьми своего времени. Главное, он заставил сопредельные народы бояться России. Не надо забывать, что именно эта цель являлась смыслом всякой прежней державной политики. Впрочем, как и нынешней. Я сочувствую ему. Казалось бы, это не то слово, которым можно исчерпать

всё отношение к делу Петра, но именно сочувствие и печаль приходят первыми, когда вижу, чем, в конце концов, обернулись его беспримерные усилия. Драма самого Петра началась и завершилась после его смерти. В жизни он больше был триумфатором. Я избрал себе самый лёгкий, и, мне кажется, безошибочный путь, чтобы оценить всякое значительное начинание. Окончательно великим оно становится, если имеет великие последствия. Следовательно, всякую реформу, всякое преобразование можно считать удавшимися, когда их результаты видны и сегодня. Когда они и теперь греют мне душу, делают мою жизнь осмысленней и полнее, влияют на меня лучшим образом. Известный настоятель Кентерберийского монастыря Хьюлет Джонсон написал цикл проповедей, в которых утверждал, что душевный комфорт даже и всякого отдельного человека зависит от его инстинктивного убеждения, что вектор истории совпадает с его душевными порывами, что путь истории пролегает через его сердце. И только тогда это означает, что история всего народа развивается в нужном направлении. Слова эти, кажется, рождены поэтическим порывом. Но, может, тут есть некоторая истина, откуда бы тогда эта неизбывная вечная кручина в русском человеке… История развивается сама по себе, а русский человек сам по себе. Он одинок во веселенной, и уже устал от этого одиночества… О царевиче же Алексее Петровиче я хочу думать как о том русском человеке, который первым ощутил эту вселенскую хандру, который первым учуял этот

разлад между движением истории и собственной душой… Предчувствие не обмануло его, реформы Петра остались достоянием своего времени, феноменом и украшением истории, не более того.

Как же, скажут мне, а не забыл ли ты, что Пётр ввёл нас могучей рукою в семью цивилизованных народов. Что сделал он Россию Европой. Когда мне говорят теперь, что благодаря Петру, мы вошли в эту семью, стали европейцами, то позвольте не поверить тому. В лучшем случае это иллюзия, мираж, оптический обман зрения. О том, что так скоро Европы не строятся, я уже говорил. Продолжу следующим.

Вот с напряжённым вниманием и любопытством вглядываюсь я за окно своего кабинета. Там, за этими окнами, должна быть Европа, какой мы стали по воле Петра. И та Европа, которая окружает меня каждодневно, изумительна. Настоящую Европу я представлял себе следующим образом. Там люди осознанно выдвигают стоющих людей, чтобы они управляли текущими делами государства, первое из которых – благо народа. Там обдуманная свобода, ограничена, однако, рамками, которые не дают ей превратиться окончательно в орудие трибунных плутов и политических мошенников. В Европе у человека есть права, которые государство способно защитить. Свобода там не входит, как кажется мне, в противоречие с законом. Там у честных людей есть право не подпускать к себе близко какого-нибудь проворовавшегося наглеца, сукиного сына, запятнавшего себя нечест-

ностью и шулерством. Во всяком случае, есть право не допускать его распоряжаться своей судьбой. Там, вот чудо из чудес, правительство, которое не умеет править, от которого нет пользы, уходит в отставку. Там с террором подонков общества борются, и даже, бывает, с успехом. Там президенты и прочие премьеры в посланиях и телевыходах к народу стыдятся пустой болтовни. Там нагромождение нелепиц трудно выдавать десятилетиями за реформы. Там воспитана культура владения капиталом, деньгами, без чего не бывает цивилизованной и успешной экономики. Там не может быть, наконец, государственного человека без чести, судьи без совести. Там не существует диктатуры бездарности, при которой процветают писатели без таланта, певцы без голоса, юмористы без чувства юмора. Ну, если всё это и есть, то всё же не в таких всеохватных размерах, как в той России, которая со времени Петра прикидывается Европой. Своё достоинство мы потеряли, а чужого не приобрели. Вот откуда у нас неизбывная грязь на улицах, вот откуда неимоверная нечистота в политике, вот откуда дикое воровство, вот откуда надменное и злобное чиновничество, убийственное его презрение к человеческим нуждам. Восемьдесят процентов государственной федеральной и муниципальной элиты у нас воры и мздоимцы. Это научно установленный факт. Другим двадцати процентам, наверное, просто ничего не дают, вот они и не берут. Губернаторы по ухваткам своим никак не вышли из времени Иоанна Грозного, и ныне они понимают де-

ло своё так, будто отправлены нашим президентом-батюшкой «на кормление». Громадные чиновничьи состояния возникают в считанные годы именно в тех местах России, где воровал и куролесил при Петре Великом страшный царский наместник Матвей Гагарин. Повешенный, правда, по справедливости. Под цивилизованной внешностью и респектабельным пиджаком дикость и отсутствие культуры у нас не переводится. Вот мой вам совет, никогда не смотрите на чиновника пристально, иначе вы обязательно увидите его настоящий облик троглодита, и испугаетесь до нервного тика, а то и до смерти.

Только написавши это, я понял, что всё можно было сказать короче. Пётр не угадал большой разницы между цивилизацией и культурой. Человека внешне цивилизованным можно сделать указом или дубиной, но культурным его этим не сделаешь. Культура воспитывается из поколения в поколение. Культурная революция – это полная чушь. Пётр боролся с чиновным воровством виселицей и плахой, но ничего этим не достиг. Он и не подозревал, что дикость можно искоренить только культурой. Мы и до сей поры этого не поняли. Ужесточаем меры против взятки, например, не думая вовсе о том, что в диком пространстве действуют только волчьи законы.

О каком долгом пути к цивилизации мы можем говорить, о каких успехах на этом пути, когда сказанное тысячу лет назад точно попадает в наш сегодняшний день: «Земля наша

велика и обильна, а порядка в ней нет…». И не столь уж дико при сегодняшней власти прозвучит это давнее, тоскливое – «да и пойдите княжить и володеть нами». Когда-то давно это сработало. Может, стоит подумать и о таком повороте реформ нынешней никчемной власти, может в этом и есть настоящий выход для неё? Может, особенный русский путь в том и заключается, что двигаться к будущему тут сподручнее всего включив задний ход, а сегодняшний день напитать прошлым проверенным опытом.

Такова ли та Европа, о которой мы мечтали. Неужели и там пустота вместо права, пустота вместо экономики, пустота вместо будущего, пустота вместо истории. Неужели и там в своём тяжком пути люди вдруг утратили уже инстинкт, требующий от них продолжения упорного движения к совершенству, к сохранению себя в потомстве. От всего этого жизнь, которая даётся нам единственный раз, давно стала для нас бессмысленной, потому что утратилась её цель. Неужели и там у народа не стало повода сознавать грандиозное счастье от того, что выпал ему этот неповторимый шанс – жить на прекрасной земле, продолжать свою великую миссию. Как не стало этого повода и у каждого отдельного человека. Не верю, что именно это хотели позаимствовать мы у Европы. И не этого хотел для нас Пётр. Очарован в Европе был он чем-то другим, наверное. Чего так и не довёз до родных пределов… Вот откуда моё сочувствие Петру, и печаль о том, что не удалось ему… Моё сочувствие доходит до того,

что готов думать я: не его вина в том, что суровая романтика, руководившая им, не пустила корни в русской почве…

Это долгое отступление в нынешний день мне понадобилось для того, чтобы пояснить одну непрошенную мысль, которая, возникнув, оскорбила однажды моё безусловное почитание великой истории Отечества. Дала повод усомниться в целесообразности её исходов. Уж не чуяла ли та старая уходящая Русь инстинктом своим наш нынешний погибельный день, и сопротивление той старой Руси было не бунтом ретроградов, а предчувствием нынешнего печального времени, с которым тогдашние чуткие вещие люди знали тайную связь. Нельзя ли то сопротивление расценить как завет нам и заботу о нас, хлебнувших, наконец, полною мерой мёртвую воду перемен. В таком случае, нам надо будет по-другому отнестись к тем людям, к их метаниям, исполненным смертельного благородства. И к царевичу Алексею Петровичу, вставшему во главе неосознанного, таинственного, как божье предопределение, отпора грозному погибельному будущему, нам надо будет отнестись по-иному. Тогда нам легче будет понять, что имел в виду Вольтер, догадавшийся сказать, что царевич погиб только потому, что был слишком русским. Ему вдруг не стало места в стране с тем будущим, в котором мы теперь живём.

Переодев и царевича Алексея, царь захотел пойти дальше. Он задумал сделать из него немца и по сути. Использовал для того сначала наличных приставников, прибитых к

его двору европейским сквозняком, а потом и вовсе послал учиться в германскую землю. Женил на немецкой принцессе. Кстати сказать, это был первый в истории русской монархии брак наследника трона с иностранкой. После Петра такие браки станут нормой. Так что, в конце концов, православное самодержавие станет немецким по крови.

Впрочем, Пётр в воспитании наследного принца был не слишком настойчив. И это ещё более усугубило предстоящую беду.

Со страниц допросных актов царевич предстаёт безумцем. Во время составления этих актов, он таким уже и был. Его свели с ума неслыханные пытки и непосильное нервное напряжение, невыносимое предчувствие конца. Об этом сумасшествии говорят дипломаты. Иностранный наблюдатель при петербургском дворе Плейер доносил об общей молве, что царевич помешался в уме и «пил безмерно». «Все его поступки показывают, – пишет французский посланник де Лави, – что у него мозг не в порядке». Голландский резидент де-Биэ: «Говорят, что умственные способности его не в порядке…». Дураком, однако, он никогда не был. «Отец твой умён, только умных людей не знает; а ты умнее его и умных людей знать будешь лучше», говорил про него упоминавшийся князь Василий Долгорукий.

У меня есть повод сказать даже, что царевича был на редкость проницательным человеком. Вот как судил он о ско-

ром будущем России близкому человеку своему Ефросинье: «…Отец мой, не знаю, за што меня не любит, и хочет наследником учинить брата моего, а он ещё младенец, и надеется отец мой, что жена его, а моя мачиха, умна; и когда, учиня сие, умрёт, то-де будет бабье царство!». Эта его прозорливость дала повод знаменитому историку Иловайскому удивиться точности его предвидений: «Между прочим, он метко предсказал скорое наступление бабьего царства и предчувствовал грядущее господство на Руси немцев. Насильственное устранение его от престола более всего принесло пользу сим последним, а для русского народа отнюдь не было благодеянием…». Выходит, он знал точный просчёт отцовской политики. Неоправданно широкая опора на немецкий гений. Излишнее пристрастие к иностранцам. Слово «немецкий» я употребляю тут в тогдашнем значении этого слова «нерусский», «европейский». По инерции это пристрастие прокатилось через века царской внутренней политики. Лет уже через сто после смерти Петра знаменитый покоритель Кавказа, генерал Ермолов (кстати, полный тёзка царевича Алексея), имевший чувство юмора, подпорченное опасным умением глядеть в корень, нарвался на серьёзную неприятность следующим образом. Император Александр Первый хотел наградить его за подвиги в войне двенадцатого года и, будто бы, спросил: «Что я могу сделать для тебя, Алексей Петрович?». «Сделайте меня немцем, Ваше Высочество!», будто бы, ответил Ермолов…

Как далеко зашёл этот упорный разлад между народом и верхами русского общества, принявшего всё-таки реформы Петра, можно угадать из народного же словотворчества. Когда русские верхи настолько отдалились от своего народа, что перестали говорить с ним на одном наречии, тогда народ и назвал их «шаромыгами», обнаружив своё понимание милых европейских светскостей – Cher ami. А заодно, назначив себе вечную дистанцию от государства, от чиновника, от казённой культуры. Определив для себя и смысл, и качество власти этой, и всей культурной элиты. Пушкин вернул отечеству настоящий наш язык. Но даже и он иногда говорил по-русски чистым французским языком. «Сделалась метель», ведь это же прямая калька из какого-нибудь Шарля Нодье.

Ну и вот ещё какое дело. Это ведь при Петре окончательно оформилось то рабское, подобострастное отношение к заграница, ко всякому иностранцу, которого нам, наверное, так и не истребить. Любой проходимец, шарлатан и бездарь, каких и у нас у самих хоть пруд пруди, нам милее и диковиннее, если он с иностранным клеймом. Взгляните хоть на сегодняшние афиши, в излишнем и черезвычайном изобилии развешенные по русским городам и даже весям. А ведь вся эта тлетворная назойливая перелётная саранча неплохо кормится, опустошая непрочное духовное пространство и жидкие наши карманы. Это ведь тоже, если вдуматься, наследие Петра. Духовный исполин Чехов, вынужден был сознаться, что выдавливает из себя раба по капле. А ведь это он таким

макаром протестовал против того худшего, что навязал России Пётр. Значит, оппозиция петровского времени никуда не исчезала. Злословить власть тихомолком Россия научилась при Петре. И непрерывно занимается этим до сей поры. Отдалённые искры политического заговора в России всегда тлели на каждой кухне. Тот, кто сможет соединить и подуть, как следует на эти тлеющие огни, получит пожар. Это потому, как полагает тот же историк Иловайский, что при Петре русский человек окончательно сформировал в себе рабскую психологию, но не навсегда забыл о воле. Надо думать, что у царевича неплохо было развито и чутьё политическое, поскольку эту тайную оппозицию, этот постоянно сжатый, потный от напряжения кукиш в кармане он думал обратить в реальную силу. Он знал, в чью сторону направлен этот кукиш. И это давало ему надежду. Царевич чувствовал нервный пульс потревоженной России. В определённой степени держал руку на этом пульсе.

Долгое время, лет двадцать, Пётр, не сказать, чтобы основательно, но осознанно, готовил всё же его к наследованию престола. Забота о воспитании наследника, тем не менее, выглядела крайне неосмотрительно. После того, как он, царь, засадил в монастырь его мать, и вплотную занялся великолепной рутиной собственного вхождения в историю, он полностью упустил сына из виду. Рядом с царевичем моментально образовался слой придворных неудачников и невос-

требованных честолюбцев. Имевшие свои резоны и страхи, они окончательно восстановили сына против отца. Уже лет в пятнадцать родитель ему «омерзел всеконечно». Меншиков озаботился приставить к нему педагогов, которые научили его пьянству. Первым его учителем был Никифор Вяземский, во всём похожий на Никиту Зотова, первого учителя самого Петра, возглавившего позже Всепьянейший собор в царёвом негласном министерстве потех и шутовства. Главное, великолепно вылепленный из грязи князь Меншиков скоро понял, что рассчитывать на приязнь царевича ему не приходится. Алексей Петрович был убеждён, что место в государстве, которое должен бы занимать он сам, прочно занято уже бывшим базарным лотошником. Тот ворочал государственным делом вместо наследника престола, когда Петра не было у державного руля. И выходило, что Меншиков стоял очень часто к этому кормилу ближе самого царя. Кормило его кормило.

Петровское следствие по делу царевича, наряженное раздольно и с оглушительной помпой, обнаружило обширный и опасный заговор, грозивший России гибелью безвозвратной. Так ли уж серьёзен был этот заговор для Петра? Лично для меня этот вопрос получил вдруг принципиальное значение. Он мог уменьшить образовавшуюся тяжесть в душе, где-то там, где бережём и лелеем мы тайную гордость за прошлое, которое может унизить или возвысить каждого из нас, каки-

ми бы равнодушными мы не прикидывались к нему. История остаётся частью нашей сути, сколько бы не учили нас неуважению к ней. У человека можно отнять всё, даже инстинкты. И, если не станет у каждого из нас этого интуитивного чувства принадлежности к осмысленному, в лад продолженному до сего дня прошлому, мы окончательно станем толпой, а не народом. Мне хочется знать Петра мудрого, а не озлобленного. И потому с некоторой поры переворачиваю я страницы истории нашей со страхом и трепетом. И жаль мне порой, что документа нельзя утаить и поправить.

Так вот, если и был этот заговор, то уж больно странно он выглядел. Старая, уходящая Русь, согласно деталям этого заговора, просто хотела спрятать царевича, как остатки разбитой гвардии прячут знамя до поры, пока не сформируются новые полки. Отсюда этот отчаянный план укрыть Алексея Петровича за границей, куда, как казалось, не достанет рука Петрова. И, надо сказать, план этот был вполне работоспособным. По всей России разошлись вдруг предречения ростовского епископа Досифея, сменившего на этом посту знаменитого Дмитрия Ростовского, что Петру осталось жить лет пять-шесть, не более. Сама Богородица будто бы явилась епископу во сне и объявила этот срок. И, как покажет скорое будущее, небесная покровительница старой Руси нисколько не ошиблась. Пётр умер в отведённые ею сроки. Если бы царевич уцелел до той поры, история России пошла бы по другому пути, и никто не может сказать, не был ли бы этот

путь для неё иным, но тоже благом. Впрочем, и заговорщики об этом не думали. Главный из вдохновителей побега, Александр Кикин, сознался на допросе, что действовал исключительно из корыстных соображений: «…я побег царевичу делал и место сыскал в такую меру – когда бы царевич стал на царстве, чтоб был ко мне милостив». Это же могли бы сказать и все остальные. Даже божий наместник при царевиче, духовник Яков Игнатьев, не упускал из виду будущего патриаршего места для себя… Постоянное царское нездоровье стало причиной брожения. Условный рефлекс мыслящей пешки, пытающейся разом оказаться в дамках, вот что выдвинуло заговорщиков из бездействующей толпы. И они обретались недалеко от цели. Прусский император, шурин царевича, на правах ближайшего родственника, был готов защищать его жизнь даже новой войной, хотя не окончил ещё две уже начатых. Немаловажно было и то, что в России народились внук и внучка монаршей бабки, старшей в цесарском роду герцогини Луизы. Этот внук её, между прочим, станет российским императором Петром Алексеевичем Вторым. Кроме того, беглый наследник престола величайшей державы мог быть решающим козырем в руках любого умелого политического игрока. Европа смутилась. Большой интерес к судьбе царевича проявили некоторые дальновидные политики сильно униженной Петром Швеции. Они пытались завладеть «непотребным сыном» Петра Великого, чтобы руководить потом неустойчивым настроением значитель-

ной части русского народа, который видел в Алексее Петровиче избавление от наступающего царства Антихриста.

Потрясающие и страшные в подробностях усилия потратил великий император, чтобы вернуть сына. В ход пошло всё – ложь, преступление клятвы, освящённой именем Божьим, угроза новой всеевропейской войной. Есть такое вышедшее из употребления слово – раж, синоним болезненного исступления. Несомненно, признаки такого ража можно угадать в длительном беспримерном упорстве, с которым Пётр руководил мировой облавой на сына. Сознаюсь, именно тут впервые поколебалось моё безусловное почитание главного героя родной истории. Я пожалел, что занялся его жизнью столь подробно. Живой и подлинный Пётр становился много грубее и непривлекательнее придуманного, облагороженного сказаниями, даже теми, которые лелеяла неподкупная народная память. Я вспомнил, как разочарован был Гулливер, рассмотревший вблизи, миловидное издали, лицо некой юной великанши на острове Бробдингнег. Как он шокирован был выступившими на первый план грубыми подробностями. Некоторые детали, громадные поры на жирной коже и холёная родинка, с близкого расстояния оказались тошнотворными. В них не осталось никакой прелести.

Романисты средней руки, чтобы изобразить ужас, обязательно вызовут на страницы своего повествования потустороннюю силу. Им непременно понадобятся копыта, рога, хвост. Ужас же обыденного может изобразить только очень

большой талант. В жизни царевича Алексея этот посюсторонний рутинный ужас наступил с того момента, когда он, спасая жизнь, убежал в Вену, под крыло шурина своего, прусского императора Карла VI. Когда-то давно, в казахстанской степи, я видел охоту змеи-щитомордника на птенцов розового скворца, которые вывелись среди камней древнего могильника. Щитомордник появлялся у гнезда и птенцы, уже готовые встать на крыло, цепенели в смертной истоме и теряли волю к полёту. Бесконечное пространство неба и степи сужалось для них до размеров этой узкой трагической сцены, где хозяйкой становилась смерть. У них, этих птенцов, не оставалось выхода. Ужас этот можно только чувствовать, описывать его – непосильное и бесполезное дело. Всё это изведал царевич Алексей Петрович. Из всех чувств, которые испытывает человек, царь оставил ему только чувство смертного страха. Думаю, что только состояние висельника, уже потерявшего опору под ногами и чующего, как плотно к горлу пришлась верёвка, может передать его тогдашнее состояние. Долго это переносить нельзя. Тут – или с ума сойти, или сдаться. Царевича постигли, похоже, сразу обе эти крайности.

Тогда, на какое-то время, они остались двое на белом свете. Большая любовь и великая ненависть схожи тем, что владеют людьми безраздельно. Им, двоим, стало тесно в этом мире. Заповедные участки европейской истории сохранили достаточно подробные следы царственной охоты на русского

принца. Я читаю строки давней, до жути деловой переписки, которой обменивались участники того прославленного европейского сафари (Пётр Толстой, руководитель секретной службы Петра Великого, в тайной переписке так и обозначил царевича оперативной кличкой —«зверь») и чувствую, что строки эти до сей поры не выветрились от того дремучего кошмара, который сопровождал царевича в его движении к неумолимому концу. Дело в подлинниках выглядит так:

Пётр 1 цесарю Карлу VI из Амстердама, 20 декабря 1716 года: «Я принужден вашему цесарскому величеству с сердечною печалию своею о некотором мне нечаянно случившемся случае в дружебно-братской конфиденции объявить, а именно о сыне своём Алексее… Он незнамо куды скрылся, что мы по сё время не могли увидать, где обретается… Того ради дали коммиссию резиденту нашему, при дворе вашего величества пребывающему, Веселовскому, онаго сыскивать и к нам привезть».

Пётр I Аврааму Веселовскому, 20 декабря 1716 года из Амстердама: «Даётся наш указ резиденту Веселовскому, что где он проведает сына нашего пребывание, то разведав ему о том подлинно, ехать ему и последовать за ним во все места, и тотчас, чрез нарочные стафеты и курьеров, писать к нам; а себя содержать весьма тайно, чтоб он про него не проведал».

Авраам Веселовский Царю, 3 января 1717 года из Вены: «…я отыскал вагенмейстера, который отправляет всех отъ-

езжих почтовых лошадей, и распрашивал его: он мне сказал, что в октябре отъехал на экстрапочте некоторый офицер с женою и двумя ещё персонами до Цибингена по Бреславльской дороге, и указал мне отвозившаго почтальона, который на распросы мои сказал, что отвёз до Цибингена, откуда он, офицер, поехал до Кросена прямо к Бреславлю и спрашивал у почтмейстера, сколько миль до Бреславля?».

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 21 февраля: «Вчерашняго дня приезжал ко мне известный референдарь (высокопоставленное лицо, держатель имперской печати, один из подкупленных агентов Веселовского. – *Е.Г.*) и сказал мне в конфиденции, что цесарь имеет подлинную ведомость, что Коханский (под этим именем царевич въехал в Вену. – *Е.Г.*) обретается здесь инкогнито, токмо у цесаря ещё не являлся».

Пётр I Аврааму Веселовскому, 24 февраля 1717 из Амстердама: «…Надлежит тебе послать двух верных и неглупых людей, одного в Италию до Риму, а другого до Швейцарской земли, и повелеть им накрепко о том же проведывать, и тебе писать. Также надо ещё в Вене проведывать, в Неаполе, Милане, Сардинии».

Пётр I Аврааму Веселовскому, 6 марта 1717 из Амстердама: «…посылаем к тебе 4 человек наших офицеров, под претекстом. Из них капитану Румянцеву весь тот секрет от нас сообщён, и с ним с одним ты откровенно в том поступай и советуй; а ему велено всё то исправлять, что ты ему велишь. И тако приложи старание, дабы ту особу каким-ни-

будь способом в Мекленбургию к войску нашему вывезть, и в таком случае можешь и сам с ними для лучшаго охранения ехать».

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 10 марта: «Во всех домах за городом в городе чрез шпионов сам Коханскаго искал; однако найти не мог, и подлинно он отсюды отлучился… Вчера вечером на ассамблее разговаривали при мне два тайные советника о отлучении Коханскаго из государства, и один из них обнадёжил меня, что имел он письмо из Тироля, что он проехал пред шестые неделями чрез Инспрук в Италию, имея при себе 5 служителей».

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 20-го марта: «Вчера прибыл сюда капитан Руманцов с 3 офицерами и вручил мне вашего величества милостивейший указ, по которому известную коммиссию исполнить уже поздно было: Коханский за 10 дней до того уехал отсюда, и удостоверил меня известный референдарь, что оный отправился в Тироль, под протекциею цесарскою…»

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 4-го апреля: «… ежечасно ожидаю известий от Румянцева, который уже 11-й день уехал в Тироль».

Авраам Беселовский Царю. Из Вены от 10 апреля: «…капитан Румянцов, возвратясь сюда, объявил мне, что известную персону он нашёл в Тироле в крепости Эренбергской, под протекциею цесаря, которая уже в январе с двумя цесарскими драбантами туда прибыла».

Александр Румянцев Царю 10 апреля 1717 года из Вены: «…Повторяе доношу, что я из Вены в Тироль ездил и его подлинно там нашёл в Тирольской провинции, в одной крепости, Эренберх, которая имеет расстояние от Вены 78 миль, между Италиянской и Швейцарской дороги, и живёт под протекциею цесарской, и содержится за крепким караулом: не токмо его, ни служителей его из крепости не пущают».

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 15 апреля: «После аудиенции у цесаря, советовал я капитану Румянцову немедленно ехать в Тироль и жить неподалеку от Эренберха инкогнито, дабы стеречь, чтобы известную персону куда не увезли, или не упустили из своих земель; в каком случае велел следовать за ним, и о том ко мне писать».

Нота Министерства иностранных дел Пруссии графу Волкре (Volkra) цесарскому послу в Англии 25, (14) апреля 1717 года: «…Цесарь, по родству, по несчастному положению принца и по великодушию цесарского дома защищать невинно гонимых, дал ему покровительство и защиту… Цесарь приказывает спросить короля Английскаго, намерен ли и он, как курфюрст и как родственник Брауншвейгскаго дома, защищать принца? Переговоры должен граф Волькра вести в величайшей тайне…».

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 3 мая: «…Уведомился он (Румянцев), что известную персону вкратце при нём вывезли оттуда в Италио до крепости Мантуа, и он намерен был ехать за ним, объехав Эренберг кругом, в след».

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 2 июня: «…Возвратился сюда капитан Румянцов из Италии с подлинным известием, что известная персона в Неаполе, и он Румянцов едет к вам, я более ничего здешнему двору не предлагал, опасаясь, чтобы не увезли её в иное место».

Из инструкции Петра I Толстому и Румянцеву. 1 июля 1717: «Мы не оставим искать всех способов к наказанию непокорство его; даже вооруженною рукою цесаря к выдаче его принудим; пусть разсудит, что из того последует?..».

Пётр I Алексею Петровичу в июле 1717: «…посылаю ныне сие последнее к тебе, дабы ты по воле моей учинил, о чём тебе господин Толстой и Румянцев будут говорить и предлагать. Буде же сего не учинишь, то, яко отец, данною мне от бога властию проклинаю тебя вечно; а яко государь твой, за изменника объявляю и не оставлю всех способов тебе, яко изменнику и ругателю отцову, учинить, в чём бог мне поможет в моей истине».

Пётр I цесарю Карлу VI от 10 июля 1717 года из Спа: «… Посылаем к вашему величеству нашего статских чужестраных дел коллегии тайнаго советника Петра Толстова, которому повелелено о всём, касающемся того дела, пространно вашему величеству на приватной аудиенции донести, такоже сына нашего видеть, и письменно и изустно волю нашу и отеческое увещание оному объявить и просить вас, дабы оный сын наш немедленно с ним был к нам отпущен».

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 14 июля: «Прила-

гаю подробный счёт 300 червонным, данным мне в Амстердаме, в том числе: двум шпионам, которые искали за городом известную персону несколько недель, 12 червонных; одному шпиону, который искал в городе, 6 черв.; курьеру, отправленному в Швейцарию, 83 черв.; за стафет 3 мая 21,5 червон.; 2 июня капитану Румянцеву на проезд до Парижа, с прочими офицерами, 100 червонных».

Из протокола Венской конференции 18 (7) августа 1717 года по письму Петра I от 10 июля того же года: «Это происшествие чрезвычайно важно и опасно, потому, что Царь, не получив удовлетворительнаго ответа, может с многочисленными войсками, расположенными в Польше по Силезской границе, вступить в герцогство и там остаться до выдачи ему сына; а по своему характеру, он может ворваться и в Богемию, где волнующаяся чернь легко к нему пристанет. Необходимо как можно скорее найдти средство к отпору, особенно заключением союза с королём Английским. Наконец, не надобно терять ни минуты в бездействии. Резолюция цесаря: Placet».

Пётр Толстой и Александр Румянцев Петру I. 1 октября 1717 года из Неаполя: «…Между царевичем и вицероем (вицекоролём, наместником цесаря Карла VI в Неаполе) в пересылках один токмо вицероев секретарь употребляется, с которым мы уже имеем приятство и оному говорили (токмо ещё в генеральных терминах), хотя и без указу вашего величества, обещая ему награждение, дабы он царевичу, буд-

то в конфнденции, сказал, чтоб не имел крепкой надежды на протекцию цесарскую, понеже цесарь оружием его защищать не будет и не может при нынешних случаях: понеже война с Турками не кончилась, а с Гишпанцами начинается; что оный секретарь обещал учинить…».

Пётр Толстой Аврааму Веселовскому. 1 октября 1717 года из Неаполя: «Мои дела в великом находятся затруднении, о чём к вам на предбудущей почте буду писать обстоятельно; а ныне только вам объявляю, ежели не отчаится наше дитя протекции, под которою живёт, никогда не помыслит ехать… Сего часу не могу больше писать, понеже еду к нашему зверю, а почта отходит…».

Наместник Неаполитанского королевства Даун Карлу VI из Неаполя от 28 (17) июня 1718 года: «Надеясь более всего действовать страхом, он [Толстой] так и поступая, сказал ему, царевичу, при первом свидании: царь будет считать его изменником, если он не возвратится, и не отстанет, пока получит его живым или мёртвым, во что бы то ни стало; он, Толстой, имеет повеление не удаляться отсюда прежде, чем не возьмёт его, и если бы перевели его в другое место, то и туда будет за ним следовать. Царевич поражён и смешан сими словами…».

Царь Пётр, в отличие от своего отца, не любил охоты, но тут, в его инструкциях, во всей переписке обнаруживаются все приёмы профессиональной, правильно организованной

травли с двуногими гончими.

Царевич сдался, и был почему-то весел при этом. Наверное, как всякий слабый человек, он был рад, что освободился, наконец, от непосильного груза для хлипкой своей души.

Теперь о смерти царевича. Все возможные причины её, даже самые невероятные, исчислены историками подробно и описаны детально. Нам остаётся только присоединиться к той версии, которая представляется наименее фантастической и подкреплена обстоятельствами и логикой его последних дней. Хотя нашей логике с теми обстоятельствами может оказаться не по пути.

Говорили, что царевича извели ядом, что его задушили подушками в камере, что, отворив кровь, казематные доктора умышленно перерезали ему вены, есть так же леденящее душу

описание того, как Пётр лично отрубает своему сыну голову топором, выхваченным у палача. Стоит, однако, внимательно исследовать обстоятельства его последних дней, чтобы понять, что все эти страсти могли и не понадобиться. Приведу описания этих дней, строго следуя допросному делу царевича Алексея Петровича:

«Июня в 24 день [1718] царевич Алексей спрашиван в застенке о всех его делах, что он на кого написал своеручно и по распросам и с розыску сказал, и то ему всё чтено: что то всё написал он правду ль, не поклепал ли кого и не утаил

ли кого? На что он, царевич Алексей, выслушав того всего именно, сказал, что то всё он написал и по распросам сказал самую правду, и никого не поклепал и никого не утаил… И в том им, царевичем, розыскивано, чтоб он сказал самую истину: всё ль правда, не клеплет ли кого, и не таит ли кого, и что ещё больше в нём есть?

А с розыску сказал тож, что и выше сего; а больше ничего не знает и никого не таит и не клеплет. Дано ему 15 ударов».

Запомним эти пятнадцать ударов кнутом уже истерзанному прежним ходом следствия царевичу 24 июня 1718 года.

Вот ещё выписка из «Записной книги С-Петербургской гварнизонной канцелярии»:

«26 июня по-полуночи в 8 часу начали сбираться в гварнизон его величество, светлейший князь, князь Яков Фёдорович, Гаврило Иванович, Фёдор Матвеевич, Иван Алексеевич, Тихон Никитич, Пётр Андреевич, Пётр Шафиров, генерал Бутурлин; и учинён был застенок, и потом, быв в гварнизоне до 11 часа, разъехались. Того ж числа пополудни в 6 часу, будучи под караулом в Трубецком роскате в гварнизоне, царевич Алексей Петрович преставился».

Запомним и это. Был новый допрос с пристрастием, уже без всякой нужды, поскольку следствию давно всё ясно было. Этот допрос в присутствии самого царя, конечно же, не обошёлся без кнутобоев, поскольку это, «учинён был застенок», надо понимать однозначно. Перед смертью было ещё 25 июня, и в этот день, надо думать, кнутобои тоже не бы-

ли оставлены без дела. Профессор Дерптского университета Ал. Г. Брикнер утверждает, что кроме этих роковых дней царевича жестоко пытали ещё до его перевода в крепость, что с 18 по 24 июня ему было дано сорок ударов кнутом. Вся же процедура допросов и розысков над царевичем тянулась целых четыре месяца. Специально для этих заметок я сделал маленькое разыскание о том, что такое была эта русская пытка с пристрастием, что такое был петровский розыск.

Русское изобретение кнут иностранцам бросалось в глаза. Многие писали о нём. «Кнут есть ремень из толстой и твёрдой кожи длиною в 3 1/2 фута, прикреплённый к палке длиною в 2 фута, посредством кольца», пишет Дж. Пери, капитан и строитель доков, приглашённый в Россию самим Петром. «Кнут есть род плети, состоящей из короткой палки и очень длиннаго ремня», поясняет камер-юнкер Берхгольц. Русский Григорий Котошихин, которому этот предмет несравненно роднее, даёт более развёрнутое описание: «А учинён тот кнут ремённый, плетёный, толстый, на конце ввязан ремень толстый, шириною на палец, а длиною будет с 5 локтей». В словаре петровского времени прежний мастер-кнутобой, грозный архангел застенка, поименован теперь званием кнут-мейстера, и это как-то сразу и легко примирило экзотическое туземное мастерство с наступившей на Руси эпохой преобразований. Надо сказать, кнут явился немалым стимулом при движении Отечества к цивилизации и прогрессу. Тут я должен попросить прощения за смысло-

вую тавтологию, поскольку кнут и стимул почти одно и то же. На слоге древних латиноязычных свинопасов стимул означал острую палку, с помощью которой древние римские свиньи также направляемы бывали к нужной цели.

То, что движение России к прогрессу было непростым и мучительным, доказывают следущие свидетельские впечатления, оставленные невольными прихожанами главного храма петровского цивилизаторского гения – Тайной канцелярии розыскных дел. «Есть два рода наказания кнутом. Первой род наказания определяется за преступления не очень важныя: с преступника снимают рубашку, один из палачей берёт его за руки и кладёт себе на спину; другой палач, или кнутовой мастер, даёт ему определённое судьёй число ударов. При каждом ударе палач делает шаг назад и потом шаг вперёд; кнутом бьют так сильно, что кровь течёт при каждом ударе, а на коже у осуждённаго делается ссадина или рана шириной в палец. Эти мастера так ловко владеют кнутом, что редко случается, чтобы они ударили два раза по одному месту… Второй и тягчайший род наказания кнутом состоит в том, что подсудимому связывают руки за спиной и верёвкой, прикреплённой к рукам, подымают его вверх, привязав ему к ногам тяжести. Когда он поднят таким образом, руки выходят из составов плечных, и тогда палач даёт ему кнутом столько ударов, сколько судья прикажет. Удары даются с промежутками, в которые дьяк допрашивает пытаемаго…» «…В час боевой ударов бывает тридцать или сорок; и как

ударит по которому месту во спине ж, на спине станет так слово в слово будто большой ремень вырезан ножём, мало не до костей…». «Ужаснейшим образом изсечённых кнутом подносят к огню для поджаривания; поджаренных снова секут, и после втораго бичевания вновь кладут на огонь. С такими переменами производится Московская пытка». «Сначала подымают обвинённых на дыбу (Strappado), и если это не подействует, то их секут; а Русские палачи – мастера этого дела и могут, как говорят, с шести или семи ударов убивать человека. Иногда сообщники преступника подкупают палача и заставляют его засекать обвинённого до смерти, чтобы отвратить от себя наказание».

Для дальнейшего вывода мне хватит двух этих жутких моментов: убить человека можно было шестью-семью ловкими ударами кнута, кнут-мейстера можно было взяткой или угрозами вынудить нечаянно перестараться во время розыска.

Вернее всего выходит, что царевича до смерти засекли кнутом.

Пётр хвастал своею жестокостию, замечает Пушкин: «Когда огонь найдёт солому, – говорил он поздравлявшим его в связи с окончанием дела Алексея Петровича, – то он её пожирает, но как дойдёт до камня, то сам собою угасает».

Пётр и к этому результату шёл с той же жестокой настырностью, трудно объяснимым изуверским напором. Может даже закрасться подозрение, что это вдохновенное упорство

не совсем здорового свойства. А все эти благонамеренные объяснения, будто интересы Отечества для Петра были дороже родного сына, неостроумная попытка смастерить очередное пустое красное словцо.

Такие мелочи, об этом сказано уже, как благоденствие подданных Петра мало волновали. Порядок он измерял трепетом и жутью. Он не был маньяком-садистом, его неслыханная жестокость не бессмысленна. Политическую гармонию в государстве, по его мнению, мог гарантировать только страх. Надо ли говорить, что реформы, авторитет которых покоится на таком зыбком фундаменте, ни почтения, ни понимания не вызовут. Тут для Петра и таилась главная опасность. Если бы нашёлся подлинный вождь, половодье гнева, конечно, снесло бы и Петра и всех, на кого он опирался. За царевичем пошло бы громадное большинство. Ещё не умершая старая Россия могла лягнуть агонизирующим ударом до смерти. Но, как говорилось уже, по складу характера царевич таким вождём быть не мог. Однако Пётр, заглянувший в бездну, закусил удила и понёс, как напуганная лошадь. Он не умел ориентироваться в обстановке чем либо иным, кроме топора и кнута.

Ещё один готовый ответ есть у того же Д.И. Иловайского: «Только эта смерть могла упрочить наследие престола за маленьким сыном Екатерины и успокоить опасения за свою будущую судьбу как Екатерины, так и Меньшикова. Тогда как первая показывала вид печали, последний даже не скрывал

своего удовольствия после кончины царевича».

Второй смертный приговор царевичу вынесли историки. У них не оказалось даже той малой доли благородства, которая не даёт честному кулачному бойцу трогать упавшего. Тем более, бездыханного. Историки продолжали избивать его после смерти. Известно, что историки могут изменить историю. Кому-то из них опять захотелось сказать красно, вот и сказано было, что смерти царевича потребовали интересы государства, а Пётр, кровью надорвавшегося сердца своего, утвердил этот смертный приговор. И пошла писать губерния, и до сей поры пишет. Однако никакой крови сердца мало-мальски прилежный историк не обнаружит на листах того приговора. Содержание и распорядок жизни Петра не изменились. Он так же активно писал указы, которыми надеялся изменить будущее, так же буйно радовался успеху своих текущих дел.

К казённому дешёвому гробу, купленному и убранному на конфискованные у Кикина и Долгорукова деньги, стояла в очередь народная Россия, а царь, Меншиков и другие новые русские вельможи неумеренно пили в день смерти царского сына за случившиеся уже победы русского оружия. На другой день победительное пьянство продолжилось спуском на воду очередного корабля…

Один только лейб-гвардии Преображенскаго полка сержант Никифор Подуруев, ходил в это время по погребальным лавкам и, опять на конфискованные деньги Тайной кан-

целярии розыскных дел, покупал траурные дополнительные драпировки и ленты. Говорили, что на девятый день, когда о душе умершего следует молиться, чтобы дух его был причислен к девяти чинам ангельским, Меншиков предложил Петру некое вовсе уж непотребное увеселение, и Пётр не вспомнил об этом богоугодном деле.

Наша наука история, родившаяся из желания разгадать грандиозную фигуру Петра, подпала под обаяние его. Культа Петра, как мы видим, при его жизни не было. Он один тогда насаждал его. Алтарный кумир Петра воздвигли историки при Екатерине Великой. Наука история, как неопытная барышня, нечаянно влюбилась в него, старалась не замечать неудобные для восприятия черты.

Все, кто противостоял ему, были взяты нашей историей под подозрение. Документы, касающиеся царевича Алексея Петровича, например, оказались долгое время вообще никому не интересными и невостребованными. Первым Николай Устрялов ужаснул культурную публику, издав знаменитый шестой том «Истории царствования Петра». Россия увидела, наконец, какие три кита легли в основание её прогресса – застенок, кнут и дыба.

Вольтер догадался сказать ближе всех к истине: «Великое преступление несчастного Алексея состояло только в том, что он был слишком русским…». Его и судили, как последнего русского, который берёг в себе всё, чем должна была отличаться Россия от остального мира. Погубил ли бы он

Россию после Петра? Нет. Как ни разу не погиб, например, Китай, правители которого, придерживаясь разных политических взглядов, при всей жёстокости, не убивали в народе его самобытности, не лишали национальных особенностей, одежды, косичек, в конце концов. Они, эти косички, отпали сами собой. Несмотря на все преобразования и жажду цивилизации, этот удивительный народ сохранил самобытную культуру, древний дух, связь со своей многовековой историей и традициями. И этот драгоценный груз истории не мешает ему стремительно идти к первенству в нынешнем мире. Китай, оставаясь древним, ухитрился не стареть. Россия же, в последнее время по воле бездарных и случайных правителей уже чуть ли не через каждое десятилетие примеряя памперсы и начиная новый отсчёт своего исторического времени, стала похожей на дряхлого выродившегося младенца. Не сохранила своей мудрости, и не приобрела чужого ума. А, если и набралась чего, то не того, что ей на пользу. Известно ведь, что русскому хорошо, то немцу смерть, и, наоборот, разумеется.

Самым трагическим итогом прошедших после Петра лет стало то, что у нас не стало чувства национального достоинства. Это не просто унижает, это уничтожает народ. Пример старой допетровской России убеждает, странным образом, что даже предрассудки могут служить на пользу нации, давать ей веру и достоинство и все те духовные блага, которые приносит народу чувство осмысленного существования в ис-

тории. Защищая старую Россию от новой, Николай Карамзин грустил вот о чём: «Не говорю и не думаю, чтобы древние россияне под великокняжеским или царским правлением были вообще лучше нас. Не только в сведениях, но и в некоторых нравственных отношениях мы превосходнее, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились, и что, действительно, порочно; однако ж должно согласиться, что мы, с приобретением добродетелей человеческих, утратили гражданские. Имя русского имеет ли для нас теперь ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его, присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, всё ещё оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оного!». Нравственная сила оставила нас. К такому ли итогу хотел привести нас Пётр? Он толкнул Россию, а куда она покатится, он не предполагал. И, судя по тому, что он не оставил после себя даже мало-мальски внятного завещания, это его не особенно и волновало. Удивительное дело, Пётр Великий, единственный из государей, кто никак не озаботился будущим своего дела. В той исторической свистопляске, которая началась после него, Россия выжила только благодаря своей счастливой звезде и, как видно, исключительной к ней Божией приязни. История Петра, это больше всё-таки исто-

рия его личных амбиций, и в этой части её вполне можно считать и необычайной, и величественной.

Вот ещё несколько попутных мыслей, которые возникали по ходу чтения документов, составивших розыскное дело Алексея Петровича.

О проницательности царевича мы уже говорили. Дар предвидения его уникален. Надо думать, что даже у Петра этот дар не был развит так, как у царевича Алексея Петровича. Предвидение – это дар богов, дело таинственное. Правители, отмеченные им, бывают редкостью. В сущности, главный политический талант в том и заключается, чтобы принимать решения и предвидеть – к чему они приведут. Человек с развитым предвидением не может восставать против хода Истории. И надо думать, что все эти угрозы сжечь корабли и провалить Петербург в тартарары только пьяный и озлобленный бред царственного неудачника. «Я по истине себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасных слов говорю много; а после о сём очень тужу», «пьяный всегда вирал всякия слова и имел рот не затворенный», – каялся царевич

Между прочим, у него был очень хороший литературный стиль. Мне его конспекты из Барония чем-то нуловимо напомнили конспект Пушкина к «Истории Петра Великого». Может быть потому, что читал я их почти одновременно. Вот примеры:

«Петр I, когда призывал купца Мейера в сенат, то всегда приказывал ставить для него стул». «Князь Ромодановский был истинный бич горделивости боярской». «При императрице Анне Иоанновне академик Крафт был должностным её астрологом. Сохранилось в календаре 1730 года его предсказание о вскрытии Невы 9-го апреля (что и сбылось)». «Пётр однажды в Саардаме оттолкнул мальчика, который бросил в него гнилым яблоком, что Пётр перенёс терпеливо». «На возвратном пути претерпел он бурю. Петр, ободряя с ним бывших, говорил им: «Слыхали ль вы, чтоб царь когда-либо утонул?». «Указано было наказывать за поединки смертной казнью». «Пётр пригласил несколько генералов к себе обедать, отдал им шпаги и пил за здоровье своих учителей. Шведские офицеры и солдаты также были угощены и проч.». «Пётр запретил делать гроба из выдолбленных дерев, дубу и сосны (из экономии), а из досок указанной меры. Еловые, березовые и ольховые позволено и долбить». Это Пушкин.

Царевич Алексей: «Поединки проклинает церковь». «Собор в Гишпании уставил, чтоб Королевы, по смерти мужей своих, не брачилися, но шли бы в монастырь». «Иоанн Папа 12-й через блядей (это, ныне изгнанное из литературных текстов слово, означает, прежде всего, еретика, вруна, отступника – *Е.Г.*) своих сделал, чтоб было Цесаря Оттона и Леона убили, а как они ушли, то он престол приял помощию бабиею и Леона проклял». «Никифор, Цесарь Греческий, с

архиереов поборы брал и палаты хорошия ломал, а на месте их конюшню делал». «Оттон Цесарь римского старосту Рогфреда, из гроба выняв, казнил». «Альберикус Морзорский Епископ сыну своему, от бляди рождённому, утупил престол». «Чудная повесть о Оттоне Цесаре и о жене Комитовой, которого он обезглавил напрасно». «Папа Сильвестр Второй был чародей, что сомнительно, однакож астрономию знал, что недалеко друг от друга». «При чхании поздравление уставилося в Риме, во время мору (Плиний пишет, что и у поган было)». «В Люзитании на Соборе в Етмерике положено, чтоб о умерших зла не говорить…». «Медведь от ловцов до церкви ушёл и мощам кланялся святой Гудилии (Есть сумнительно)». «Чёрт научил Французов побожности, по которой Цесарь Людвиг велел людям пост чинить».

Тут можно, конечно, заметить, что материал и литературные дарования не схожи ни по теме, ни по размерам. Но сам метод конспекта и черновика будущих работ у царевича Алексея и Пушкина, практически, одинаков. Составляются фразы, подобные контрапунктам в будущей симфонии. Эти фразы напомнят потом о мыслях, которые возникли по ходу составления плана, дадут настроение всему произведению, работе целиком. Легко представить себе, что царевич мог готовить себя к написанию крупного исторического документального полотна по истории церкви, например. Как Пушкин готовил себя к написанию монументальной истории петровского времени.

Он свободно ориентируется в современной ему литературе: «Феофила Цесаря смерть и разверзение уст и прочая, подобна нашему повествованию о нём».

Он любит историческое чтение. Сам Пётр, между прочим, полагал, что История и География есть два основания Политики.

Он был, однако, неудачник чистой воды. Невезение фатальное, куда ни кинь. История его любви, например, назревала как великая драма. Шекспир бы многое отдал за этот сюжет. Наследник престола великой империи променял царство за поцелуй последней подданной, полонянки, рабыни, крепостной девки. История эта в будущем обещала стать величайшим примером чувства, на которое только способно человеческое сердце. Кончилась она, однако, скучно. Всё это обернулось пошлой картинкой, иллюстрирующей ловкость мастеров царского тайного сыска. Есть сведения о том, что Ефросинья, возлюбленная его, оказалась корыстной шпионкой, прелестным сексотом Тайной канцелярии розыскных дел. Наёмницей царского обер-сыскаря Петра Толстого. Страстные разговоры царевича, откровенность которых была усугубляема обстановкой интимнейшей, и те были озвучены этим живым фонографом на следствии, во время очной ставки, в присутствии самого Петра. Откровения её стали решающими в деле царевича. Тут и взошла его смертная звезда.

Ефросинья, несостоявшаяся жена его, родила в застенке.

Следствие было милостиво к ней. Говорят, она даже вышла замуж за какую-то мелкую сошку, проводившую дознание об участии её в заговоре против царствующей персоны. Последний отпрыск Петра Великого, наполовину крестьянин, неизвестен истории. Однако, в нём было больше подлинной русской царской крови, чем во всех взятых вместе поколениях русских царей, начиная с Екатерины Великой. Странно думать, что остатки отшлифованных веками благородных царственных генов ушли и растворились в глухой чухонской чернозёмной толпе. И наверняка они, эти гены, не пропали вконец, и время от времени вылезут вдруг в каких-нибудь неправдоподобно породистых и одарённых буйными талантами Ломоносове, купце Третьякове или Шаляпине. Пётр не до конца истребил эту последнюю кровь Рюриковичей, она ушла в народ. Жизнь не скупится на неподъёмные для досужего ума символы. Народ, жаждавший царствования Алексея Петровича, как царства Божия, утаил-таки его кровь, сроднился с нею, и, может когда-нибудь, по капле этой крови Петровой, по атому, будет в каждом из нас. Эта последнее участие Петра в будущем Отечества представляется мне самым неистребимым и по-особому трогательным. Может за то и простил народ Петру всё, и полюбил его самой надёжной любовью, любовью после гроба. Пётр стал родным своему народу в самом натуральном смысле. Иной крови, во всяком случае, по мужской линии от Петра Великого не осталось. Где то она бродит сейчас?

«Обречён с рождения на судьбу злополучную»

7 августа 1689 года царю Петру угрожала страшная опасность. Против жизни его составлен был заговор царевной Софией. К счастию государя, он был вовремя предуведомлён. Двое стрельцов прискакали к нему в Преображенское около полуночи. Царь покоился глубоким сном. Его разбудили. Стрельцы донесли о заговоре и наименовали главных участников, «умышлявших смертное убивство на государя и государыню-царицу». Внезапно пробуждённый, страшно перепуганный, Пётр, прямо с постели, босой, в одной сорочке, бросился в конюшню, вскочил на коня и скрылся в ближайший лес; туда принесли ему платье; он наскоро оделся, и, не теряя ни минуты, с величайшею поспешностью пустился по дороге к Троицко-Сергиевой лавре. В пять часов проскакал он шестьдесят вёрст… Столь же поспешно, в ту же ночь, отправилась из Преображенскаго в Троицкий монастырь царица Наталья Кириловна с дочерью; с ними поехала супруга Петра, Авдотья Фёдоровна: она была уже беременна…

Семевский М. Царица Евдокия Федоровна Лопухина. // РВ. 1859. Т.21. №10. С.222. Далее цитируется как Семевский (1).

Пробуждённый от сна Пётр выскочил в одной сорочке, босой, бросился в конюшню, сел на коня и ускакал в ближай-

ший лес. Туда принесли ему платье. Он оделся и вместе с Гаврилом Головкиным во весь дух пустился в Троицкую лавру, куда поспел через пять часов.

Костомаров Н.И. Русская История в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Книга II. СПб. 1876. С. 482

Пётр с обеими царицами, с царевной Наталией Алексеевной, с некоторыми боярами, с Гордоном, Лефортом и немногими потешными убежал в Троицкий монастырь (без штанов,– говорит Гордон).

Пушкин А.С. История Петра. Подготовительные тексты. ПСС в 10 т. Изд. «Наука». М. 1965. Т. IX. С. 30

7 [августа 1689], среда. Ночной порою много стрельцов собралось в замке, или Кремле, причём никого не допускали, кроме определённых и известных лиц. Сие вызвало такую тревогу среди партии младшего царя, что все, кто смог получить весть об этом, поспешили в Преображенское. Вскоре после полуночи несколько стрельцов и других […] явились в Преображенское и уведомили царя Петра Ал., что множество стрельцов или солдат гвардии по приказу собираются в Кремле, должны с оружием прийти в Преображенское и умертвить разных лиц, особливо Нарышкиных. Предупрежденный об этом, царь поднялся с постели весьма спешно, не надев сапог, [вышел] в конюшню, где велел оседлать коня, и поехал в соседний лес, куда к нему доставили одежду

и облачение. Одевшись, он с теми, кто был наготове, во весь опор поскакал в монастырь Святой Троицы.

Гордон Патрик. Дневник, 1684-1689. – М.: Наука, 2009. С. 202

Таким грустным событием встретила Евдокия первый год своего супружества.

Есипов Г.В. Царица Евдокия Фёдоровна. Русские достопамятности. Т. 1, выпуск 5. М. 1863. С. 30. Далее цитируется как Есипов Г.В. (1)

Царевич Алексей Петрович, первенец-сын, как бы до дня своего рождения уже был обречён на судьбу злополучную. Его отцу угрожает смерть от ножей злоумышленников, его мать в страшном испуге, в поспешном бегстве, вслед за мужем, ищет спасения…

Семевский М. (1). С.222

Чрез год с небольшим после брака, царица Евдокия 18 Февраля 1690 года в четвёртом часу ночи разрешилась от бремени сыном, царевичем Алексеем Петровичем. Царь был очень обрадован рождением своего первенца, принял поздравление стрельцов Бутырскаго полка, и чрез неделю дал великолепный фейерверк на Пресне.

Устрялов Н. История царствования Петра Великаго. Т. VI. Царевич Алексей Петрович. С.-Петербург, 1859. С. 11.

Далее цитируется как Устрялов Н. (1). С указанием тома и страницы.

Царевич Алексей родился в 1690 г., когда отцу его было ещё 18 лет.

Терновский Ф. Император Пётр I в его отношениях к царевичу Алексею. Киев. 1911. С. 2. Далее цитируется как Терновский Ф. С указанием страницы.

[1690] Лета 7198 года марта в 11 день, по указу в-х г-рей ц. и в. к. Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича в. в. и м. и б. р. с. постельничему Гаврилу Ивановичу Головкину с товарищи, в-кие г-ри ц. и в. к. Иоанн Алексеевич, Пётр Алексеевич в. в. и м. и б. р. с. пожаловали стольников и полковников и подполковников и капитанов – московских дватцати, выписных четырёх, да Белогородскаго жилого и что в Даурех, всего дватцати шести полков, для всемирныя радости рождения в-го г-ря царевича и в. к. Алексея Петровича в. в. и м. и б. р., велели им дать своего в-х г-рей жалованья: полковником по объяри двойной, мерою по пяти аршин, подполковником по камке кармазинной, мерою по 10-ти аршин, капитаном по тафте, мерою по пяти аршин, из Казённаго Приказу; а кому имяны полковником, и подполковником и капитаном дать, тому список под сим в-х г-рей указом.

Список стольником, полковником и подполковником и капитаном московских стрельцов, которые ныне на Москве

и на иных в-х г-рей службе в разных городех, и велено им дать их в-х г-рей жалованья, для вышеписанные всемирные радости: Полковники на Москве: Иван Цыклер, Лаврентий Сухарев, Борис Дементьев, Дмитрий Жуков, Иван Озеров, Семён Огибалов, Семён Кравков, Борис Щербачёв, Иван Кабылский, Сергей Головцын, Илья Дуров, Борис Батурин, Степан Стрекалов, Алексей Обухов, Григорий Анненков; на службе: Родион Остафьев, Иван Спешнев, Сергей Сергеев, Василий Барков, Иван Нечаев, Семён Капустин, Иван Спиридонов. Подполковники на Москве: Мартемьян Сухарев, Иван Башмаков, Михаил Кривцов, Родион Рыкунов, Василий Ельчанинов, Тихон Гундерт-Марк, Гаврило Байшев, Фёдор Айгустов, Алексей Чичагов, Богдан Юдин; на службе: Иван Байшев, Степан Митусов, Пётр Туров, Василий Мещеринов, Матвей Неклюдов, Михаил Протопопов, Иван Климантов (Ст. 198 г. № 1191).

Из столпцов дворцовых приказов.

Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. I. М. 1872. С. 107-108

Лишь только Монархиня разрешилась от бремени, и наречено было имя Царевичу (по другим сведеням случай это произошёл по поводу рождения царевича Петра Петровича. – *Е.Г.*), в ту же минуту послал Государь генерал-адъютанта своего в крепость к обер-коменданту с тем, чтобы комендант тотчас же возвестил народу эту радостную весть пушеч-

ными выстрелами. Но как пред тем дано было от Его Величества строгое повеление никого не впускать в крепость после пробития вечерней зари, вследствие чего каждому часовому отдан был этот строгий Монарший приказ, то новобранец, стоявшей на часах при входе в крепость, остановив посланного генерал-адъютанта, сказал: «Поди прочь! Не велено никого впускать». – «Меня Государь послал за важным делом». – «Я этого не знаю, а знаю одно: не велено мне никого впускать; и я застрелю тебя, ежели не отойдёшь!» – Нечего было делать: адъютант возвращается к Государю и доносит ему обо всём. Нетерпеливый Монарх, в сюртуке, без всяких отличий, идёт сам в крепость и говорит тому же часовому: «Господин часовой! Впусти меня!» – «Не впущу!», – отвечает солдат. – «Я прошу тебя!» – «Не впущу!» – повторяет он. – «Я приказываю!» – «А я не слушаю!» – «Да знаешь ли ты меня?». – «Нет!». – «Я Государь твой!». – «Я ничего не знаю, кроме того, что он сам же приказал никого не впускать» – «Да мне есть нужда». – «Я слышать ничего не хочу». – «Бог даровал мне сына, и я спешу обрадовать народ пушечными выстрелами». – «Наследника!», – вскричал часовой с восхищением. – «Полно, правда ли?» – «Правда!» – «А когда так, что за нужда, пусть хоть расстреляют меня завтра! Поди, и сегодня же обрадуй народ этой вестью».

Великий Государь на минуту заходит к обер-коменданту, объявляет о рождении сына, повелевает тотчас возвестить народу радость эту сто одним пушечным выстрелом, поспе-

шает в Собор, приносит усерднейшее благодарение Богу при звоне колокольном, а солдата жалует сержантом и дарит ему 10 рублей.

Достопамятные сказания о жизни и делах Петра Великого, собранные редакциею журнала «Русская старина». С.-Петербург, 1876

Того ж числа к в-му г-рю в хоромы сто рублёв, принял постельничий Гаврило Иванович Головкин, а из хором пожаловал в-кий г-рь те деньги Благовещенскому протопопу Меркурию за крещение благовернаго в. г. ц-ча и в. к. Алексея Петровича (Ст. 198 г. № 645).

Из столпцов дворцовых приказов.

Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. I. М. 1872. С. 108

Новорождённый царевич был наречён именем своего знаменитаго деда. В этот день был у государей «стол, ради рождения царевича Алексея». Первый день жизни Алексея Петровича ознаменовался распрей и ссорами. Генерал Гордон, приглашённый к торжественному столу, должен был после жаркаго спора удалиться из дворца, по настоятельному требованию (патриарха) Иоакима, ненавистника Немцев. Он объявил решительно, что иноземцам при таких случаях быть неприлично; вся эта сцена, разумеется, обидела генерала, оскорбила и царя Петра.

Семевский М. (1). С.222

Немцев не любил он с восьми лет

Царевич… состоял под надзиранием Царицы, матери своей, до 1699 года.

Голиков И.И. Деяния Петра Великаго, мудраго преобразителя России, собранные и достоверных источников и расположенныя по годам. Сочинение И.И. Голикова. Том седьмой. Издание второе. М. 1838. С. 15. Далее цитируется как Голиков И.И. (1). С указанием тома и страницы.

Где жил он, кто окружал его, чем занимали ребёнка, какое направление дано ему в те драгоценные годы, когда первыя впечатления ложатся на душе основаниями будущих нравственных проявлений?.. Все это до сих пор не объяснено.

Есипов Г. Кабачок Мартышка. Русский вестник. 1860. Т. 30. Ч. I. С. 115

Царевича окружили люди, недружелюбно относившиеся к затеям государя.

Костомаров Н.И. (1). С. 824

Россия волнуется бурями преобразования, все истомлены и жаждут пристать к тому или другому берегу; для всех одинаково важен и страшен вопрос: сын похож ли на отца?

Соловьев С.М. История России с древнейших времён. М.: «Мысль». 1988. Т. XVII. С. 6.). Далее цитируется как Соловьев С.М. (1). С указанием тома и страницы.

К несчастию сего Принца, окружаем был от самых пелен людьми, заражёнными предразсудками суеверия, которые всё вводимое родителем его не только не одобряли, но и охуждали, называя оныя еретическими и богопротивными.

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 15

…Бабушка особенно полюбила внучка и с рук на руки передала его избранной кормилице. То была Марфа Афанасьевна, жена Вас. Ив. Колычова. Василий Иванович принадлежал к одной из старинных дворянских фамилий; многие из предков его были лицами именитыми в XV, XVI, XVII веках, при дворе великих князей и царей московских; а один из них, Фёдор Степанович, в иноках Филипп, митрополит Российский, приял мученический венец при царе Иване Грозном, и причтён к лику святых…

Семевский М.И. Кормилица царевича Алексея. СПб. 1861. С 4-5. Далее цитируется как Семевский М.И. (2).

Царица Наталья Кирилловна очень любила своего внука и именем Олешеньки звала Петра, например, из Архангельска. Шести лет царевич стал учиться грамоте. Учителем к нему определён Никифор Вяземский…

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 144

Вяземский, Никифор Константинович, нигде не называется Князем. Не от Вязём ли, села Князя Бориса Алексеевича Голицына, в 40 верстах от Москвы, происходит его фамилия, Вязёмский? По крайней мере, в 10 верстах от Вязём была у него своя деревенька, для коей поручал он однажды Якова Игнатьевича (духовника Царевичева) просить у Князя семян. Было ещё имение в Вологде. В Москве у него был дом.

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича вновь найденных Г.В. Есиповым с приложением рассуждения М.П. Погодина. М. 1861. С. XIX. Далее цитируется как Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С указанием страницы.

За Божиею благодатью, по твоему царскому желанию, сын твой благополучный великий государь царевич и великий князь Алексей Петрович всея великия и малыя и белыя России в немногож времени совершеное литер и слогов по обычаю аз-буки учит Часослов.

Некто званием от последних Никишко Вяземский многопокорно рабски челом бью.

Н. Вяземский – царю Петру. С Москвы, июля 29 числа 201 (1696) году. Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С.-Петербург, 1859. С. 298

Божиею ревностию ревнуя по благочестии подражателю. Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцу. Тепле поборая по святей кафолической вере, и тщателно защищая соборную и апостолскую церковь и любезно заступая вся християны, от Бога вручённые Своея Царския державы. Странно сотворившегося действа в самый день Пятдесятный, в он-же святым учеником и апостолом от Безначалного Отца благодать Пресвятого Духа премудрость и разум дадеся. Что ныне повелехся делом совершати, приступил к светлей Твоей деснице, от Тебе умна солнце – изливающе свет благодати. Благословенному и царских чресл Твоих плоду светлопорфирному Великому Государю Царевичю и Великому Князю Алексею Петровичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, сотворил о безначалном Алфы начало, что да будет всегда во всём забрало благо. Откуда-же и како мне сие бысть – не вем!.. но токмо «Сердце Царево в руце Божии». Повем: ниже мысль моя земленоревностная (sic) имеяше, или когда смеяше дерзати. Желаю дабы Господь Бог Тебе даровал Великому Государю здравие Моисеево, лета веку его равныя, силу Самсонову, мир Соломонов, обладание Августово, славу Александрову, победу над врагами яко царю Констянтину на Максентия, яко Давиду на Галиафа, и вся благая желании сердца Твоего царского да исполнит. Твоего Царского Пресветлого Монаршеского Величества малейший и последнейший раб Никишко Вяземской, к стопам Твоим

царским припадая, кланяюся.

С Москвы, июня 2-го числа 204 (1696) году.

Письмо Никифора Вяземского – царю Петру. 2 июня 1696. Труворов А.Н. Русская старина, 1991. – Т. 70. № 6. – С. 602.

Вяземский был, впрочем, человек бездарный и слабый; он не умел заслужить уважения своего питомца, который в последствии бил его неоднократно. Но главным несчастием было то, что до девяти лет царевич находился под надзором матери, косневшей в предрассудках старины и ненавидевшей всё, что нравилось Петру. Окружавшие его родственники с матерней стороны, Лопухины, так же, без сомнения, оставили самое невыгодное впечатлите в уме слабого отрока: по крайней мере, враги Петровы смотрели на царевича, как на будущую надежду свою, и стрельцы, при розыске 1698 года, говорили вслух, что он немцев не любит.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 15

Такой приговор делает г. Устрялов над лицами, окружавшими отрока Алексея; подобные же приговоры делали и предшествовавшие ему историки, и во всех случаях приговор этот голословен. Никто не взял на себя труда остановиться с надлежащим вниманием над личностями, окружавшими царевича, сколь возможно ближе познакомится с характером матери-царицы, ея свойственников и свойственниц, на-

конец, с первыми приставниками и приставницами наследника престола.

Семевский М. (2). С. 3

Ещё во время стрелецкого бунта, когда царевичу было 8 лет, в народе говорили, что он немцев не любит, и хотели посадить его на царский престол, убив предварительно Петра, как такого государя, который начал веровать в немцев. Пётр знал это и рано стал видеть в сыне своего соперника…

Терновский Ф. С. 6

Императрица Елисавета, выбрав себе в наследники герцога Шлезвиг-Гольштинскаго, сына сестры своей, приставила к нему воспитателей и учителей. Часто она приходила на его уроки в утреннем костюме и оставалась на них по нескольку часов. «Отцу моему доставляло большое удовольствие», говорила она, «навещать нас с сестрою и вникать в наши занятия. Он никогда не уходил от нас, не дав какого-нибудь полезнаго совета. Он заставлял нас разсказывать что мы выучивали в течение дня и, выслушивая нас, он приходил в такое восхищение, что целовал и делал нам иногда хорошие подарки!». Однажды Елисавета вошла к своему племяннику в то время, когда он занимался черчением крепости по методе Когорна. «Можешь убедиться на деле, как полезно знание» сказала она. «Припоминаю, как батюшка часто говаривал, что охотно-бы дал отрубить себе палец, чтобы перевос-

питаться съизнова. На каждом шагу он убеждался в небрежении, с каким относились к его образованию. Однажды он удивил нас с сестрою, переведя страницу с Французскаго. Как вы счастливы, воскликнул он, что в молодости приобрели все те познания, которых мне недостаёт!». На это можно-бы сказать Елисавете: если Пётр до такой степени понимал пользу учения в детские годы, то отчего не попытался применить того-же к несчастному сыну своему Алексею?

Анекдоты прошлого столетия. [Извлечение из книг Шерера] / Перевод И.В. Шпажинского // Русский архив, 1877. – Кн. 3. – Вып. 12. – С. 379

Когда вскоре после государственного переворота 1689 года начались преобразования, столь не нравившиеся массе, народ надеялся, как на избавителя на царя Ивана Алексеевича. После кончины последнего недовольные стали ожидать спасения от царевича Алексея. Ещё в то время, когда царевич был мальчиком, народ обращал на него особенное внимание. Говорили, что Алексей ненавидит иностранцев, не одобряет образа действий отца и намеревается погубить тех бояр и сановников, которые служили покорным орудием в руках Петра при исполнении его планов.

Брикнер А. Г. История Петра Великого: В 2 т. Т. 1. – М.: ТЕРРА, 1996. С.314. Далее цитируется как Брикнер А.Г. (1).

В России уже около того времени начали ходить слу-

хи о разладе царевича с царём… Однажды какой-то монастырский конюх Кузьмин разсказывал стрельцам следующее: «Государь немцев любит, а царевич их не любит, приходил к нему немчин и говорил неведомо какия слова, и царевич на том Немчине платье сжёг и его опалил. Немчин жаловался государю, и тот сказал: для чего ты к нему ходишь, покаместь я жив, потаместь и вы»… Недовольные настоящим утешали себя будущим. Ходили слухи, что наследник престола также недоволен, что он окружил себя всегдашними представителями недовольных – казаками и ведёт борьбу с боярами, потаковниками царя, считавшагося незаконным, антихристом. «Царевич», говорили в народе, «на Москве гуляет с донскими казаками, и как увидит котораго боярина и мигнёт казакам, и казаки, ухватя того боярина за руки и за ноги, бросят в ров. У нас государя нет, это не государь, что ныне владеет, да и царевич говорит, что он мне не батюшка и не царь».

Брикнер А. Царевич Алексей Петрович в произведениях иностранных драматургов и беллетристов // Исторический вестник, 1880. – Т. 3. – № 9. – С. 146-158. Далее цитируется как Брикнер А.Г. (2)

Года чрез полтора после первого родился у него [Петра] второй сын, Александр, умерший в младенчестве.

Устрялов Н. (1). С. 11

Надежда на реакционное движение против преобразований Петра, на участие наследника в таких действиях могла сделаться опасной не только для царя, но и для его сына. Имя Алексея могло сделаться знаменем заговора против Петра. Антагонизм такого рода легко мог повести к личной вражде между отцом и сыном. Уже довольно рано стали думать о возможности такой борьбы, решительного разлада между Петром и Алексеем.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.314

Сделать из сына немца

В древней летописи Русской находится любопытный рассказ, как великий князь Владимир разлюбил жену свою Рогнеду, как та хотела его за это убить, не успела и приговорена была мужем к смерти; но когда Владимир вошёл в комнату Рогнеды, чтоб убить её, то к нему навстречу вышел маленький сын их Изяслав и, подавая меч Владимиру, сказал: «Разве ты думаешь, что ты здесь один?». Владимир понял смысл слов сына и отказался от намерения убить жену. Но обыкновенно мужья и жёны, когда ссорятся, забывают, что они не одни; и Пётр, постригая жену, забыл, что он не один, что у него остался сын от неё.

Соловьев С.М. (1). Т. XIV. С. 138

Единственным средством для избежания антагонизма

между Петром и Алексеем было бы целесообразное, вполне соответствовавшее духу и направлению царя воспитание царевича, развитие в нём склонности к приёмам западноевропейской цивилизации, любви к труду и познаниям, обучение его тем самым наукам и ремёслам, которыми занимался отец.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С. 314

По удалении Евдокии в Суздальский Покровский девичий монастырь, Пётр вознамерился отправить сына, для воспитания, в Германию, под надзором Саксонскаго генерала Карловича, приезжавшего в Москву в 1699 году. Царевичу предназначено было жить в Дрездене, куда между тем Лефорт приказал сыну своему Генриху ехать из Женевы. «Я ожидаю всемилостивейшего повеления моего короля», писал Карлович Петру из-под Риги в феврале 1700 года, «снова отправиться в Москву и с нетерпением желаю повергнуться к стопам вашего величества, не сомневаясь найти вас в добром здравии и в неизменном намерении послать вашего светлейшего принца со мною в Германию. Для достойного принятия его, всемилостивейший государь мой (Август II) сделал все распоряжения: самым тщательным попечением и заботливостию о принце он докажет, как приятно ему получить столь драгоценный залог из рук вашего величества». Смерть Карловича, убитого под Ригою на приступе к Динаминду 1-го марта 1700 года, остановила отъезд царевича.

Вскоре началась Шведская война; поражение под Нарвою так озаботило Государя, что он отложил до другого времени посылку сына за границу.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 17

Без успеха ищем мы следов, указаний, подробностей, как в это время обходился Пётр с своим сыном, к чему приготовлял его, в каких отношениях Алексей Петрович был к Екатерине и Меншикову?

Есипов Г. (2). С. 115

Озабоченный победами Карла XII, Пётр не решился отправить сына за границу и хотел воспитать его дома. Наставником ему назначен в начале 1703 года человек замечательный умом и образованиием. Барон Генрих Гюйссен (Huissen и Huyssen), известный у нас под именем Гизена, из древней благородной фамилии цесарскаго (прусского) города Эссена, получивший образование в лучших университетах немецких…

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 19

На одиннадцатом году возраста его Монарх определил к нему воспитателя Барона Фон-Гизена, мужа, достойнаго таковаго звания; главное же надзирание над ним вверил любимцу своему Князю Меншикову.

Голиков И.И. (1). С. 15

Гюйссен в то время уже несколько лет состоял на русской службе… Назначение его собственно заключалось в том, чтобы быть литературным агентом России по заграничной печати и располагать по возможности общественное мнение Западной Европы в пользу молодого русского государства. Для этой цели он должен был переводить и печатать различные царские постановления, склонять иностранных учёных к тому, чтобы они писали статьи и книги для прославления России, опровергали клеветы о России, распространённые за границею; наконец, приглашать туда искусных офицеров, ремесленников и других полезных людей.

Герье В. Кронпринцесса Шарлота, невестка Петра Великого 1707-1715. По неизданным письмам. Вестник Европы. Санкт-Петербург, 1872, т. III. С. 22. Далее цитируется как Герье В. (1). С указанием страницы.

В марте 1703 года в Шлюссельбурге Гюйссен написал Наказ о воспитании царевича, в девяти статьях, сохранившийся в переводе Шафирова. Предоставляя учение религиозное единоверному (православному) наставнику, Гюйссен очень подробно и основательно говорит о нравственном образовании; потом переходит к самому учению: до начала и по окончании его, утром и вечером царевич должен был прочитывать две главы из Библии, явственно и с прилежанием, так, чтобы Ветхий завет пройден был однажды, а Новый

дважды; между тем в течение шести месяцев исключительно заниматься французским языком, как легчайшим и наиболее употребительным, по руководству грамматики, изданной для французскаго дофина; окружавшие царевича лица должны были говорить с ним по-французски; в часы отдохновения объяснять ему иллюминованныя географическия карты из атласа Янилотова; приучать его понемногу к употреблению циркуля и приготовить к изучению Арифметики и Геометрии; между тем упражнять в штурмовании, танцовании и конской езде; для забавы же занимать умеренно игрою в труктафель (бильярд) и балгауз (игра в мяч). По прошествии 6 месяцев, когда царевич может понимать Французских авторов, начать изучение Истории и Географии, как истинных оснований Политики, по руководству Бунона и Пуффендорфа, с присовокуплением Французских курантов и историческаго Меркурия; в то же время преподавать Геометрию и Арифметику; учить слогу и чистописанию; читать Пуффендорфово сочинение о должности человека и гражданина, le droit civil dans l'ordre naturel, Фенелонова Телемака, и обучать военным экзерциям. Все это могло быть пройдено в два года; после того изложить царевичу: о всех политических делах в свете; об истинной пользе государств; об интересе всех государей Европы, в особенности неограниченных; о всех военных искусствах: Фортификации, Артиллерии, военной Архитектуре, Навигации и проч. В заключение составить заблаговременно на Французском языке комнат-

ную библиотеку.

План учения был одобрен, и Царь указом из похода назначал Гюйссена обер-гофмейстером царевича, с жалованьем по 1000 рублей. Опасаясь принять на себя столь великую ответственность, Гюйссен предложил эту должность Александру Меншикову, сам же вызвался состоять под его начальством; что также одобрено.

Устрялов (1). Т. VI. С. 14-15

Злой гений царевича

Обременённый борьбою с Карлом XII, Государь приезжал в Москву на самое короткое время. Меншиков находился постоянно в С.Петербурге.

Устрялов (1). Т. VI. С. 17

Этот коварный попечитель, живя в Петербурге, как бы намеренно предоставлял осиротившему царевичу свободу проживать под Москвою в Преображенском, проводить время по своему усмотрению, привыкать к бражничанью и окружать себя по преимуществу лицами чёрного и белого духовенства, с духовником его Яковом Игнатьевичем во главе, вообще с людьми, недружелюбно смотревшими на нововведения Петра и на его пристрастие к иноземцам.

Иловайский Д.И. Пётр Великий и царевич Алексей. Русский архив. 1912. Книга 3, № 9. С. 7. Далее цитируется как

Иловайский Д.И. (1). С указанием страницы.

По взятии Ниеншанца, где был первый поход царевича в звании солдата Бомбардирской роты, после торжественнаго вшествия в Москву, в ноябре 1703 года, Пётр, в присутствии царевича, Меншикова, Головкина и других министров, сказал Гюйссену: «Узнав о ваших добрых качествах и вашем добром поведении, я вверяю единственнаго моего сына и наследника моего государства вашему надзору и воспитанию. Не мог я лучше изъявить вам моё уважение, как поручив вам залог благоденствия народнаго. Не мог я ни себе, ни моему государству сделать ничего лучшаго, как воспитав моего преемника. Сам я не могу наблюдать за ним; вверяю его вам, зная, что не столько книги, сколько пример будет служить ему руководством». В марте 1704 года царевич отправился с Гюйссеном из Москвы в С.-Петербург; оттуда под Нарву и находился там во всё время осады ея.

Устрялов (1). Т. VI. С. 15

Более полугода находился царевич в рядах осаждающего войска и был свидетель всех осадных работ, наконец, взятия Нарвы.

Семевский М.И. (2). С. 6

Вначале у него была склонность к учёбе: он знал геометрию, историю, изучал немецкий язык; но он совсем не любил

военное дело, не хотел его изучать, и в этом его особенно упрекал его отец.

Вольтер. Анекдоты о Петре Великом. Пер с франц., коммент. И вступ. ст. С.А. Мензина М. 2004. С. 13. Далее цитируется как Вольтер (1). С указанием страницы.

По взятии Нарвы штурмом, выстроены были триумфальныя ворота, и домы освещены с остроумными надписями. Царь ходил с своими генералами, при звуках музыки, с барабанным боем и пением певчих. Осмотрев всё, он пришёл в главную квартиру Фельдмаршала Огильви и сказал царевичу: «Сын мой! Мы благодарим Бога за одержанную над неприятелем победу. Победы от Господа; но мы не должны быть нерадивы и все силы обязаны употреблять, чтобы их приобресть. Для того взял я тебя в поход, чтобы ты видел, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Понеже я, как смертный человек, сегодня или завтра могу умереть, то ты должен убедиться, что мало радости получишь, если не будешь следовать моему примеру. Ты должен, при твоих летах, любить всё, что содействует благу и чести отечества, верных советников и слуг, будут ли они чужие или свои, и не щадить никаких трудов для блага общаго. Как мне невозможно с тобою всегда быть, то я приставил к тебе человека, который будет вести тебя ко всему доброму и хорошему. Если ты, как я надеюсь, будешь следовать моему отеческому совету и примешь правилом жизни страх Божий, справедливость и доб-

родетель, над тобою будет всегда благословение Божие; но если мои советы разнесёт ветер, и ты не захочешь делать то, чего желаю, я не признаю тебя своим сыном: я буду молить Бога, чтобы он наказал тебя в сей и в будущей жизни».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 16

Как видно, уже в то время вместо мягких, ласковых отношений между отцом и сыном господствовали, с одной стороны, строгость, с другой – страх.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.315

Царевич, со слезами на глазах, схватил руки Государя, целовал и жал их с горестью и говорил: «Всемилостивейший Государь-батюшка! Я ещё слишком молод и делаю, что могу. Но уверяю ваше величество, что я, как покорный сын, буду всеми силами стараться подражать вашим деяниям и примеру. Боже! сохрани вас на многие годы в постоянном здравии, чтобы я ещё долго мог радоваться столь знаменитым родителем».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 16

Но в этом же году над головой несчастного всходит и роковая звезда: Пётр узнал в доме Меншикова мекленбургскую пленницу, Екатерину, которую взял к себе, и её отношения, если даже не положительные действия, вместе с кознями Меншикова решили впоследствии судьбу царевича; но

не станем упреждать события.

Погодин М.П. Суд над царевичем Алексеем Петровичем. Эпизод из жизни Петра Великого. В сб. Непотребный сын. Судна царевичем Алексеем Петровичем. Сост. Р.И. Беккин. – СПб.: Лениздат. 1996. С. 421. Далее цитируется как Погодин М.П. (1). С указанием страницы.

По-видимому, дело воспитания в руках Гизена пошло недурно. Но злой рок или вернее какой-либо недобрый гений царевича, вроде его коварного попечителя Александра Меньшикова, поспешил это дело испортить. Уже в следующем 1705 году барон Гизен был отдалён от царевича; его отправили за границу с разными неважными поручениями, каковы: в Берлине присутствовать при погребении Прусской королевы, в Вене поздравить императора Иосифа I с восшествием на престол и предложить Польскую корону принцу Евгению Савойскому (после отречения Августа II) и т. п. Как будто никто другой не мог исполнить сих поручений. За границей Гизен пробыл около четырёх лет. В этом случае Пётр обнаружил явное равнодушие к воспитанию своего наследника, при котором оставался наставником ничтожный Вяземский.

Иловайский Д.И. (1). С. 6-7

Не видать ли уже здесь, в отстранении Гизена, как и прежде в удалении Нейгебауера, тайного намерения Менши-

кова приучать царевича к праздности и лени, давая ему простор и свободу для препровождения времени с его родными, приверженцами старины, с попами и монахами, к которым он получил известное расположение ещё при матери, и тем приготовить будущий разрыв с отцом? Меншиков мог под каким-нибудь благовидным предлогом подать злоумышленный совет Петру послать Гизена в чужие края… С этой стороны можно, кажется, поверить царевичу, который объяснил позднее цесарю, что Меншиков с умыслом дал ему дурное воспитание, не заставляя учиться и окружая дурными или глупыми людьми.

Погодин М.П. (1). С. 423

…Некие иностранные писатели, из каковых Бишинг, Левек и Кокс утверждают, что будто Меншиков умышленно отлучил от него Гизена и старался соделать Царевича развратным.

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 15

К совершенному-же его несчастно, скоро приучили его и к вину, коим отягощая ум его, паче ещё отнимали у онаго силу к основательному разсужденью.

Голиков И.И. (1). Том третий. С. 384

Известно, что сам Пётр распространял и укоренял эту некультурную привычку в окружающей его среде. Царевича

не только никто не оберегал от сего зла; но есть основание полагать, что коварный его попечитель Меньшиков с затаёнными задними целями поощрял осиротелого, при живых родителях, юношу предаваться необузданному пьянству. По крайней мере, сам царевич потом указывал на него, как на главного виновника своей пагубной привычки.

Иловайский Д.И.. (1). С. 9

Царевич и сам упрекал Меншикова в том, что он нарочно развил в нём склонность к пьянству и к праздности, не заботясь о его воспитании; упрёк этот был повторяем неоднократно и разными современниками.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.315

Пётр виделся с сыном раз в два года

В 1705 году Андрей Артамонович Матвеев, находившийся в Париже, доносил о странном слухе, распространившемся при французском дворе; то был перевод народной русской песни об Иване Грозном, приложенной теперь к Петру; великий государь при некоторых забавах разгневался на сына своего и велел Меншикову казнить его; но Меншиков, умилосердясь, приказал вместо царевича повесить рядового солдата. На другой день государь хватился: где мой сын? Меншиков отвечал, что он казнён по указу; царь был вне себя от печали, тогда Меншиков приводит к нему живого царевича,

что учинило радость неисповедимую. Когда французы спрашивали у Матвеева, правда ли это, он отвечал, что все эти плевелы рассеиваются шведами и прямой христианин такой лжи не поверит, потому что это выше натуры не только для монарха, но самого простолюдина.

В 1705 году нельзя было предвидеть, что через тринадцать лет позже осуществится, хотя в несколько ином виде, басня, забавлявшая французский двор, и что катастрофа царевича окажется вовсе не «выше натуры монарха».

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.314

Царевич между тем достиг семнадцатилетняго возраста. По отъезде Гюйссена, он жил постоянно в селе Преображенском, без всякаго занятия, получая на содержание 12 000 рублей, и только посещал токарнаго мастера Людвика де-Шепера, который доносил Царю: «Его высочество государь-царевич неоднократно в доме моём был и зело уже изрядно точить изволит: кажется, он великую охоту к сему имеет».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 17

С 1707 по 1709 год царевич в Москве, по поручению Петра, управляет делами государственными, – любопытно знать, как он управлял? – в духе ли Петровских преобразований и нововведений? Мог ли он радовать Петра, как надёжный наследник престола?

Есипов Г. (2). С. 116

В течение 12 лет (от 8 до 20 г. жизни царевича) царь виделся не более 5 или 6 раз с сыном…

Терновский Ф. С. 6

В конце 1706 года он (царевич) посетил свою мать, постриженную в Суздальско-Покровском монастыре; посетил её тайком, без отцовского позволения. Тётка царевича, Наталья Алексеевна, известила государя. Тот потребовал к себе сына в Жолкву, изъявил свой гнев за своеволие и поручил заняться заготовкой провианта: хлеба, сена, овса, набором рекрут, осмотром новобранцев и проч.

Семевский М.И. (2). С. 8

Дошедшие до нас от сей эпохи многочисленные письма царевича к царю отличаются краткостью, «толковостью»: но в них постоянно проглядывают боязнь и робость перед грозным отцом.

Иловайский Д.И. (1). С. 21

Это было в начале 1707 года. Царевичу было только семнадцать лет. Однако, вопреки панегиристам Петра, явил во всех делах деятельность замечательную. Лучшие доказательства её сохранились в десятках писем к отцу.

Семевский М.И. (2). С. 8

Милостивый Государь Батюшко. Приехал в Смоленск, Мая в 15 день и всякого провианту здесь по моему осмотру и по ведомости, которую я взял у Петра Самойловича за ево рукою и что вычел я на Смоленской гварнизон послал ведомость в сём покете; а что делал впредь, буду писать к тебе Государю. Сын твой Алексей благословения твоего прошу. Из Смоленска Мая в 17 д. 1707.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. Письма царевича Алексея Петровича к его родителю государю Петру Великому… Одесса. 1849. С. 7. Далее цитируется как Мурзакевич Н.Н. С указанием страницы.

Милостивый Государь Батюшка. Доношу тебе Государю, написано мне в пунктах, чтоб собрать хлеб с Смоленского уезду и с приписанных к нему трёх пригородов и с обретающимися кругом, по сторонам, вблизи городов. И с Смоленского уезду с пригородами собрать повеленного числа и к наличному хлебу невозможно для того, что в Смоленском уезде и с пригороды 20499 дворов. И на всякой двор достанется сухарей и муки по четверти с полутором четвериков, овса по 6 четвертей с осминою. Сена по 100 пуд. А обретающиеся вблизи все городы приписаны к Брянску (и мне по пунктам данным, мне взять их невозможно), и я приписал оные и дальние городы, 16 городов (кроме Смоленских 3 пригородов), и о том писал я к Москве. И на те все, и Смоленские

городы, разположил я на двор по 1 четверти овса, по полутора четверика сухарей, сена по 16 пуд по 20 фунтов, и о сём послал я указы вчерашнего дня. А в которые городы посланы указы, посылаю ведомость к тебе Государю с сим письмом. Да в Смоленске ис собранного наличного хлеба расход есть, и впредь им давать ли? Сын твой Алексей. Из Смоленска Майя в 20 д. 1707.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 8

Милостивый Государь Батюшко. Получил я вчера писмо от Гаврила Ивановича, писанное по указу твоему, чтоб собрать овёс, и старого треть, а две доли из нового. И по указу твоему изполнять буду, толко имею печаль о сём, что не получил милостивого твоей руки писания себе. Поздравляю тебе Государю в день тезоименитства твоего, и с полученною викториею над Быховым. Дай Боже и впредь такое щастие. Сын твой Алексей. Из Смоленска. Июня в 23 д. 1707.

P.S. В зборе у нас только: овса 2805 чет. Сухарей 503 чет, и ныне плотят по немногу.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 11

Милостивейший Государь Батюшко. Письмо твоё Государь милостивое (а определении рекрут и Петровских солдат и стрелцов Астраханских) я получил Июля в 31 д. в вечеру. И по тому писму Астраханских стрелцов отправил в Оршу Августа в 3 д. А рекрут и Петровских солдат отправ-

ляю ныне; а когда отправлю всё, буду писать к тебе Государю подлинно. Поздравляю тебе Государю с новополученною викториею над неприятелем, за Сестрою рекою; дай Боже и впредь щастие, чего усердно желаю. Сын твой Алексей. Из Смоленска. Августа в 5 д. 1707.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 14

Сентября 21, 1707, из Смоленска: «Получил сегодня письмо от батюшки. Изволит писать, чтоб мне ехать к нему в Минск… и оттуда пишут ко мне друзья мои, чтоб мне ехать без всякаго опасения, и мню, что к вам скоро буду без опасения». Значит – уже 1707 года друзья Царевича об нём беспокоились и предвидели ему опасности.

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. VII

Милостивейший Государь Батюшко. Приехал я к Москве в 24 д. в ночи, и на утра осмотрел фартецию кругом Китая от Приказу Артиллерии до стены, что в Василиевском саду. Сделано 1 болворок совсем и уже пушки поставлены, а на прочих нижние также, и у иных и верхние в оных местах, и кроме дёрну (глиною с хворостом) отделываются в иных местах, и штормпал положены. На Неглине, где был тележный ряд, болворок поднят, толко ещё брустер незделан и фланка, которая к Неглинским воротам сваи побиты, и зачели делать и по Неглине до Неглинских ворот бьют сваи-ж. У Ахотнаго

ряду кругом круглой башни, в Неглине, начали делать полболворка. У Боровицких ворот роют до фундамента, где зачинаю болворок. По Москве-реке между Тайницких и Москворецких ворот оставливают брёвнами и насыпают землёю, и делают брустер. А от Тайницких ворот до Водовзводной и от Москворецких ворот, до Васильевского саду такожде будет оставлено брёвнами. На Кремлёвских башнях бойницы пробиты, и пушки ставят. Гварнизон с сего числа стану смотреть, и что явится буду писать к тебе Государю; а по ведомости от господина Гагарина всего гварнизону 2500, а роботников 24792 человека, и указанное число велел я прибавить, чтоб было 30000. Сын твой Алексей.

Из Преображенского. Октября в 27 д. 1707.
Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 19

Милостивейший Государь Батюшко. Дело здешнее городовое было до сего времени худо (для того, что были надсмотрители над работными худые), и я того ради предлажил всем министром дабы они всяк себе взял по болворку и делал скоряе. И ныне разделено им всякому по болворку, и кому где определено, тому в сём письме ведомость. А дерновая работа уже гораздо худа, для того, что здесь уже снег пал. Артиллерию, что надлежит к наличному, велел готовить. Гварнизон, по данным Мусину пунктам, чтоб был в 13000, и о сём говорил я, и господин Стрешнев людей боярских доставил к смотру, и ныне их смотрю, также господин Иванов ре-

крут, и господин Курбатов посацких. Хотели поставить вскоре, а как их пересмотрю, буду смотрить ланс-армею. Сын твой Алексей. Из Преображенского. Ноября в 8 д. 1707.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 20

Милостивейший Государь Батюшко. Писмо твоё Государь получил вчера, за что всеусердно благодарствую, и впредь того желаю. И по тому писму изполнять буду всею силою; а чтоб зделать пять полков, я то каким возможно образом набирать буду. А об афицерах указ сказан прежде сего писма за неделю, чтоб афицеры, которые кроются, и недоросли все являлися мне; а кто неявится, и у тех будут отписаны деревни. И по тому указу недоросли записываются, а афицеры ещё нет. И ныне я по указу твоему пошлю добрых людей с салдаты, и стану их искать, и како не сыщу, велю деревни отписывать вовсе, а отсылать буду к Ершову вовсе. А царедворцев в городах собранных нет: все собраны к Москве (и которые на Елце, и тем велено-ж быть) и из них молодых выбрав велю учить, и зделаю их самих рядовыми, и потом отдам в вышеписанные полки в афицеры; (а которые афицеры есть заподлинные и тех туда-ж отдам), такожде и кодетов и недорослей велю учить… Сын твой Алексей. Из Преображенского. Февраля в 3 д. 1708.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 23

«Отец поручил мне управление государством, – говорил

он в Вене об этом времени, – и все шло хорошо. Царь был доволен».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 162

Так точно, если б Петр был особенно недоволен когда-либо, то, верно, нашлось бы указание о том в его письмах, коих он писал в день по десяткам. Непременно вкралась бы по его характеру какая-нибудь жалоба к Меншикову, Ромодановскому или Головину, Апраксину. Нигде не находим мы ни одного слова, ни одного намёка о неудовольствии.

Погодин М.П. (1). С. 450

Никифор Вяземский доносил царю 14 января 1708 года: «Сын твой начал учиться немецкого языка чтением истории, писать и атласа росказанием, в котором владении знаменитые есть города и реки, и больше твердил в склонениях, которого рода и падежа. И учитель говорит: недели две будет твердить одного немецкого языка, чтоб склонениям в твёрдость было, и потом будет учить французского языка и арифметики. В канцелярию в положенные три дни в неделю ездит и по пунктам городовое и прочие дела управляет; а учение бывает по все дни». Таким образом, на царевича наложена была двойная обязанность, не в уровень его нравственным и физическим силам: осьмнадцатилетний молодой человек вместе с правительственною деятельностию должен был твердить склонения, усиленно заниматься математикою,

фортификациею, к чему, как видно, он не имел склонности по природе. Когда отец спрашивал у него, какую книгу прислать ему для перевода, то он отвечал: «Учиться фортификации по указу твоему зачал, также и лечиться. А что изволил писать о книжке, какую мне для переводу прислать, и я прошу о истории какой, а иной не чаю себе перевести».

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 21

Если б царь был когда-нибудь недоволен, то верно делал бы выговоры, и эти выговоры были бы видны из ответов царевича. Ничего подобного не случалось, и только однажды царевич счёл нужным оправдываться и написать к отцу: «А что ты, государь, изволишь писать, что присланные 300 рекрутов не все годятся и что я не с прилежанием вручённые мне дела делаю, и о сём некто тебе, государю, на меня солгал, в чём я имею великую печаль. И истинно, государь, сколько силы моей есть и ума, вручённые мне дела с прилежанием делаю. А рекруты в то время лутче не мог вскоре найтить, а ты изволил писать, чтоб прислал их вскоре». Царевич так огорчён выговором, что писал к Екатерине о покровительстве, и, получив новое письмо от царя, отвечал ему: «Письмо твоё меня от прежнего письма печали зело обрадовало, что вижу милость твою паки к себе»…

Погодин М.П. (1). С.424

«Лучше бы мне быть сыном последнего земледельца…»

В Полтавской баталии он не участвовал Пётр известил его о великой победе собственноручным письмом.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 19

…В январе 1709 года царевич, отводя новонабранные полки к отцу в Сумы, простудился и выдержал злую лихорадку. Вероятно, слабость царевича после болезни и лечения была причиною, что Алексей оставался в Москве во время Полтавской битвы.

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 20

Примечательно, что царь в этом году построил по обету церковь во имя св. Алексия, человека Божия, в тверском Жёлтикове монастыре.

Погодин М.П. (1). С.425

Милостивый Государь-батюшка! Письмо твоё о преславной и никогда слышанной виктории чрез Мурзина я получил, с которою тебе, Государю, поздравляю, и доношу, что о сём, по благодарении Богу, изрядно у меня веселились и у тётушки и трудившихся при сём поздравляю. И никогда народ весь так весел небыл как о нынешней виктории. Сын

твой Алексей.

Из Преображенскаго. Июля в 10 д.

P.S. Получил я от тебя Государя писмо с подлинною реляциею, за что паки всеусердно благодарствую.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 60-61

…Около Царевича, с самых молодых его лет, находилось несколько лиц, составлявших какое-то особое дружеское общество; они имели свои виды и действовали сообща, в отдалении от прочих, наблюдая разныя предосторожности: говорили между собою, а иногда и переписывались, языком условным, употребляли тайныя азбуки. Вот эти лица: Василий Григорьевич, Андрей Фёдорович, Алексей Иванович, Иван Нарышкины. Из них Алексея Ивановича мы видим по прежним документам при Царевиче ещё в 1702 г. Вероятно, все они поступили к Царевичу по родству их с матерью Петровой, Наталией Кириловной Нарышкиной.

Никифор Кондратьевич Вяземской, учитель и надзиратель Царевичев с детства.

Василий Иванович Колычов, муж кормилицы Царевича.

Фёдор Борисович Еварлаков, принадлежавший к домовому управлению Царевича.

Из духовных лиц: Духовник Царевича Яков Игнатьевич.

Благовещенский ключарь Иван Афанасьевич.

Протопоп Алексей.

Священник Леонтий Григорьевич из Грязной слободы в

Москве.

Упоминаются ещё в числе лиц, кому посылались поклоны: Андрей Михайлович, Иван Иванович (не Нарышкин ли?), Михаил Григорьевич Нарышкин, Фёдор Григорьевич.

Из женских лиц упоминаются часто (в его переписке): Акулина, дочь Вологодского архиепископа Варсонофия.

Подобно тому, как родитель царевича устроил ради потехи всепьянейший собор и раздавал разные клички членам этого собора, царевич Алексей составил около себя такой же кружок друзей и всех их наделил насмешливыми прозвищами (отец Корова, Ад, Жибанда, Засыпка, Захлюста, Молох, Бритый, Грач и пр.). Они хвастались своим пьянством. «Мы вчера повеселились изрядно», писал однажды царевич к своему духовнику: «отец духовный Чиж чуть жив отошёл до дому, поддержим сыном»; а в письме царевича один из собеседников его, Алексей Нарышкин, приписал: «мы здесь зело в молитвенных подвигах пребываем, я уже третий день не наливался, и главный наш не умножает».

Всё общество связано было между собою теснейшею дружбою: по крайней мере, Царевич всех членов искренно любил, принимал участие в их судьбах, помогал в случае нужды, подавал советы, ждал с участием от них известий; во многих местах писем оказывается даже нежность и тонкость его чувства…

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. II-III

Особенно Яков Игнатьев, который был духовником царевича, имел на него громадное нравственное влияние.

Костомаров Н.И. (1). С. 824

Мы видели, как часто ненависть к царю, неодобрение его преобразований принимали вид религиозного протеста; восстания происходили во имя благочестия; царя считали антихристом; бунтовщики говорили об обязанности «стоять за дом Богородицы». Нельзя отрицать существования некоторой связи между царевичем Алексеем и сторонниками таких начал средневекового византийского застоя. Недаром он интересовался личностью и судьбой Талицкого, доказывавшего, что с царствования Петра началось время антихриста. При таких обстоятельствах близкое знакомство царевича с попами и монахами могло считаться делом опасным и для него самого, и для всего государства. В то самое время, когда Алексей по летам своим мог бы приступить к участию в делах и сделаться помощником отца, он находился под сильным влиянием своего духовника Якова Игнатьева, принадлежавшего к реакционной партии и бывшего средоточием того кружка попов и чернецов, в котором вращался особенно охотно злосчастный наследник престола.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.319

Яков Игнатьевич с самаго начала возымел на Царевича

сильное влияние, почти до самаго последняго времени. Приведём отрывок из его письма в 1714 или 1715 г., в котором он описывает первое свидание с Царевичем: «…Во время первопришествия твоего ко мне в духовность, лежащу пред нами, во твоей спальне; в Преображенском; на столце, святому Евангелию, и мне тя пред ним вопросившее сице: будеши ли заповеди Божия исполняти, и предания Апостольская и святых отец хранить, и мене, отца своего духовнаго, почитати, и за Ангела Божия и за Апостола имети, и за судию дел своих, и хощеши ли мене слушати во всём, и веруеши ли, яко и аз, аще и грешен есть, но такову же имею власть священства от Бога, мне недостойному дарованную, и ею могу вязати и решати, какову власть даровал Христос Апостолу Петру и прочим Апостолом, глаголя: его же аще свяжете на земли, будет связан и на небеси, и его же аще на земли, будет разрешён и на небеси, и хощеши ли смирения моему священству и власти во всём повиноватися и покорятися? И на сия вопрошения моя благородие твоё пред святым Евангелием сице ответствовал: Заповеди Божия и предания Апостольския и святых его вся с радостию хощу творити и хранити, и тебе, отца моего духовного, буду почитати и за Ангела Божия, и за Апостола Христова и за судию дел своих имети и священства твоего власти слушати и покоритися во всём должен».

Обращаю внимание на этот язык: не слышится ли в словах стараго нашего Протопопа Якова Игнатьевича сам Григорий VII, основатель папской власти. Не чувствуется ли сродства

этой речи с притязаниями Патриарха Никона? Не объясняется ли ею характер первых наших раскольников?

Прибавим, что Яков Игнатьевич во всё время жесточайших пыточных истязаний, повторявшихся много раз в продолжение года, битый и жжёный, не показал ни на кого, между тем как из писем Царевича, открытых случайно после его казни, в 1720 году, видно, что у него были многие друзья, посвящённые в его тайны с Царевичем

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. IV-VIII

Во хмелю царевич проявлял не один весёлый нрав, но также вспыльчивость и, подобно отцу, давал волю своим рукам и своему языку. Так: в трезвом состоянии он очень почитал и слушался своего духовника, а в подпитии случалось жестоко его бранить и даже драть за бороду.

Иловайский Д.И.. (1). С. 9

Заметим, истины ради, и некоторые тонкие черты: Царевич просит духовника уведомить, как чует сердце об его браке. В письме к мужу кормилицы, Василью Ивановичу Колычеву, июля 6, 1707 г., Царевич пишет: «Бог тебя простит, что написался Ваською, только впредь не делай сего».

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. XIX

Однажды Алексей покаялся ему [Якову Игнатьеву], что желает отцу своему смерти, и духовник отвечал: «Бог тебя простит; мы и все желаем ему смерти для того, что в народе тягости много». Тот же духовник старался поддерживать в Алексее память о матери как невинной жертве отцовского беззакония; говорил ему, как любят его в народе и пьют про его здоровье, называя надеждою российскою.

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 14

Но главным виновником несчастнаго настроения его был Александр Кикин: некогда любимый денщик Государя, впоследствии адмиралтейц-комиссар, человек умный и бойкий, он из видов любостяжания втёрся к царевичу и представлял дела отца в ненавистном виде.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 18

Александр Васильевич Кикин, один из ближайших друзей царевича Алексея, был очень богат: в одной Москве у него было 125 больших лавок. В них торговали его собственные крестьяне. Великолепныя каменныя палаты Кикина, находившияся близь с.-потербургскаго адмиралтейства, были конфискованы в 1716 году. Сам Кикин, в числе других, за взятки и разныя злоупотребления был высечен, лишён чинов и сослан. Но Пётр находил в нём необходимые для службы способности, и в том же году простил Кикина, при чём большая часть его имений не была ему возвращена. Нужно

заметить, что Кикин с 1691 года употребляем был в качестве шпиона вместе с Ушаковым, Инсаровым, Румянцовым, Волковым и другими. Штелин, Голиков, Полевой и другие рассказывают предание о том, что будто бы А.В. Кикин три раза стрелял в спящаго государя, и три раза пистолет осекался, после чего он сам повинился в своём злодейском умысле, при чём Пётр простил его. Рассказ этот едва ли не одна из тех выдумок Штелина и ему подобных баснословцев, который очень хорошо уничтожились исследованиями г. Устрялова. Любопытен, как характеристическая черта того времени, следующий факт: брат Кикина, Пётр Васильевич, нещадно высеченный кнутом за растление 13-летней девочки, пытанный за фальшивую подпись, тем не менее, ведал в 1704 году рыбными промыслами и мельницами во всей России.

Семевский М. (1). С. 231

Эта партия простирала виды свои очень далеко: позднее духовник требовал, например, чтоб Царевич тотчас уведомил его о начале беременности его жены, что мы видим из следующаго ответа: «Мая 6, 1712. Из Познани: О зачатии во чреве сопряжённыя мне хощеши ведати, радетель, и возвещаю, что весьма до отъезда моего подлинно познати было не можно ещё, а повелел я жене, аще будет возможно сие познати, чтоб до меня немедленно писала. И как о сём получу известие, есть ли что, или нет, о том писанием не умедля вашей Святыни возвещу». Беременность жены Царевича так

же была важна для его друзей, как и для недругов.

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. XII-XIII

Но, может быть, скажет при сём кто: для чего же зла сего не предупредил родитель его? Таковой пусть разсмотрит того времени Историю Его Величества, и увидит, что великий родитель сей находился тогда в самых крайнейших безпокойствиях, по причине властолюбивых предприятий правительствовавшей сестры своей и многих на здравие его умышлений и заговоров, которые должно было всего прежде низпровергнуть, и настроенные на него и на отечество удары отвратить. Увидит сего Монарха в то же время занявшагося безпрестанным обучением вводимаго им регулярного воинства, строением Флота, обучением себя мореплаванию, исправлением многих злоупотреблений и нравов подданных, и, следовательно, увидит, конечно, что не было ему отнюдь времени самому смотреть, так сказать, за бывшим ещё в пеленах сыном своим; а потом паче ещё заняли Его Величество наступившая с Турками война, двукратные его под Азов походы, строение в Воронеже Флота, обозрния его многих городов и, наконец, предприятое им в Европейския Государства для научения себя самого достойному царствованию и для просвщения подданных своих путешестием. Но при всём сём однако-ж отнюдь сего сказать не можно, чтоб толико попечительнейший о пользе отечества Государь забыть

мог единаго своего сына и наследника, и оставить его без должнаго о нём призрения. Но можно-ли Государю и человеку, занявшемуся сколь великими, столь и безчисленными делами, проникнуть в сердца окружавших сына его, закрытые непроницаемою завесою притворства?

Голиков И.И. (1). Том третий. С. 384-385

Причиною сопротивления предков преобразованиям Петра мы привыкли считать грубую лень и инерцию, свойственную русскому человеку. На эту инерцию указывал сам Пётр: «Русский человек, ни за что сам не примется, пока его не заставишь». Но неужели инерция такого свойства, что не слушается никаких нравственных возбуждений и ждёт непременно материального толчка? Так думал Пётр, и в этом, быть может, состояла его величайшая ошибка. Не знаем, как простолюдины, но аристократы времён Петровых горько жаловались на деспотизм Петра, на то, что он не обращает никакого внимания на мнение умных людей, которые, быть может, не хуже его понимали и современное состояние России и пользу преобразования. «Что за охота была тебе» спросил Пётр Кикина, уже умирающего в великих мучениях, «что за охота была тебе, умному человеку, идти против меня?» – «Что я за умный человек», отвечал с досадою Кикин: «ум любит простор, а у тебя ему было тесно».

Терновский Ф. С. 24-25

К недовольным принадлежали не раскольники, которые оставались верны своему старому, основному взгляду, только сильнее убеждались в пришествии антихриста; к недовольным принадлежали не одни низшие рабочие классы, которые без ясного сознания цели вдруг увидали на себе тяжкие подати и повинности; к недовольным принадлежали люди образованные, которые сами учились и учили детей своих, которые были охотники побеседовать с знающим человеком, с духовным лицом, а побеседовав, попить и понапоить учёного собеседника, которые были охотники и книжку читать учёную или забавную, хотя бы даже на польском или латинском языке, употребить иждивение на собрание библиотеки, были не прочь поехать и за границу, полечиться на водах и посмотреть заморские диковины, накупить разных хороших вещей для украшения своих домов; одним словом, они были никак не прочь от сближения с Западною Европою, от пользования плодами её цивилизации, но надобно было сохранять при этом приличное сану достоинство и спокойствие; зачем эта суетня и беготня, незнание покоя, покинутие старой столицы, старых удобных домов и поселение на краю света, в самом непригожем месте? Зачем эти наборы честных людей, отецких детей в неприличные их роду службы и работы? Зачем эта долголетняя война, от которой все пришли в конечное разорение? И царь Алексей Михайлович вёл долгую и тяжёлую войну, но зато православных черкас защитил от унии и Киев добыл; а теперь столько крови про-

ливается и казны тратится всё из-за этого погибельного болота.

Соловьев С.М. (1). Том XVII. С. 18

Прибавим к этому, со своей стороны, что собственно культурная идея не была до такой степени чужда русскому уму, как некоторые думали. Повторять с иностранцами, будто бы русский народ ненавидел образованность и вести его к просвещению можно было только страхом, насилием, или, как выражаются учёные немцы, просвещённым деспотизмом (aufgeklerte Despotismus), было бы клеветой на русский народ. Наглядным опровержением этой клеветы может служить то обстоятельство, что киевское просвещение могло же пробудить умственные пребности. Правда, оно породило раскол, но когда мы вникнем в причины упорства со стороны раскольников, то легко согласимся, что упорство это было порождено и развито деспотическими мерами, а не каким-либо прирождённым или закоренелым отвращением русского человека ко всякому умственному движению вперёд. Киевское просвещение, конечно, было односторонним, но то была только та односторонность, чрез которую, по неизменным законам человеческого развития, проходило всякое умственно развивающееся общество; по крайней мере, киевское просвещение вносило за собой такие взгляды, которые должны были содействовать дальнейшему движению умственной жизни в России: люди, усвоившие себе

это просвещение, считали полезным делом заведение школ, распространение грамотности, посылку молодых людей за границу для воспитания, изучение иностранных языков и введение в общественную и домашнюю жизнь иностранных приёмов. Все это не только не охуждалось безусловно, напротив, многими одобрялось… Чтоб Русь образовать, нужно было сделать независимым мышление, свободным сообщение с Европой, дать простор жизни, дозволить каждому устраивать свою судьбу; русским надобно было собственно «дозволять» просвещаться, а не принуждать их к просвещению насилием, Пётр отрезывал русским бороды и старинное платье: такие меры удерживали бороды и старинное платье и сделали их принадлежностями мученичества; без этих мер, если бы царь только появился в европейском платье и за ним последовало несколько сановников, этого было бы достаточно; пример их подействовал бы на многих, и в короткое время, наверное, треть, если не половина Руси, обрила бы себе бороды и оделась по-европейски; точно так же, если бы русские узнали, что их более не станут пытать огнём, бить кнутом, сажать в тюрьмы и ссылать по подозрениям в неправоверии, что сам царь посылает молодёжь за границу и возвращающихся оттуда ласкает, даёт почётные и выгодные места, то все мыслившее бросилось бы учиться, ездить за границу, усваивать понятия и взгляды, выработанные тогдашнею наукой, а вслед за тем и в России закипела бы умственная жизнь; культурные признаки сами собою входили бы в

общественный и домашний быт; верховной власти оставалось не принуждать, не насиловать, а только дозволять, поощрять и показывать всем пример и дорогу… Пётр этого не уразумел: его горячая натура не хотела ждать и не терпела никакого противоречия. Для того чтобы ввести в России признаки европейской образованности, нужно было, с одной стороны, более или менее продолжительное время, а с другой – надобно было безбоязненно допустить внутри русского общества борьбу понятий, верований и взглядов, надобно было терпеливо и милостиво сносить противодействия образовательным мерам; зато достигнутое таким путём прочно привилось бы к России, вошло бы в её плоть и кровь, выработало бы в ней нечто зрелое, своеобразное, самостоятельное, твёрдое, здоровое. Но для такого образа действий не подготовило Петра ни воспитание, ни Европа, куда он ездил для самообучения; притом Пётр и не поставил главной целью своей деятельности духовное просвещение народа. У него была цель – создать государство, которое бы не только не боялось нападений и в состоянии было бы от них отстоять себя, но само стало бы грозным для соседей, заставило бы их если не уважать себя, то опасаться своего материального могущества. Для этой цели нужно было войско и военные припасы, нужен был флот, нужно было море, а для того чтобы приобресть последнее, нужна была война; война же, по своему существу, не может допускать выжидания, а требует немедленной доставки многого такого, что в спокойное вре-

мя достается продолжительным трудом. Всякая война влечёт за собой чрезвычайные издержки, падающие всегда бременем на народную массу. Шведская война оказалась одной из упорнейших и тяжёлых войн; издержки требовались за издержками, их должен был доставлять русский народ, выбиваясь из сил, разоряться, страдать. Петру хотелось, чтоб у него немедленно делалось то, чего он захочет. Это качество особенно является как бы прирождённым в тех государях, которые в детстве вступили на престол, почти не помнили себя ничем, как только государями, не были даже наследниками, не видели в своей стране никого выше себя по праву. Их стремления усиливались, если во времена детства этих государей бывали (а это действительно часто в таких обстоятельствах и случалось) смуты или бунты, незаконные поползновения, тем или другим путём клонившиеся к уничтожению или оскорблению верховного сана. Тогда с их наклонностями делать всё непременно по-своему соединяется раздражительность, подозрительность, недоверие и заботливость предупредить всё, похожее на сопротивление их воле, всё, что напоминает им неприятные впечатления детства или отрочества. Такими и были при совершенно различных дарованиях Иван Васильевич Грозный, Людовик XIV, Пётр Великий.

Костомаров Н.И. Исследования, документы. Царевич Алексей Петрович (по поводу картины Н.Н. Ге). М. Книга. 1989. С. 9-10. Далее цитируется как Костомаров Н.И. (2).

С указанием страницы.

Не говорю и не думаю, чтобы древние россияне под великокняжеским или царским правлением были вообще лучше нас. Не только в сведениях, но и в некоторых нравственных отношениях мы превосходнее, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились, и что, действительно, порочно; однако ж должно согласиться, что мы, с приобретением добродетелей человеческих, утратили гражданские. Имя русского имеет ли для нас теперь ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его, присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, всё ещё оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оного!

Карамзин Н.М. Записки о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. В сб. Быть России в благоденствии и славе. Послания великим князьям, царям, императорам, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устроение». М. Изд «Пашков Дом, 2002. С. 150

Царевич же был обожаем народом, который видел в нём будущего восстановителя старины. Оппозиция вся (даже сам

князь Яков Долгорукий) была на его стороне. Духовенство, гонимое протестантом царём, обращало на него все свои надежды. Пётр ненавидел сына как препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания.

Пушкин А.С. С. 364

Россия в своём повороте, в своём движении к Западу шла очень быстро; в короткое время она изживала уже другое направление; царевич Алексей, похожий на деда – царя Алексея Михайловича и дядю – царя Фёдора Алексеевича, был образованным, передовым русским человеком XVII века, был представителем старого направления; Пётр был передовой русский человек XVIII века, представитель иного направления: отец опередил сына!

Соловьев С.М. (1). С. 8

В Европу за умом

По достижении царевичем двадцатилетного возраста, Пётр снова вознамерился исполнить давнишнее желание своё отправить сына в Германию для науки и повелел ему быть в корпусе князя Меншикова, двинутом в Польшу для изгнания Станислава Лещинскаго. «Требую определения о сыне вашем», писал Меншиков из Быхова, «что мне с ним чинить? Ежели изволите послать его в знаемое вам место, то надлежит определение учинить о деньгах, без чего про-

быть невозможно; к тому же надобно отправить с ним человек трёх или четырёх офицеров, знающих тамошния обхождения и искусных потребным языкам».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 20

Зоон! Объявляем вам, что по прибытии к вам господина князя Меншикова ехать в Дрезден, который вас туда отправит, и кому с вами ехать, прикажет. Между тем приказываем вам, чтобы вы, будучи там, честно жили и прилежали больше учению, а именно языкам (которые уже учишь, Немецкий и Французский), Геометрии и Фортофикации, также отчасти и политических дел. А когда Геометрию и Фортофикацию окончишь, отпиши к нам. За сим управи Бог путь ваш…

Пётр – царевичу Алексею Петровичу, от 23 октября 1709 года из Мариенвердера. Письма и бумаги императора Петра Великого. Том 9, выпуск первый (январь-декабрь 1709 года). Издательство Академии наук СССР. М.-Л.1950. С. 442

Спутниками и собеседниками царевича назначены князь Юрий Юрьевич Трубецкой и граф Иван Гаврилович Головкин, сыновья знатнейших вельмож. Меншиков дал им следующую промеморию: «Понеже хотя уповаем, что их милости, яко честные и обученые господа, будучи при его высочестве государе-царевиче, всё то, еже что так к славе государственной, яко и ко особенному интересу его высочества подлежит, хранить и исполнять не оставят; однакож по нашей должно-

сти последующими краткими пунктами подтверждаемы: 1) дабы приехав в указное место, инкогнито бытность свою там отправляли честно и обходились с тамошними людьми учтиво и себя содержали так, как от его царскаго величества наказано; 2) чтоб его высочество государь-царевич в наказанных ему науках всегда обретался, и между тем сверх того, что ему обучаться велено, на флоретах забавляться и танцовать по-французски учиться изволил; 3) дабы как между собою, так и с господином Гизеном имели доброе согласие и любовь и друг ко другу надлежащее почтение, дабы чрез то вящшая честь и слава его царскому величеству происходить могла; 4) которые ефимки даны на расход, и те, також и прочую казну, держать с запискою именно, понеже в том и впредь имеют дать отповедь».

Царевич однакож не скоро поехал в Дрезден. Князь Меншиков 29 ноября 1709 года из Полоннаго писал Петру: «Получил я подлинную ведомость, что королевское величество кончае отъезжает в Саксоннию; того ради я сына вашего отпустить туда опасаюсь, и писал к нему, чтобы он был в Кракове до дальнейшаго вашего указа, пока подлинную получим ведомость о причине онаго в Саксонию отъезда». Царевич отправился в Краков и 19 декабря 1709 года писал к отцу по-немецки, что он будет ждать там дальнейших распоряжений.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 20-22

В Дрездене он снова занялся науками и, судя по иностранным свидетельствам, занимался прилежно. В этих занятиях провёл около года и очевидно много читал, приобретая книги на иностранных языках; этими книгами особенно мог запастись во время своей поездки на знаменитую Лейпцигскую ярмарку осенью 1710 года.

Иловайский Д.И. (1). С. 10

Вообще Царевич любил жить за границею; так, по случаю своей второй поездки, он пишет к духовнику: «О сём не извольте печалиться, понеже во благое сие дело идёт с помощию Божиею».

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. X

Из Дрездена царевич ездил в Карлсбад, где лечился водами. По-видимому, лечить потребовалось и следствия преждевременной привычки к неумеренному употреблению крепких напитков.

Иловайский Д.И. (1). С. 9

Когда надо было следовать за отцом в поездках по 500–600 лье, которые царь предпринимал часто, царевич притворялся больным, ему сурово прочищали желудок из-за болезни, которой не было; такое лечение вкупе с большим количеством водки подорвали его здоровье и его дух.

Вольтер. (1). С. 24

Приведём целое письмо из Вольфенбителя, 1711 Сентября 20: «Сие писание без числа, соборное. Всечестнейший отец с патером и с детками здравствуй. Возвещаем вашей Святыни: мы здесь в сей день великомученика Евстафия по духовном праздновании (сиречь, вечерни, всенощной, утрени, литургии и казани) веселимся духовне и телесне, и про ваше здоровье пьём. Желаю вам многолетно жити, и в радости нам бы вас скоровремянно видети. И на сие писание излитие вина было, дабы оное вас при приятии сего ж прияти принудило, дабы вам благополучно жити и сильно пити, и нас бы припоминати. Дай, Боже, наше и ваше желание в совершение б пришло, чтоб нам быть вскоре. Вси же христиане правыя веры с нами сущия приписали ниже сего. Алексей грешный, иерей Иоанн Слонский сие вышеписанное укрепляем, чарками и стаканами подтверждаем, себе и вам обоим здравия желаем.

Здесь праздником сим про здравие ваше не по Немецки повеселихомся, но по Русски, и все всегда прошения вашего к Богу, еже бы к вам спешится, ей о вас печалем, а о домашних и нужду приемлем, ей желаем вси к вам, а паче Никифор Вяземский.

Истино подпиваем и вас сердечных наших любителей напоминаем, к будущему сему празднику желаем к вам прибыти, и с вами радостно торжествовати.

Фёдор Оверлаков вам поздравляю, и желательно вас видети желаю.

При сём наливал, празднику поздравлял, а за ваше здравие всё выпивал Иван Афонасьев».

Приписано ещё рукою Царевича: «Сих всех присущих нам представих вашей святыни. Просим прощения, что описисто писано, истинно в пьянстве сие случается, а мы по Московски пьём в поминанье прежде бывших с вами благ, вси же просим отцу Иоанну Афанасьевичу поклон сочинити, и сие ему и всем показати нашей компании».

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. XVI-XVII

«После лечения своего государь-царевич отправился оттуда, – говорил Гизен,– ехав через все горные города, сам сходил в ямы рудовые, осмотрел всякие приёмы и работы, и как руду и металлы очищают, изволил потом возвратиться в Дрезден; а в Дрездене был государь-царевич во весь год для обучения в экзерциициях своих; в том же году ездил в Лейпциг для видения ярмарки архистратига Михаила».

Погодин М.П. (1). С.426

13 июня 1712 г. О Царевиче имеется забавное, хотя уже давнее, известие. Говорят, что, будучи в Дрездене, он опростался у себя в комнате и подтёрся оконною занавесью.

Эрнст-Август, герцог. Цит. по: Царевич Алексей Петро-

вич в Германии. Русский архив. 1903. № 3. С. 432

Царевич был любознателен: из путевой расходной его собственноручной книжки мы видим, что во всех городах, где он останавливался, покупал почти прежде всего книги, и на значительные суммы: во Франкфурте, Нюренберге, Праге, Ерфурте, Галле и проч. Книги эти были не одного духовнаго содержания, но и историческия, литературныя, карты, портреты; осматривал везде достопримечательности. Так точно и из за границы он просит духовника больше всего беречь книги в Преображенском, поручает какого-то Петра Иевлю отдать учиться Латинскому, Немецкому и, буде можно, Французскому языкам, чтоб дней своих не терял праздно.

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. XIX

Царевич Алексей Петрович был не только неглуп, но даже очень умён, с примечательным рассудком. Самое убедительное тому доказательство представляют собственноручные его донесения отцу во время управления Москвою и при исполнении разных поручений, объяснения с цесарем, речи, обращенные к Шенборну, письма, писанные в Россию в Сенат и к архиереям, даже показания, сделанные в суде под пыткою, ответы на допросные пункты, писанные без приготовления. То же доказывают многие разговоры его о политических делах, суждения о России и других государствах,

известные по несомненным документам. Ум виден и в его глазах, судя по портрету.

Он был достаточно образован: объяснялся и писал по-русски и немецки хорошо, и если не любил заниматься, то и не прочь был от занятий: читал книги, заботился о книгах, делал выписки даже во время болезни в Карлсбаде, просил о доставлении книг и выписывал, любопытствовал осматривать разные достопримечательности.

Погодин М.П. (1). С. 448

Говорят, что ему посоветовали выучиться танцовать. На это он отвечал, что наперёд надо набрать ума в голову, а потом он постарается обучить и свои ноги

Эрнст-Август, герцог. С. 431

Из приходно-расходной книги царевича Алексея Петровича, ведённой во время поездки за границу в 1714:

Гансдорф Июля в 3-е (число). …За книжку Библейку 2 гроша, за Гибнерову Генеалогию и с вопросами три талера и 15 грошей.

Июля в 6-е. …За книгу Начертание Римской веры талер и 4 гроша, за книгу описание десяти гонений 6 грошей, за ланкарту 4 гроша, за книгу Патера Георгия сто казаний талер и 4 гроша.

Июля в 7-е. …За Лютеров образ грош.

В Шпремберхе в 15 июля. …За книжку: Оправдание Ан-

тона Ульрика 3 гроша.

Прага в 24-е Июля. За пашпорты 3 (ц.) гроша, в первой астерии гульден за пищу… За книги: малые животы Святых 2 гульдена и 18 крейцеров, малыя Немецкия, Богемской Мартирологиум гульден и 12, Акемпиз Богемский 36… … животы Святых Богемских 2 гульдена и 30 …казания Кардинала гульден и 15, Библия 3 гульдена, животы Святых Рибо Дениера 2 тома 15 гульденов, 1-й том 7 гульденов, другой 8 гульденов:

В 26-е. Куплена книга о чудесах Божиих три тома, дана четыре червонных, Томас Акемпиз 12 грошей, Марко Девияно 8 (ц.) грошей, Бернарда о истинной правде 8 (ц.) грошей, малые святцы 10 (ц.) грошей, Дрекселия о вечности, и размышления на всяк день 12 грошей, за воду минеральную полталера.

Июля в 28-е. …За книгу другой свет талер.

В 30-е. Куплены: Жития Святых в десть, творения Рибодениера 2 части дано 15 гульденов, книга Манны Небесной полтреть гульдена…

Августа в 1-е. За переплёт всех книг 9 гульденов одному переплётчику, другому талер.

В 15-е. Заплачено в Карлсбаде за книгу Стодур 3, за книгу Есопа гульден, трубачам талер…

Августа в 30-е. Дано… за смешныя книги 8 грошей, а имя им Ларим, Лаврум, Ларисимум.

Сентября в 6-е. За книгу Филологии 10 грошей…

Сентября в 11-е. За книгу Вурмланд гульден за пять томов, за Евангелия праздничныя десять крейцеров, за календарь 2 крейцера.

Сентября в 15. За ящик на книги 8 гут грошей…

В Нюренберхе в 1-е Октября. …За табак гульден, за книгу коркондация гульден и 12 грошей.

В 2-е Октября. …За книги: против Лютаров 3 за Гронограф 1, Бемская История пол, за Цесарев 1…

В 8 Октября. Куплено книг мелких на гульден 1, О познании самаго себя, 2. Как скоро учёным себя сделать, 3. Как без болезни жить. Того же числа куплена книга Поучения Патера Иеронима Форденбаха, дана 3 талера и 8 грошей … … Инженерная пол гульдена, церковныя История полтара талера, Зерцало 8 грошей, регула Святаго Венедикта 16 грошей, чудное древо 6 грошей, всего 6 талеров и 8 грошей.

В 11-е Октября. За переплёт книг 2 талера, за книгу Теологию 7 гульденов, за очки гульден, за колясочную починку 4 гроша.

В Ерфурте того ж числа за книги Размышление Госпожи Лавальеры 2 гут гроша, Оптека на злых жён 2 гут гроша, Европская дорога 12 гут грошей, Въезд Короля Шведскаго 2 гут гроша, за цедро 20 гут грошей…

В 27-е в Галле. …За Евангелие маленькое 8 грошей.

В 1-е Ноября. …Принято от Ивана Афонасьева Меншаго (из данных ему в Карлсбаде 50-ти червонных на дорогу) 26 червонных, из того за инструменты математическия и инже-

нерныя 18 червонных.

В 20 Ноября. За книги толкование на Евангелие и Апостол полтора червонных, за Изъявление чинов церковных 2 гульдена, за два списочка 10 детков (трояков)…

В 23-е. В Браунсберхе за книгу Цваги 3 гульдена Польских…

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. 84-104

Для того чтобы сделаться способным продолжать начатое Петром, для поддержания значения России в системе европейских держав, для обеспечения участия России в результатах западноевропейской культуры, для решения сложных вопросов законодательства и администрации, царевич нуждался в совершенно ином приготовлении, в совсем иных средствах эрудиции. Между тем как Пётр, живя за границей, работал на верфях, занимался в кабинетах и лабораториях натуралистов, Алексей, например, в 1712 году, находясь в Германии, обратился к учёному богослову Гейнекциусу с просьбой написать для него катехизис по учению православной церкви; в то же самое время, когда Пётр доставал и читал сочинения по артиллерии, баллистике и пиротехнике, сын его углубился в книги о небесной манне, в жития святых, в правила Бенедиктинского ордена или в знаменитый труд Фомы Кемпийского; Пётр осматривал арсеналы и доки, фабрики и мастерские, между тем как Алексей делал вы-

писки из церковно-исторического труда Барония «Annales ecclesiastici»; Пётр старался составить себе точное понятие о государственном и общественном строе Англии, Франции и Голландии и проч.; Алексей же был занят вопросом средневековой истории, изучая воззрения прежних веков на понятие о грехе или убеждения прежних поколений в отношении к соблюдению поста и проч. Предприимчивость, физическая сила и энергия Петра были противоположны некоторой мягкости, вялости, телесной слабости царевича. Сын, так сказать, принадлежал к прежнему, отжившему свой век поколению, тогда как отец был как-то моложе, свежее его и находился в самой тесной связи с современными идеями просвещения и прогресса. Мир, в котором жил Алексей, сделался анахронизмом, вследствие чего царевич оказался неспособным составить себе ясное понятие о том, в чём нуждалась Россия; его взоры были обращены не вперёд, а назад, и поэтому он не годился в кормчие государственного судна; живя преданиями византийской старины, он скорее мог сделаться монахом или священником, нежели полезным государственным деятелем. Столкновение между напитанным духом реакции сыном и быстро стремившимся вперёд отцом становилось неизбежным…

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.317

Ко времени сего заграничного пребывания вероятно относится очень любопытное, но без числа и года написанное

послание его к своему Московскому духовнику Якову Игнатьеву. Благочестивый, строго преданный православию, царевич скорбит о том, что при нём нет Русского священника на случай смертного часа. Но, запуганный отцом, он не смеет явно писать о своей нужде…

Иловайский Д.И.. (1). С. 12

«Я чувствовал к отцу страх», писал он впоследствии, «но не сыновний».

Терновский Ф. С. 22

До какой степени отец и сын были друг другу чужды, доказывает всего яснее эта просьба Царевича к духовнику прислать к нему священника, о которой просить отца он видно не осмеливался, – в письме без подписания имени, года, числа и места: «Священника мы при себе не имеем и взять негде, а без докладу писать явно в Москву не без опасения; прошу вашей Святыни, пришли Священника (кому мочно тайну сию поверить) не стараго, и чтоб незнаемый был всеми. И изволь ему сие объявить, чтоб он поехал ко мне тайно, сложа священнические признаки, то есть, обрив бороду и усы, такоже и гуменцо зарастить, или всю голову обрить, и надеть волосы накладные; и Немецкое платье надев, отправь его ко мне курьером (такого сыщи, чтоб мог верховую нужду понесть), и вели ему сказываться моим денщиком, а Священником бы отнюдь не назывался, а хорошо б безжённой, а

у меня он будет за служителя, и, кроме меня и Никифора, сея тайны ведать никто не будет. А на Москве как возможно сие тайно держи, чтоб и дома у вас не многие, или хотя б кроме патера, никто не ведал; такожде б он у себя в доме сего отнюдь не объявлял, и не брал бы ничего с собою надлежащаго иерею, ни требника, только б несколько частиц причастных, а книги я все имею, а платье ему Немецкое купи из моих денег, и что ему надобно устрой, а изготовя пошли его на Варшаву, и вели явиться к Князю Григорию Долгорукову, и чтоб сказался моим слугою или денщиком; и он ко мне отправит, я ему о сём прикажу. Пожалуй, пожалуй, яви милосердие к души моей, не даждь умрети без покаяния: мне он не для чего инаго, только для смертнаго случая, такожде и здоровому для исповеди тайной; я его не буду являть никому, что он поп; будет у меня за служителя, а во время вечерень и утрень и часов, поповскаго делать ему не велю, чтоб и домашния не ведали мои о сём, прошу сие тайно и неоплошно учинить. А хорошо б бездомной и безжённой был человек и молодой, и чтоб он под видом таким с Москвы от знаемых утаился, будто без вести пропал, как и многим случается; ибо нужда, и закону пременение бывает; о бритии бороды не сумневался бы он, лучше малое преступить, нежели души наша погубити без покаяния; а чтоб молодой был или младообразный, чтоб не признали; а мнили бы за служителя моего быти; пожалуй, хотя не скоровременно, только добре сие сочини безленостно, и не дожидайся о сём другаго письма; а будет не

благоволиши сего сочинити, души нашей Бог взыщет на вас, аще без покаяния от жития сего отлучится».

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. XII-XIV

Но сей рискованный план, по-видимому, остался неисполненным.

Иловайский Д.И.. (1). С. 12

«Жену мне на шею чертовку навязали…»

А дабы никаких не оставить средств к его исправлению, то Великий Государь вознамерился его женить на добродетельной и знатной какой Принцессе, и с отеческим увещеванием открывает ему сие своё желание; и сын сей притворяется, что будто охотно на то соглашается, уверяя пекущагося о нём родителя, что если он сочетается с добродетельною и умною женою, то всеконечно исправит свои поступки.

Голиков И.И. (1). Том третий. С. 389

Ещё в марте 1710 года он (Царевич) приехал в Варшаву, где стал на дворе царскаго посла князя Г.Ф. Долгорукаго, был у короля в Виланове; и получил от него визит. Из Варшавы отправился в Дрезден; оттуда чрез несколько дней в Карлсбад, для пользования водами. Верстах в 10 от Карлсба-

да, в местечке Шлакенверте, он виделся с королевою Польскою и с принцессою Бланкенбургскою, Шарлотою, будущею супругою.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 22

Не раньше как в 1710 году он писал к Якову Игнатьеву о своей невесте: «На той княжне давно уже меня сватали, однако же мне от батюшки не весьма было открыто… я писал батюшке, что я его воли согласую, чтобы меня женил на вышеописанной княжне, которую я уже видел, и мне показалось, что она человек добр и лучше мне здесь не сыскать». Быть может, различие веры беспокоило царевича. По крайней мере, он прибавил: «Прошу вас, пожалуй, помолись: буде есть воля Божия, – чтоб сие совершил, а будет нет – чтоб разрушил» .

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.323

Между фамилиями иноземных государей поныне было опасно для царей искать себе супруг, так как бояре и вельможи царства из пустой боязни утверждают, будто посредством браков с иностранками вводятся весьма вредные перемены в отечестве и народ перенимает новые иноземные нравы и забывает старые обычаи. По мнению бояр, сама религия предков может при этом потерять свою чистоту и, наконец, вся Московия подвергнется самой большой опасности. Этой только причине приписывают отравление царя Фёдо-

ра Алексеевича, избравшего себе супругу из польского рода Люпроприни(?).

Корб И.-Г. Дневник путешествия в Московское государство. Цит. по: Рождение империи. М. Фонд Сергея Дубова. 1997. С. 195

При всём своём стремлении к брачным союзам с заграничными владетельными домами, Пётр лично не воспользовался возможностью вступить в брак с иностранной принцессою после того, как запер в монастырь свою первую супругу. Зато он усердно старался родниться с Немцами посредством членов своей фамилии. Так, двух своих племянниц выдал за немецких герцогов, Анну Иоанновну за Курляндского (1710 г.) и Екатерину Иоанновну за Мекленбургского (1716), а потом родную дочь Анну Петровну успел помолвить с герцогом Голштинским. Естественно, он решил также поступить в отношение к своему единственному сыну и наследнику, и, когда Алексий Петрович стал приходить в возраст, царь озаботился найти ему невесту в Германии. Эту деликатную миссию он, по-видимому, возложил на того же барона Гизена, когда тот ездил по немецким дворам с разными вышеуказанными поручениями.

Иловайский Д.И.. (1). С. 12-13

Он (император Пётр) женил его в 1711 г. на принцессе Шарлотте-Христине Брауншвейг-Вольфенбюттельской,

младшей сестре правящей императрицы, принцессе добродетельной, красивой и рассудительной.

Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году // Вопросы истории. №5, 1997. С. 86. Далее цитируется как герцог де Лириа-и-Херика. С указанием страницы.

Алексею шёл тогда 22-й год, а Шарлотте – 18-й.

Иловайский Д.И.. (1). С. 14

Из описания всех сих происшествий видно, что Петр в 1707 году, когда заключён был свадебный контракт, а равно и в 1711 году, когда произошло бракосочетание, не имел к сыну никаких неприязненных отношений и видел в нём своего наследника; иначе не стал бы вводить его в родство со знаменитою европейскою принцессою, сестрою императрицы немецкой и племянницей короля английского. С другой стороны, царевич не подавал никакого повода к неудовольствию и держал себя в границах приличия и послушания. Ему был 21 год.

Погодин М.П. (1). С.426

Известно, что она была достойная принцесса из дому Вольфенбиттельского и родная сестра ныне царствующей императрицы Римской. Уже давно царь намеревался, посредством женитьбы сына своего, породниться с каким-ни-

будь могущественным домом в Германии и вместе с тем пробудить царевича из его обычной лени влиянием благовоспитанной супруги; ибо царевич этот, вследствие постоянного вредного обращения с невежественными людьми, усвоил себе такие наклонности, которые делали его неприятным в образованном обществе и были причиною, что он, не желая оставить своего образа жизни, не понимал и того, что таким образом он подвергал опасности и свои наследственные права. При таком его поведении царь всё более и более гневался на него и, наконец, дал стороною заметить, что если он не переменится в скором времени, то непременно будет пострижен в монахи, ибо лучше отрезать один член от тела, чем допускать гибель целого тела.

Записки Вебера // Русский архив. № 6. 1872. Стлб. 1337. Далее цитируется как Записки Вебера. С указанием страницы.

От природы он человек хороший, и порицают лишь его неотёсанность.

Эрнст-Август, герцог. С. 431

Слухи об этом дошли до царевича, и приверженцы его стали ревностно советовать ему, ради собственного его благополучия, затаить свою ненависть к иноземцам и высмотреть себе супругу в каком-нибудь могущественном доме в Германии, чтобы с помощию её высоких родственников обес-

печить себе наследование престола, и в то же время и у самого царя, из уважения к такой супруге, приобресть лучшее положение, чем то, в котором он теперь находился. Все эти представления произвели на царевича такое сильное влияние, что он бросился к стопам государя-отца, заверяя его, что отныне твёрдо решился изменить свою жизнь и думает достигнуть этого лучше всего сообществом с разумною супругою, почему настоятельно просит его величество дозволить ему, чем скорее, тем лучше, поехать в Германию и там высмотреть себе такую супругу. Просьба эта положила основание браку его с помянутой принцессой, которая пребывала тогда при Саксонском дворе у его величества короля Польского…

Записки Вебера. Стлб. 1338

Царевич виделся с нею в Шлакенверте неоднократно: она ему не полюбилась… Дело было однакож улажено. Ей было тогда 17 лет. Красотою она не отличалась: при высоком росте, была очень худа и изуродована оспою. Мысль о соединении с царевичем подал барон Гюйссен: по крайней мере, в последствии сам он свидетельствовал, что ещё в 1707 году, следовательно, когда принцессе было не более 13 лет, дело о браке было устроено.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 23-24

Устрялов в своей истории говорит по поводу карлсбад-

ской встречи, что, «Шарлотта не полюбилась царевичу», но в доказательство приводит письмо Антона Ульриха, в котором нет ни слова о Шарлотте, а говорится только о нежелании русских, чтобы царевич женился на иностранке, и о том, что царевич склоняется к мнению своих приближённых. Известие, что Шарлотта не понравилась царевичу, Устрялов объясняет её наружностью: «красотою она не отличалась: при высоком росте, была очень худа и изуродована оспою».

Мы не встретили ни одного современного свидетельства, которое бы могло нам дать верное понятие о наружности принцессы. Если судить по портрету Шарлотты, который находится в Вольфенбюттеле, её наружность была довольно красива. На портрете, который приложен к 119-му тому европейской Фамы (Фама, греческая богиня молвы, по её имени был назван сборник энциклопедического характера о представителях тогдашнего высшего света Европы. – *Е.Г.*), черты лица её тонки и правильны, хотя общее выражение не особенно привлекательно. На обоих портретах она изображена с чрезвычайно тонкой талией, но нужно вспомнить, что эти портреты сделаны, когда Шарлотте ещё не было 17-ти лет и она не вполне сложилась. Что же касается приведённого у Устрялова известия, будто лицо её было «изуродовано оспой», то оно не подтверждается никакими свидетельствами и, кроме того, не правдоподобно… Шарлотта была первая иностранка, выходившая замуж за наследника русского престола, и едва ли бы решились просватать её за царевича,

если бы у неё был такой бросающийся в глаза недостаток. Притом Алексей был совершенно свободен в своём выборе за границей. Приведённое известие об оспе заимствовано Устряловым из Фезе (автор известной в своё время «Истории брауншвейгского двора» – *Е.Г.*), собирателя анекдотов и сплетен о разных европейских дворах, чрезвычайно неразборчиваго относительно своих источников. Как плохо Фезе пользовался самыми известными и доступными источниками относительно брака царевича Алексея, видно, например, из его сообщения, что, Шарлотта перед свадьбою приняла православную веру.

Герье В. (1). С. 35-36

Невеста-Принцесса понравилась Царевичу с перваго взгляда: «Человек добр и лучше ея здесь мне не сыскать».

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. XIX

По возвращении царевича из Карлсбада в Дрезден, где провёл он около года в занятиях науками, на пути к Пруту против Турок, в Польском местечке Яворове,19 апреля 1711 года подписан трактат о бракосочетании его с принцессою Шарлотою-Христиною-Софиею, внукою герцога Антона-Ульриха от втораго сына его, принца Лудовика-Рудольфа и принцессы Христины-Луизы. Договор заключён к «пользе, утверждению и наследству Российской монархии, также

к вящшей славе и приращению Брауншвейгскаго дома». Герцог обещал снабдить принцессу таким же приданным, как и старшую внуку свою, королеву Испанскую. Принцессе предоставлялось, по примеру королей Английских и Датских, остаться в Евангелическо-Лютеранской вере, в которой она родилась и воспитана; для сего иметь ей в месте своего пребывания, для себя и окружающих её, одну каплицу (небольшая, в данном случае – неправославная, часовня – выделенное помещение с алтарем. – *Е.Г.*). Дети должны быть Греческаго закона.

На содержание двора ея Царь обещал ежегодно производить по 50 000 ефимков или Русских рублей и сверх того выдать ей, при совершении брака, в ея собственность, 25 000 ефимков. По заключении брачнаго договора, царевич отправился к невесте в Брауншвейг, и во время Прутскаго похода жил в семействе будущей супруги, в Зальцдалене, увеселительном замке близь Брауншвейга. Отсюда он писал неоднократно к царице Екатерине Алексеевне, называя ее просто Madame, до объявления царскаго брака, когда стал именовать её «Милостивая государыня матушка». «Madame», пишет царевич от 7 мая 1711 года, «слышал я, что Государь-батюшка изволил вашу милость объявить себе супругою, и с сим вашей милости поздравляю и прошу, дабы я в милости вашей ко мне прежней содержан был, в чём имею надежду. Государю-батюшку с сим поздравить не смею ныне для того, что ни от кого письменнаго ведения не имею». «Герцоги

отец, дед и мать герцогини, моей невесты, обходятся со мною зело ласково». «Невеста моя за милость вашу благодарствует, что вы изволили её напамятовать в своём письме».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 25-26

Обе свадьбы – царя и царевича были отпразднованы в один год (1716).

Терновский Ф. С. 8

Милостивейший Государь батюшка! По указу, Государь, твоему приехал я сюда в Брауншвейг к герцоху волфенбителскому (понеже он обретается здесь ныне одна миля от Волфенбителя), и вышепомянутой герцог, дет(д) принцесин, такожде и отец и мать принцесины невесты моей принели меня благоприятно. Сего числа получил я писмо от тебя Государя, повелевающее мне объявить герцоху, что пункты супружественныя присланы будут вскоре, а мне бы жить здесь до указу твоего; и я герцогу о присылке пунктов объявил, и он зело порадовался, и я буду жить до указу твоего здесь.

Всепокорнейший сын и слуга твой Алексей. Из Брауншвейга, майя в 4 день 1711.

Письма Русских государей и других особ царскаго семейства, III. Переписка царевича Алексея Петровича и царицы Евдокии Фёдоровны. Москва. 1862. С. 32. Далее цитируется как Письма русских государей. С указанием страницы.

Проект договора был очень обстоятелен и состоял из 17-ти статей. Он начинался с того, что старый герцог Вольфенбюттельский и родители принцессы ручались за неё, что она будет относиться к своему супругу с подобающим уважением, с верностью и любовью, а также оказывать самому царю должное почтение и т.д. Затем было постановлено, что Антон-Ульрих даст своей внучке такое же приданное, какое получила её старшая сестра, королева испанская, т.е. 20 000 тал. Эту сумму царь зачеркнул в подписанном им договоре. С другой стороны, царь обещал за себя, за сына и за своих преемников на русском престоле, что принцесса будет пользоваться в России положением достойным её сана, наподобие других европейских императриц и королев. В этой статье в том месте, где было сказано, что царевич будет жить с принцессой в мирном, благословенном супружестве и царствовании (eine gesegnete Ehe und Regierung fiuhren), Пётр пропустил в своём экземпляре слово царствование.

В исполнение и обезпечение этой общей статьи в проекте договора были постановлены следующие условия: царь должен был перевезти на свой счёт принцессу и её двор из Вольфенбюттеля в Россию. В виду этого он обязывался за 6-ть недель перед выездом выплатить принцессе 10 000 тал., а каждому из её придворных полугодовое жалованье вперёд. Это последнее условие было отвергнуто царём.

Царь предоставлял принцессе, а также её придворным право пребывать в евангелическом законе до конца её жиз-

ни. В этой статье царь вставил слова: «если она того пожелает».

Герье В. (1). С. 49-50

Относительно воспитания детей, в проекте договора было выговорено, чтоб они оставались под надзором и руководством матери до 12-летняго возраста с условием, чтобы принцесса приставила к ним несколько русских наставников, которые воспитывали бы их в православном законе и русских обычаях. Царь заменил эту статью другою, в которой он требовал, чтобы дети воспитывались по его усмотрению, с согласия царевича и принцессы… На содержание двора, на стол и конюшни, царь должен был по проекту, не считая издержек на первое обзаведение, давать принцессе ежегодно 100 000 тал[еров]. Сверх этого должно было быть назначено известное количество припасов натурою: скота, птицы, дичи, рыбы, вина, пряностей, дров и т.п. для кухни, овса и сена для конюшни. Деньги должны были выдаваться вперёд за три месяца из определённого царём казначейства, без особенного на то царского разрешения, жизненные же припасы по востребованию. По окончании войны, как сказано было в проекте, царь должен был увеличить содержание своей невестки сообразно с своим отеческим расположением. Эта статья подверглась особенно существенным изменениям. Царь уменьшил ежегодную дачу на 50 000 т. и обещал сверх того давать фураж и дрова; жизненные же при-

пасы принцесса должна была получать с поместий, которые царь ей хотел назначить для этой цели. Статья, заключавшая в себе обещание по окончании войны увеличить содержание принцессы, была совершенно уничтожена. Далее в проекте было выговорено, чтобы царевич, сообразно с обычаем и по примеру испанскаго короля, подарил принцессе по заключении брачного договора 25 000 тал. в полную собственность для приобретения драгоценных украшений. Царь заменил выражение: «по заключении договора» – словами: «по заключении брака».

Иловайский Д.И. (1). С. 50-51

Милостивейший Государь батюшка! Писмо твоё, Государь, присланное с господином Вейдом, я получил и с проектом о супружестве моём; и по указу, Государь, твоему о деньгах повсягодной дачи невесте моей зело я дамагался, чтоб быть сорок тысяч, и они сего не изволили и просили болше; толко я, как мог, в том старался, и не мог их на то привесть, чтоб взяли менши петидесяти тысяч. И я по указу твоему в том же писме: будет они не похотят сорока тысяч – позволить да(о) петидесяти. И на сие их склонил с великою трудностью, чтоб взяли пятьдесят тысяч; и о сём даволны, и сие число вписал я в порожния места в трактат. А что по смерти моей, будет она не похочет жить в государстве нашем, дать менши дачю, на сие они весьма не похотели и просили, чтоб быть ровной даче по смерти моей как на Москве, так и (в)

выезде из нашего государства: о чём я много старался, чтоб столько не просили; ан аднако-ж не мог зделать, и по указу твоему (будет они за сие заупрямятся – написать ровную дачю) и в трактатах написал ровную дачю. И сие учиня, подписав я, тожде и они – своими руками, разменялись. И тако сие с помощию божиею окончили. Перстня здесь не мог сыскать, и для того послал в Дрезден и в ыныя места, и как могу – сыскав оной, купя, подарю.

Всепокорнейший сын твой и слуга Алексей из Салцытала, майя в 23 день 1711.

P.S. Каторыя два экземпляры дали они за своими руками печат(ь)ми, адин послал я к тебе, Государь, а другой у себя оставил.

Письма Русских государей. С. 33-34

В договорном проекте царевич прямо и ясно именован наследником Русского престола.

Иловайский Д.И. (1). С. 15

В Брауншвейге дённо и нощно работали над каретою удивительного устройства, которая назначалась в приданое для Шарлотты. Эта карета разбиралась по частям для более удобной укладки, и многия сотни червонцев пошли на её позолоту; даже гвозди в колёсах были вызолочены.

Герье В. (1). С. 62

Шлейниц, бывший министр в Вольтенбютеле, ныне на службе у царя и гофмаршал будущей царевны (говорят он ест за обе щеки, т.е. получает пенсию и из Вольтенбютеля). По словам его, царь неоднократно говорил ему, что в конце Октября или в начале Ноября приедет на свадьбу своего сына. Шлейниц убеждал его поскорее сыграть свадьбу; но царь отвечал, что ему весьма хочется сделать приятное своему сыну, но что и своего удовольствия он не лишится (Пётр в это время был в печально известном Прутском походе); что сын у него единственный, и ему желательно быть на его свадьбе.

Эрнст-Август, герцог. С. 431

Во время очередного визита этого слуги двух монарших дворов царица Екатерина стала разспрашивать Шлейница о том, когда царевич приехал в Вольфенбюттель, чем он занимается и нравится ли ему там. Она спросила также, действительно ли царевич так влюблён в принцессу, как здесь говорят. Шлейниц ответил, что между ними большое согласие и сердечное влечение; что это главное условие счастия в супружестве, что, впрочем, это редко встречается у членов царствующих домов, которые большею частью вступают в брак не по собственному выбору, а по политическим соображениям. Он уверял, что царевич с нетерпением ожидает его возвращения, чтобы завершить своё счастие окончательным утверждением брачного договора.

Пока Шлейниц говорил с Екатериной, царь разсматри-

вал какие-то математические инструменты, которые держал в руках и разные планы осады городов, лежавшие на столе. Когда он услышал, что Екатерина говорит о царевиче, он подошёл к ним, не вступая, впрочем, в разговор. «Меня предупредили, – пишет Шлейниц, – что, так как царь меня недостаточно знает, то мне следовало всегда первому заговаривать с ним. Потому я решился сказать ему, что её величество царица меня спрашивала, очень ли влюблён царевич в принцессу. Затем я заявил царю, что, как я уверен, царевич с нетерпением ожидает согласия отца, чтобы вполне быть счастливым. Царь ответил через переводчика (то был капитан его гвардии, русский по рождению, говоривший хорошо по-немецки, один из его любимцев) буквально следующее: «Я бы не желал отсрочивать удовольствие моего сына, но также и не хотел бы совершенно отказаться от моего собственного. Это мой единственный сын, и я охотно доставил бы себе радость по окончании похода лично присутствовать на его свадьбе: свадьба же его будет в Брауншвейге». Шлейниц заметил, что герцог Антон-Ульрих был бы в высшей степени счастлив видеть е. в. на свадьбе, и умолял царя не изменять своего решения. Пётр возразил, что он в этом случае не полный господин, что он имеет дело с неприятелем сильным и быстрым в своих движениях; впрочем, он постарается всё устроить, и так как ему позднею осенью нужно посетить Карлсбадския воды, то он оттуда отправится в Вольфенбюттель. Поблагодаривши царя, Шлейниц стал говорить ему о

«великих и прекрасных качествах царевича». Пётр заметил послу, что эти слова ему очень приятны, но что он думает, что всё это преувеличено. Шлейниц стал уверять царя в противном, но Пётр переменил разговор и сказал, что он с большим нетерпнием ожидает свидания с принцессой. В это время вошли Головкин и Шафиров. Пётр, увидавши их, пошёл с ними в свой кабинет, Шлейниц же остался с Екатериной и продолжал с ней беседу.

Герье В. (1). С. 55-56

Ещё не знают, где будет свадьба, в Дрездене или в Брауншвейге; но королю Августу и герцогу обоим хочется, чтобы у них.

Эрнст-Август, герцог. С. 431

В отношении к принцессе Шарлотте в это время Алексей, очевидно, был настолько внимателен и любезен, что в придворных кругах поговаривали, будто он искренно влюблён в свою невесту и с нетерпением ждёт дня своей свадьбы. Действительно, имеется его письмо к вице-канцлеру Шафирову с просьбою ускорить этот день. Но причина тому могла быть иная: из его писем к духовнику мы знаем, что оба они и все московские знакомцы мечтали о скорейшем возвращении царевича в Москву.

Иловайский Д.И. (1). С. 16

29-го октября 1711 г., утром, Петр водою поехал в Торгау, где отпраздновал свадьбу царевича Алексея Петровича с принцессою Шарлоттою-Христиною-Софиею Брауншвейг-Вольфенбюттельскою. Оттуда же он отправился в Россию.

Брикнер А.Г. Петр Великий в Дрездене в 1698, 1711 и 1712 гг. // Русская старина, 1874. – Т. 11. – № 12. – С. 733

Брак совершён 14 октября 1711 года в Саксонском городе Торгау, на другой день по приезде Царя из Дрездена. В королевском замке, в большой зале, на помосте о трёх ступенях под красным бархатным балдахином, поставлен стол, покрытый также бархатом, с крестом и двумя венцами; по сторонам стояли четыре кресла для жениха и невесты, для Царя и королевы Польской, и три стула для деда, отца и матери принцессы. На полу постлано зелёное сукно; стены убраны шпалерами и свечами; окна закрыты. Торжественное шествие в залу происходило при звуках музыки, в четвёртом часу пополудни: впереди шёл Царь с царевичем; за ним герцог с невестою; после них королева Польская с отцом принцессы; в заключение многия дамы и кавалеры. По занятии мест, музыка замолкла и начато священное действие. Священник говорил невесте по-Латыне; всё прочее по-Русски. Венец над головою принцессы держал канцлер граф Головкин. По венчании молодые поцеловались; целовался с ними и Царь. В 8 часов был свадебный стол в большой зале; назна-

чено было сидеть: на первом месте молодым; по правую сторону Царю, по левую королеве; подле Царя герцогу и матери; подле королевы отцу. Пётр хотел, чтобы в пиршестве участвовали и вельможи его: вследствие того сели подле принцессы-матери граф Головкин и генерал Брюс; подле принца-отца, князь Василий Долгорукий, князь Борис Куракин и князь Юрий Трубецкой. После стола танцовали в той зале, где было венчание, и в заключение Пётр проводил новобрачных в их апартаменты. На другой день рано Царь пришёл в покои царевича, где была спальня, и кушал там инкогнито с молодыми и своими министрами. «На письмо ваше» писал Пётр князю Меншикову 14 октября, «буду впредь ответствовать, а ныне не успел за свадьбою сына моего, которая сегодни совершилась, слава Богу, добрым порядком, и людей было зело знатных много. Свадьба была в доме королевы Польской, где и от вас присланный арбуз поставлен был, который овощь здесь зело за диво».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 26-27

Брак русского наследника с немецкою принцессою и особенно сохранение за нею лютеранского исповедания возбудили тогда в Германии надежды на распространение евангелического учения в России… Один из академиков заметил, что царевич Алексей даже более предан наукам, чем сам Пётр…

Иловайский Д.И. (1). С. 21

Исполняя волю отца, царевич недели через три после свадьбы отправился в Торунь, куда чрез пять недель приехала и супруга его из Брауншвейга. Здесь жил он с полгода, заботясь о собрании провианта для Русской армии, назначенной к Штетину, когда князь Меншиков привёз ему повеление ехать в Померанию для военных действий. Кронпринцесса решилась ждать его в Элбинге.

«Не мог оставить не донесть о сыне вашем» писал князь Меншиков Царю, «что как он, так и кронпринцесса в деньгах зело великую имеют нужду: понеже здесь живут все на своём коште, а порций и раций им не определено; а что с места здешняго и было, и то самое нужное, только на управление стола их высочеств; также ни у него, ни у кронпринцессы к походу ни лошадей и никакого экипажу нет и построить не на что. И того ради, кронпринцесса, по желанию ея, при отъезде нашем, отсюда изволит ехать в Элбинк, и будет там по возвращении государя царевича из Померании, или до инаго удобного ко случению с ним времени. О опредлённых ей деньгах зело просит: понеже великую имеет нужду на содержание двора своего. Я, видя совершенную у них нужду, понеже ея высочество кронпринцесса едва не со слезами о деньгах просила, выдал ея высочеству Ингерманландскаго полку из вычетных мундирных денег в заём 5 000 рублей. А ежелиб не так, то всеконечно отсюда подняться б ей нечем»… После свидания с Петром в феврале 1713 года в

Зальцдалене, кронпринцесса отправилась в С. Петербург. На пути, в Дерпте, она узнала, что муж ея с Государем пошёл в Финляндию к Або; на Красном Кабачке встретили её сенаторы князь Я.Ф. Долгорукий, граф И.А. Мусин-Пушкнн и другие; по переезде чрез Неву в красивой шлюбке, приняла её в свои объятия государыня, окружённая всем двором. Царевич пришёл из похода чрез месяц и в след за тем отправился, по приказанию отца, в Старою Русу и Ладогу, для распоряжения о сборе леса на скампавеи (военное быстроходное судно русского галерного флота в XVIII веке, название произошло от итальянских слов scampare – спасаться, исчезать и via – путь, прочь – scappare via. – *Е.Г.*).

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 28-29

Это было последнее известное нам поручение, возложенное отцом на Алексея.

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 32

В начале августа он возвратился в С.-Петербург к своей супруге. Жили они в особом дворце, построенном в 1712 году на левом берегу Невы, близь церкви Божия Матери Всех Скорбящих. Справа, рядом с церковью, был дом царевны Наталии Алексеевны, слева дом царицы Марфы Матвеевны.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 32

Какой контраст представляет судьба первых двух, ино-

странных принцесс, вышедших за русских царевичей – Шарлотты Вольфенбюттельской и Екатерины Ангальт-Цербстской! Вторая из них сделалась одной из самых великих государынь в мире и в своей долгой блестящей жизни совершенно слилась с судьбою русского народа. Судьба первой была печальна не только при её жизни, но и после смерти. Одинокой сиротой жила она в Петербурге, пока болезнь и горе не положили конца несчастному браку; память её прошла бесследно, и как она была чужда при жизни русскому народу, так она осталась ему чуждой и после смерти.

Герье В. (1). С. 20

Продолжительное, трёхлетнее пребывание за границею мало изменило царевича; сам он пишет в откровенном показании дней за пять до кончины: «Когда я приехал из чужих краёв к отцу моему в Санктпитербурх, принял он меня милостиво, и спрашивал, не забыл ли я, чему учился? На что я сказал, будто не забыл, и он мне приказал к себе принести моего труда чертежи. Но я, опасаяся, чтобы меня не заставил чертить при себе, понеже бы не умел, умыслил испортить себе правую руку, чтоб невозможно было оною ничего делать, и, набив пистоль, взяв его в левую руку, стрелил по правой ладони, чтоб пробить пулькою, и хотя пулька миновала руки, однакож порохом больно опалило; а пулька пробила стену в моей коморе, где и ныне видимо. И отец мой видел тогда руку мою опалённую и спрашивал о причине,

как учинилось? Но я ему тогда сказал иное, а не истину. От чего мочно видеть, что хотя имел страх, но не сыновский»… «Кронпринц» доносит Плейер цесарю, «мало привёз из Германии Немецкаго чувства и нрава: большую часть времени проводит с Московскими попами и дурными людьми; сверх того предан пьянству».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 34

По приезде её в Россию, царевич не очень изменил себя для неё, и я всегда замечал в обществе, что он никогда не говорил с нею ни слова и нарочно избегал её.

Записки Вебера. Стлб. 1338

Супруги своей он не любил. «Царевич был в гостях» – пишет камердинер его Иван Большой-Афанасьев, – «приехал домой хмлён, ходил к кронпринцессе, а оттуда к себе пришёл, взял меня в спальню, стал с сердцем говорить: «Вот-де Гаврила Иванович [Головкин] с детьми своими жену мне на шею чертовку навязали: как-де к ней ни приду, всё-де сердитует и не хочет-де со мною говорить; разве-де я умру, то я ему не заплачу. А сыну его, Александру, голове его быть на коле, и Трубецкаго: они-де к батюшку писали, чтоб на ней жениться». Я ему молвил: «Царевич-государь, изволишь сердито говорить и кричать. Кто услышит и пронесут им: будет им печально, и к тебе ездить не станут и другие, не токмо они». Он мне молвил: «Я плюну на них; здорова бы мне бы-

ла чернь. Когда будет время без батюшки, тогда я шепну архиереям, архиереи приходским священникам, а священники прихожанам, тогда они и не хотя меня правителем учинят». Я стою и молчу. Он мне говорит: «Что ты молчишь и задумался?». Я молвил, что мне, государь, говорить? Посмотрел на меня долго, и пошёл молиться в Крестову. Я пошёл к себе. Поутру призвал меня и стал мне говорить ласково, и спрашивает: «Не досадил ли я вчерась кому?». Я сказал: нет. «Ин не говорил ли я пьяный чего?». Я ему сказал: говорил, что писано выше. И он мне молвил: «Кто пьян не живёт? У пьянаго всегда много слишком слов. Я по истине себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасных слов говорю много; а после о сём очень тужу. Я тебе говорю, чтоб этих слов напрасных не сказывать. А буде ты скажешь, ведьде тебе не поверят. Я запруся, а тебя станут пытать». Сам говорил, а сам смеялся. Я сказать: что мне до этого дело и кому мне сказывать?..».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 35

Из показаний царевича Алексея 16 мая 1718 г.: «А что Иван Афонасьев про меня пьянаго писал, что я говаривал с ним, в том я не запираюсь, хотя и не помню всего слова от слова; однакож пьяный всегда вирал всякия слова и имел рот не затворенный, и такия слова с надёжи на людей бреживал».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 255

Это была немка до костей, до глубины души: она окружила себя исключительно чужеземцами, не терпела русских и всей России.

Костомаров Н.И. (1). С. 825

Я воображаю себе кронпринцессу, высокую, сухощавую немку, степенную, набожную, аккуратную вроде мадонн Гольбейновых, которой противны были полудикие выходки молодого скифа, и она старалась навести его на путь истинный, чем ему и досаждала.

Погодин М.П. (1). С.427

Сказание о несчастной принцессе

Цесаревна жила в своём доме в левом Флигеле, а царевич в правом; в продолжение восьми дней они видались обыкновенно один только раз, и если б царевич в прижитии себе наследника не видел опоры своей безопасности, то оба супруга пребыли бы навсегда незримыми друг для друга. Дом свой царевич запустил до того, что супруга его в своём спальном покое не была защищена от сырости и когда царь, бывало, строго выговаривал ему за это, то цесаревна должна была выслушивать всевозможные угрозы от своего супруга: он попрекал ей тем, что она клевещет или ябедничает на него царю, а между тем эта разумная принцесса переносила своё несчастное положение с великою твёрдостию и никому не

поверяла своих жалоб и слёз, кроме стен и своей подруги, принцессы Ост-Фрисландской. Потребовалось бы несколько дестей бумаги, если б я захотел войти в подробности злополучия цесаревны; по этому я удовольствуюсь тем, что упомяну об одной Финской девице, которую царевич взял к себе в дом в наложницы и постоянно проводил с нею дни и ночи. Такое семейное и домашнее положение продолжалось до самой кончины кронпринцессы, последовавшей частию от постоянных неприятностей, частию от небрежности повивальной бабки.

Записки Вебера. Стлб. 1339

К этому времени относится связь его с известною Евфросиньею, полонённой крепостной девкой его учителя, Вяземского, которую он полюбил страстно. Впрочем, принцесса тотчас по возвращении царевича забеременела опять.

Погодин М.П. (1). С.428

Судя по тому, что брат её Иван Фёдоров, крепостной Вяземского, отпущенный на волю, называется в одном документе «полонным» человеком, Евфросинья могла быть, подобно Екатерине, полонянкою из Лифляндии.

Иловайский Д.И. (1). С. 24

Царевич добродетельную супругу свою променял на одну Чухонскую девку.

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 17

…[Некий] господин Брюс в записках своих описывает Царевича в указанное время так: «1714 года зимою Царевич приехал в Москву, где я видел его в первый раз. Он держит наложницею крестьянскую девку Чухонку. Я ходил часто с Генералом моим отдавать ему честь, и он часто приходил в дом к Генералу в провожании весьма дурных людей. Он весьма неопрятен, росту великаго, статен, смугл, взгляд имеет суровый, голос твёрдый. Он часто делал мне честь разговором со мною на немецком языке, который знает весьма хорошо. Народ его обожает, но люди высшаго достоинства оказывают к нему мало почтения, и он не смотрит на них. Он окружён всегда множеством невежей и распутных, и других подлых и дурнаго свойства людей, в обществе которых он непрестанно ругает поступки отца своего, и сказывают, что он как скоро взойдёт на престол после его, то приведёт Россию в прежнее ея состояние; также грозит, что он тотчас переказнит всех без исключения любимцов своего отца. Он имел такие разговоры столь часто и с такою малою осторожностию, что они не могли не дойти до Императора, и вообще думают, что он, таким образом, положил основание своей погибели…».

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 17-18

Этот брак был несчастным. Алексей часто покидал прин-

цессу ради попоек и Евфросиньи – девушки-финки, крупной, хорошо сложённой, очень ласковой.

Вольтер. (1). С. 27

…Начались размолвки. Поводом к ним послужило случавшееся иногда участие Алексея в ночных попойках, после которых он возвращался домой только в 3-4 часа утра, чем немало слёз причинял своей жене. Во время стоянки перед Штетином, в Русском лагере тоже нередки были попойки, в которых участвовал Алексей Петрович, поощряемый к тому своим злым гением, т.-е. Меньшиковым. Шарлотта, со слов князя Голицына, описывает родным одно крупное столкновение, при котором Алексий горячо защищал свою жену от нападок Меньшикова. Последний устроил у себя пир для Алексея и высших офицеров своего отряда. Тут светлейший позволил себе неблагоприятные отзывы о некоторых лицах, состоявших при супруге царевича и нехорошо на неё влиявших. Последний возразил, что не боится никакого дурного влияния, ибо жена его владеет твёрдым характером. А Меньшиков на это заметил, что она тщеславна. Царевич вспыхнул и потребовал не забывать расстояния, их разделявшего. Светлейший советовал оставить резкий тон и напомнил, что он его воспитатель. Алексей громко рассмеялся и заметил, что теперь он уже не воспитанник и заботится сам о себе. В дальнейшем споре Меньшиков назвал принцессу надменной немкой, напыщенной своим родством с императором, и стал

уверять царевича, что жена его совсем не любит. Тот с жаром начал доказывать, что напротив она его очень любит и что он никому не позволит порицать его жену. Затем он пригласил присутствующих офицеров выпить за здоровье престолонаследницы, что они охотно исполнили. А князь Меньшиков замолчал и встал из-за стола с сердитым лицом. Но приятели князя говорили потом, будто бы он затеял этот спор с добрым намерением: чтобы обнаружилась любовь царевича к своей супруге. Довольная сим случаем, принцесса и эту версию передаёт родным с удовольствием и готова ей верить.

Иловайский Д.И. (1). С. 23

Эта ссора и огорчение, которое имел мой дорогой царевич, меня очень смутили, но я чрезвычайно довольна, что весь лагерь, так сказать, видел и слышал, как он меня любит. Друзья князя распустили потом слух, будто он говорил все это нарочно для того, чтобы выставить на вид расположение ко мне царевича. Если это правда, то я буду ему безконечно обязана. Вейсбах меня уверяет, что весь народ (русский) меня очень полюбил, и потому он сомневается, чтобы царь мог сказать, что если бы он не был женат, а я ещё не замужем, то он взял бы меня за себя. Царица везде говорила, что она меня нежно любит; но ради Бога сохраните все это в самой глубокой тайне, ибо здесь запрещено говорить об этом под страхом смерти… Нужно любить царевича, моего супруга, такою полною любовью, какую я к нему питаю, иначе я име-

ла бы много причин содрогаться при мысли о продолжении моего существования. Но, находя в царевиче столько и даже больше хороших качеств, чем дурных у народа, я считаю большим счастием, что буду жить среди людей, которые обладают тем отличным свойством, что глубоко преданы своему государю. Поэтому и я люблю русских, ибо нет такого ужаснаго места в целом свете, куда бы я не отправилась с удовольствием, сопровождая царевича.

Из письма принцессы Шарлотты – матери. Цит по: Герье В. (1). С. 479, 481

Привычка к неумеренному винопитию крайне вредно отзывалась на его здоровье. Алексей стал очень хворать, и у него заподозрили чахотку. Врачи посоветовали ему ехать на воды в Карлсбад. Царь дал своё согласие. Отчуждение супругов было уже так велико, что царевич (если верить иностранному известию) до последнего дня таил от жены свой близкий отъезд и будто бы объявил о нём только тогда, когда был уже подан дорожный экипаж. А затем во время своего полугодового отсутствия ни разу не писал своей супруге и не отвечал на её письма.

Иловайский Д.И. (1). С. 26

По совету докторов, ему пускали кровь банками.

Устрялов Н. История царствования Петра Великаго. Т. VI. Царевич Алексей Петрович. С.-Петербург, 1859. С. 36

Пётр был так неделикатен по отношению к кронпринцессе, что во время отсутствия Алексея приставил к ней особых женщин для наблюдения над её поведением.

Терновский Ф. С. 10

Во время пребывания царевича за границею, царь показал к своей беременной невестке такие образчики обращения, которые несколько подтверждают жалобы Алексея насчёт дурных отношений его отца к его жене. Когда Шарлотте приближалось время родить, Пётр приставил к ней посторонних лиц женского пола; кронпринцесса этим очень оскорбилась… Нельзя предположить, чтобы Пётр поступал так потому, что возникали какие-нибудь подозрения насчёт неверности кронпринцессы своему супругу; в таком случае принятые меры не имели смысла; скорее, можно подозревать, что Пётр боялся, чтоб не подменили ребёнка и вместо дочери не подставили сына. Шарлотта родила дочь; Пётр стал с нею очень ласков.

Костомаров Н.И. (2). С. 14

…Царь приставил к невестке двух доверенных женщин, госпожу Брюс и князь-игуменью Ржевскую. «Я не хотел бы вас трудить, – пишет он невестке с корабля из-под Ревеля, – но отлучение ради супруга вашего, моего сына, принуждает меня к тому, дабы предварить лаятельство необузданных

языков, которые обыкли истину превращать в ложь, дабы о том некоторой анштальт учинить, о чём вам донесёт г. канцлер, граф Головкин, по которому извольте неотменно учинить, дабы тем всем, ложь любящим, уста заграждены были».

Кронпринцесса была очень огорчена, но исполнила желание свёкра… Что это значит? Какой анштальт учинить предполагал Пётр? Какие подозрения и в ком возбуждала богобоязненная кронпринцесса? Не боялся ли он подлога в случае неблагополучного разрешения? Кажется, так поняла и кронпринцесса, в ответе своём именно сказавшая: «…и на уме мне не приходило намерение обмануть ваше величество и кронпринца!». Если же Пётр боялся подлога, то, значит, рождение детей у сына занимало его сильно.

Погодин М.П. (1). С.428

12 июля 1714 г., утром в 7 часу, кронпринцесса разрешилась от бремени дочерью, названною, по воле ея, Наталиею. Недели через две, благодаря Петра за ласковое письмо, она изъявила в шутливом тоне надежду со временем исполнить его желание – родить сына…

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 39

Судя по ласковому письму, которым Пётр поздравил свою невестку с благополучным разрешением, можно догадываться, что он и Екатерина были довольны именно рождением внучки, а не внука. А потому, ободрённая сим письмом

кронпринцесса едва ли доставила им удовольствие тем, что в своём ответе шутя, выразила надежду подарить царю также и внука, т. е. будущего престолонаследника.

Иловайский Д.И. (1). С. 27

Три дамы присутствовали при рождении царевны, и одна из них, Ржевская, так описывала Петру своё житьё у кронпринцессы: «По указу вашему у её высочества кронпринцессы я и Брюсова жена живём и ни на час не отступаем, и она к нам милостива. И я обещаюсь самим богом, ни на великие миллионы не прельщусь и рада вам служить от сердца моего, как умею. Только от великих куплиментов, и от приседания хвоста, и от немецких яств глаза смутились».

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 46

Царь приказал предписать царевичу, чтобы он, окончив лечение в Карлсбаде, явился в Петербург. Когда пришло к нему это повеление, а также и в своём ответе на оное, царевич обнаружил мало охоты исполнить его; ходили слухи, будто он был недоволен тем, что до сих пор числился только сержантом.

Вебер Ф.Х. Преображенная Россия Текст воспроизведён по изданию: записки вебера // русский архив. № 6. 1872. Стлб. 1106. Далее цитируется как Вебер Ф.Х. С указанием страницы.

Будучи в отечестве, он тосковал и, выпивши, говорил ближним: «Быть мне пострижену, коли не при отце, так после него постригут меня, как Василия Шуйскаго, и куда-нибудь в полон отдадут. Моё житьё плохое!..».

Костомаров Н.И. (2). С. 14

Царевич возвратился из Карлсбада в С.-Петербург, после шестимесячнаго отсутствия, в конце декабря 1714 года; супруга его вскоре опять стала беременна; но очень огорчилась, узнав, что у мужа есть любовница: то была известная уже Евфросинья Фёдорова, крепостная девка учителя его Никифора Вяземскаго.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 40

Монарх определил царевича в Гвардию, поручал ему разныя военныя и гражданския должности, а напоследок возложил на него управление водяными сообщениями Волги с Невою. Это последнее поручение воспоследствовало, может статься, для того, что Царь разлукою хотел примирить между собою супругов.

Бергман В. История Петра Великого. В 6 т. Т. 4. Соч. Вениамина Бергмана; Пер. с нем. Егор Аладьин. – СПб.: Тип. К. Вингебера, 1833. С. 22. Далее цитируется как Бергман В. С указанием тома и страницы.

Месяц спустя после этого, мы находим Шарлотту в поло-

жении совершеннаго отчаяния, очевидно вызваннаго семейными отношениями: «Нет сомнения, писала она отцу, что свет наш исполнен горечи и что судьба готовит мне большое горе в будущем, ибо, начиная с самаго детства, т.-е. с шестилетняго возраста, я не знаю что такое настоящее удовольствие. Если и попадёт на мою долю какое-нибудь счастие, то оно обыкновенно бывает нарушено. Я совершенно смущена в виду того, что меня ещё ожидает, ибо моё горе идёт от человека слишком дорогого, чтобы на него жаловаться. Притом все примеры, которые я имею пред глазами, из какого слоя жизни бы ни были взяты, убеждают меня, что не следует роптать против судьбы, ибо каждый страдает, пока находится на этом жалком свете, самое название котораго должно бы было приводить в содрогание всех, кто носит имя христианина. Да ниспошлёт мне небо хотя одно удовольствие и да услышит молитвы, которыя я возсылаю безпрестанно о вашем щастии; я не желаю другого удовлетворения, ибо ваше благополучие мне дороже моего собственнаго».

Герье В. (1). С. 462-463

В обществе молодые супруги не пользовались большим почётом. Екатерина и Меншиков старались, кажется, причинять им много неудовольствий, огорчений и даже оскорблений. Оказалась, видно, уже вообще перемена в расположении к царевичу. По крайней мере, царевич так описывал своё положение при дворе: «Отец мой и царица так обходились с

моею женою, заставляя ее служить, как девку, к чему она по своему воспитанию не привыкла; следовательно, очень огорчалась, к тому же я и жена моя терпим всякой недостаток». Сама кронпринцесса в письме к Петру о завистниках и преследователях говорит: «Бог – моя надежда на чужбине! И так всеми покинута! Он услышит мои сердечные вздохи и сократит мои страдания».

Погодин М.П. (1). С.427

Шарлотта жаловалась на претерпеваемые ею огорчения (по-видимому, в особенности от Натальи Алексеевны, Екатерины и Меньшикова) и требовала, чтобы муж шёл к своей тётке Наталье для объяснений. Тот отказывался. А когда она упрекала его тем, что в Германии ни один сапожник и портной никому не позволяет дурно обращаться с его женою, и напоминала ему данные обещания и клятвы, царевич отрицался от них; говорил, что она находится теперь в России, и если не довольна тем, что имеет, то пусть убирается назад в свою Германию. Принцесса в сие время писала матери, что более не может скрывать истинный характер своего мужа, и что она очень несчастна.

Иловайский Д.И. (1). С. 25

Верно то, что царевна весьма несчастна. Некоторые даже говорят, что если у нея не будет сына, он в праве заключить её в монастырь, если не поступит с нею ещё хуже.

Эрнст-Август, герцог. С. 432

По обыкновению, строго соблюдая великий пост в отношении пищи, он (царевич Алексей Петрович) в тоже время, ежедневно и неумеренно пил водку… При подобных условиях он дошёл до такого состояния, что однажды (в апреле 1716 года) в церкви лишился чувств и так сильно заболел, что его не решились везти домой через Неву, а на ночь положили в дом одного иностранца. На следующий день он всё ещё был очень слаб; кронпринцесса явилась к больному мужу и два дня ухаживала за ним, пока его можно было переправить домой. В это время она была уже вторично беременна. Судя по письмам к родным, одно только утешало Шарлотту в её горестях, что муж очень любил и ласкал малютку Наташу. Он уносил её к себе в комнату, укачивал на своих руках и всех спрашивал, видали ль где ребёнка красивее его дочери.

Иловайский Д.И. (1). С. 27

Недель за десять до разрешения от бремени, кронпринцесса, всходя на лестницу, несчастливо упала и левою стороною ударилась о ступень. С тех пор она чувствовала постоянную боль в левом боку и в животе и неоднократно говорила: «меня как будто колят булавками по всему телу». Боль продолжалась до самаго разрешения, с легкою лихорадкою. Медики признали нужным пустить кровь: она была очень гу-

ста и тяжела. Боль как будто уменьшилась. За девять дней до рождения, младенец сильно ворочался. Кронпринцесса потеряла аппетит, мучилась жаждою и последнюю неделю была более в постели. 12 октября утром, после пятичасового страдания, она разрешилась благополучно принцем, Петром. Первые три дня ей было так хорошо, что в четвёртый она встала с постели и приказала вынести себя в креслах в другую комнату, где, не слушая докторов, принимала поздравления и собственною грудью стала кормить новорождённаго.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 40

Царевич Алексей Петрович кормилице своей М. Колычевой: «Марфа Афанасьевна здраствуй! Сего месяца (октября) в 12 день перед светом, родился у меня сын, которому дано имя Пётр. Алексей. Из Петербурга в 14 день октября 1715 года».

Семевский М.И. (2). С. 29

22-го числа царю привезли донесение о том, что супруга царевича разрешилась от бремени великим князем.

Записки Вебера. Стлб. 1337

Двое детей, оставшихся плодами их брака в трехлетнее, с промежутками, житье вместе, остались живыми доказательствами их супружеской связи.

Погодин М.П. (1). С. 450

…И по разрешении её от бремени всё пошло хуже происками Меншикова, который боялся, что престол достанется роду царевича.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 52

«Не хочу жить долее!»

В этот год особенно жизнь царевича и жены его в Петербурге преисполнилась многими неприятностями, как то свидетельствуют донесения Плейера: «Замечали при царском дворе зависть за то, что она родила принца, и знали, что царица тайно старалась её преследовать, вследствие чего она была постоянно огорчена… Деньги, назначенные на её содержание, выдавались очень скупо и с затруднениями… Смерти принцессы много способствовали разнородные огорчения, которые она испытывала». Царевич после то же показывал. «Отец ко мне был добр, – говорил царевич в Вене, – но с тех пор, как пошли у жены моей дети, всё сделалось хуже, особенно когда явилась царица и сама родила сына. Она и Меншиков постоянно вооружали против меня отца; оба они исполнены злости, не знают ни Бога, ни совести».

Погодин М.П. (1). С.429

Теперь я должен упомянуть о кончине цесаревны и о некоторых обстоятельствах её жизни, на сколько они принадлежат к истории России.

Записки Вебера // Русский архив. № 6. 1872. Стлб. 1337

Напрасно Шарлотта в первые дни после родов утешалась тем, что она дала русскому государству будущего наследника престола и таким образом упрочила династию. Пётр, а тем естественнее Екатерина, не обнаружили никакой особой радости по поводу сего престолонаследника. У них в то время были иные, свои собственные расчёты, для осуществления которых кончина кронпринцессы только развязывала им руки. Да и сама эта кончина, может быть, находилась в связи с тем горьким разочарованием, которое постигло кронпринцессу, когда она увидала, что новорождённый царевич встретил сухой, неласковый приём при царском дворе и не принёс с собой никакого улучшения в отношениях Петра с Алексеем… Наоборот, в отношениях к Алексею и его супруге теперь явно сквозит какая-то холодность или натянутость. Екатерина уже подарила Петру пятерых или шестерых детей, из которых к данному времени оставались в живых только Анна и Елисавета. Но царица естественно не теряла надежды иметь ещё и сына. В качестве уже законной и притом страстно любимой супруги, она могла мечтать о том, чтобы на него перенести право престолонаследия, лишив этого права нелюбимого Петром Алексея. Такою затаённою меч-

тою объясняется многое в дальнейшей судьбе её пасынка.

Иловайский Д.И. (1). С. 28

Если бы я в моем горе не имела счастия получать от вас удостоверение в вашей ко мне милости и в вашем расположении я, без сомнения, давно бы погибла; но эта уверенность спасает меня от неминуемаго отчаяния, в которое я уже на половину погружена, не зная, каким способом от него избавиться. Моё положение гораздо печальнее и ужаснее, чем может представить себе чьё-либо воображение. Я замужем за человеком, который меня никогда не любил, а теперь любит ещё менее чем когда-либо: несмотря на это, я к нему привязана, потому что это мой долг, и, слава Богу, я ему не дала никакого повода сомневаться в этом, или думать противное. Царь ко мне милостив, его жена была также, но под рукой она мне вредит всевозможным образом, ибо она ненавидит меня теперь столько же, сколько мне приходится её опасаться, т.-е, более чем можно себе вообразить.

Из письма принцессы Шарлотты – матери. Цит по: Герье В. (1). С. 482

Честолюбивая женщина, руководимая Меньшиковым, зная привязанность к себе государя, могла надеяться вступить с ним в законный брак и видеть себя или своих детей на престоле российском. Царевич стоял преградою на пути к этой цели. Посему в интересах Екатерины и Меньшикова

было доводить разлад между отцом и сыном до крайней степени. Гибель царевича была бы для них высшим торжеством.

Терновский Ф. С. 6

Первые три дня ей (принцессе) как помним мы было так хорошо, что в четвёртый она встала с постели и приказала вынести себя в креслах в другую комнату, где, не слушая докторов, принимала поздравление и собственною грудью стала кормить новорождённаго.

Вслед за тем ей стало хуже. Врачи дали ей микстуру для успокоения страданий; но она чувствовала себя так дурно, что в девятый день, вечером 20 октября, созван был консилиум из протомедика Арескина, Деодата Блументроста, Георгия Поликалы и Лаврентия Блументроста. Они явились во дворец кронпринцессы с князем Меншиковым. Царь был в то время очень нездоров и несколько дней никуда не выходил из комнаты. Консилиум нашёл больную в состоянии безнадёжном: сильнейшая лихорадка, неутолимая жажда, пульс весьма частый и слабый, охладевшие конечности при внутреннем жаре, холодной пот во всём теле, жесточайшия конвульсии – вот, что увидели врачи при первом взгляде; показание бабки, что необходимое очищение давно уже прекратилось, лишило их всякой надежды на спасение.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 40

Разрешившись 21 Октября от бремени и теперь ещё жи-

вущим (вместе с княжною сестрою своею) и одарённым необыкновенными телесными и душевными качествами великим князем Петром Алексеевичем, супруга царевича, через 6 дней после родов, впала в такое опасное состояние, что тогда же стали сомневаться в её выздоровлении, и так как она почувствовала близость кончины своей, то приказала попросить к себе царя (царица не выходила, будучи в последних днях беременности). По прибытии царя (которого, по случаю нездоровья ввезли к цесаревне на кресле с колёсами) она трогательно простилась с ним, поручив ему своих наследников и прислугу; за тем приласкала и оросила горькими слезами детей своих и передала их царевичу, который взял их на обе руки, понёс в свою комнату и более уже не приходил к супруге. После того она позвала к себе в комнату всю прислугу свою, которая находилась в передней и молилась за неё (прислуги этой было более 200 человек), утешала, наставляла и благословила её и потом осталась одна с священником.

Записки Вебера. Стлб. 1340

На другой день, в 7 часу утра, кронпринцесса велела камердинеру Петри позвать к себе барона Левенвольда, и как скоро увидала его, сказала: «Кончина жизни моей приходит; по милости Всевышняго, я к смерти готова; все мысли светския оставила, обратилась всею душею к Богу и уповаю вскоре здешнюю суету обменить вечною славою. Желаю только

ещё говорить с вами». «Я отвечал» пишет барон Левенвольд, «что Божия рука сильна и болезнь вашего высочества не в таком состоянии, чтоб ни совету, ни помощи не было». Кронпринцесса пресекла его слова: «Нет более надежды на жизнь; во всех суставах чувствую смерть; но умираю охотно, особливо дожив до такого удовольствия, что царский дом умножится ещё одним принцем: живот его я отплачу своим. Если бы Всевышний благоизволил, мне было бы очень приятно самой воспитать своих детей; но Богом определено иначе, и я повинуюсь святой Его воле…».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 41

Когда же доктора предложили ей ещё некоторые лекарства, она бросила пузырьки за постель и громко сказала: «Не мучьте меня, дайте спокойно умереть, ибо я и не хочу жить долее!».

Записки Вебера. Стлб. 1340

Несчастная принцесса умерла… как настоящая мученица, от мужа-варвара, который недостойно обращался с ней и никогда не оказал ей ни малейшего внимания.

Герцог де Лириа-и-Херика. С. 86

Царевич, по свидетельству резидента Плейера, посетив принцессу перед кончиною её, был вне себя от горести и несколько раз падал в обморок.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 44

Плейер —Цесарю Карлу VI: 25 Октября я всеподданнейше сообщал Вашему Цесарскому и Королевскому величеству о благополучных и легких родах ее высочества здешней кронпринцессы и рождении юного принца. Но сегодня я, к сожалению, не могу не рассказать Вашему Цесарскому и Королевскому величеству, как обстоят дела, хотя сразу после разрешения принцесса почувствовала себя настолько хорошо, что на 4-й день встала, велела перенести ее на стульях из детской комнаты в другую и пригласить иностранцев, от которых принимала поздравления. То есть она встала слишком рано, о чем ее настоятельно и напрасно предупреждали акушеры и медики. Она же решила и начала сама кормить маленького принца. 31-го ближе к вечеру у нее начались сильные фобии и обмороки, и по всем признакам было видно, что детское место у нее не отошло и начались спазмы. Правда, незамедлительно, тем же вечером, к ней были собраны все медики, которые находились при ней неотлучно. Тем не менее, несмотря на все усилия и дорогие лекарства, она скоро лишилась речи, и ею все более овладевала слабость.

На другой день в полдень около часа она послала за царем, велела просить его к себе, чтобы попрощаться. Последний несмотря на то, что сам не совсем оправился от колик, вскоре пришел к ней и энергично ее утешал. Она же настоятельно просила за ее двух детей – только что рожденного

принца и пятилетнюю принцессу, а также просила обещать отправить из страны ее оставшихся слуг. Наконец после полуночи того же вечера между 1 и 2 часами она скончалась. Ее супруг кронпринц до ее кончины находился при ней, из-за тоски и печали трижды падал в обморок и казался безутешным. Тотчас после ее смерти принц забрал в свою комнату обоих детей и двух женщин, чтобы их оставить и держать для воспитания этих двоих детей. Вещи и комнаты умершей были опечатаны.

Донесения австрийского резидента Плейера о деле царевича Алексея. По: Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 124

Царица Екатерина 29 Октября 1715 года разрешилась от бремени сыном. Радость Царя высказывается в его письмах, писанных в тот же день к Шереметеву и другим особам: «Объявляю вам, что сей ночи дал Бог Мне рекрута отцевым именем. Прошу Господ Генералов и прочих от вышших до нижних от меня поздравить и сие объявить…». «Объявляю вам (к Морскому Капитану фон Генту), что сей ночи Бог дал мне маленькова матроса, которому имя дано отцово, и сим вам поздравляю…»

Бергман В. (1). Т. 4. С. 30

1-го Ноября вечером, проведши в тёплой молитве время до 11-ти часов, она (принцесса Шарлотта) получила, наконец, от Бога разрешение всех скорбей, после пятидневных

великих страданий, на 21 году жизни, пробыв 4 года и 6 дней в брачном состоянии

Записки Вебера. Стлб. 1340

…Сам же Царевич относительно наветов, которыми враги стараются очернить его пред императором (имеется в виду прусский император Карл VI, ставший в результате брака царевича Алексея с принцессой Шарлоттой его шурином. – *Е.Г.*), просит не верить им; в особенности умоляет не иметь об нём дурнаго мнения, будто он худо жил с покойною женою: свидетельствуется Богом, что никогда не имел с нею ни малейшей ссоры или несогласия; а всему свету известно, что отец его обходился как с нею, так и с ним, царевичем, всегда презрительно, в публичных обществах никогда с ними не говорил, и предпочитал ей министерских жён. Она так огорчалась, что с досады нередко бывала больна, и по ея собственному пред концом жизни признанию, подобные огорчения были виною преждевременной смерти ея.

Из донесения секретаря Кейля прусскому императору Карлу VI 11 мая 1717 года из Неаполя. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 90

7 Ноября, без всякого бальзамирования (которого она не пожелала), с достодолжным великолепием, погребли её в главной крепостной церкви; а 8 Ноября ныне царствующая царица, к великой радости царя, разрешилась от бремени ца-

ревичем Петром Петровичем, и по этому случаю устроенные празднества и ликования продолжались целые 8 дней.

Записки Вебера. Стлб. 1340

Утверждают, что принцесса умерла от тоски (если тоска может причинить смерть) и что царевич затем тайно обвенчался с Евфросиньей в 1713 году, как только императрица Екатерина принесла ему братца, без которого он бы хорошо обошёлся.

Вольтер (1). С.34

В кружках дипломатов рассказывали, что Екатерина была крайне недовольна рождением сына у Алексея и что именно раздражение, проявленное мачехой по этому поводу, сделалось одной из причин преждевременной кончины кронпринцессы

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.329

Самые похороны возбудили разныя затруднения, так как Пётр желал при этом следовать обычаям, принятыи при иностранных дворах, и нужно было достоверно осведомиться об этих обычаях. Характеристичен в этом отношении случай, сообщённый Плейером. Возник вопрос, следует ли стрелять из пушек при погребении. Царь послал спросить у шведскаго графа Пипера, находившагося в плену в Петербурге, стреляют ли в Швеции из пушек при похоронах кронпринцес-

сы, и если стреляют, то как велико число выстрелов. Пипер ответил, в Швеции в подобном случае не стреляют из пушек. Но Лёвенвольд, часто бывший по делам в Швеции, уверял, что при погребении королевы бывает 100 выстрелов, а при погребении кронпринцессы 90. Пётр поверил барону и, полагая, что граф Пипер намеренно и по злобе дал ложное показание, послал к нему Лёвенвольда и другого генерала, чтобы обличить его, спросить, ради чего он хотел скрыть от царя истину, и сделать ему за это строгий выговор. Но перед самым началом погребальнаго шествия Пётр подозвал в себе австртйскаго резидента Плейера, а потом ганноверскаго секретаря Вебера и спросил их, стреляют ли при их дворах во время погребения кронпринцессы. Оба ответили, что при их дворах этого не делалось. После этого царь обратился с таким же вопросом и к другим дипломатам. Никто из них не знал подобнаго случая, только саксонский посланник указывал на пример дрезденскаго двора. Тогда Пётр приказал, чтобы не стреляли.

Герье В. (1). С. 528-529

17 Ноября совершён обряд крещения новорождённого (сына Петра, царевича Петра Петровича), и высокими восприемниками были короли Датский и Прусский. Обряд праздновался с особенным великолепием. Самое замечательное на этом празднике составлял пирог, из которого вышла довольно красивая карлица, совершенно нагая и укра-

шенная красными лентами и фонтанжем. Явившись из пирога, она произнесла речь, угощала присутствующих бывшим у неё вином из своего же стакана, сама выпила за здоровье различных особ и за тем убрана была со стола. На столе дамском таким же образом являлся карлик. Когда стемнело, всё общество отправилось на остров Иеннессари, где сожжён был превосходный Фейерверк в честь новорождённого царевича. По отдалённости подмосток иллюминации, я не мог прочитать всего девиза и разобрал вверху только следующие слова, изображённые громадными буквами: «Надежда и терпение».

Записки Вебера. Стлб. 1341

Призрак принцессы Шарлотты бродит по Европе

Сказания о страданиях несчастной кронпринцессы произвели такое впечатление, что даже подали повод к легенде, распространившейся 50 лет после ея смерти. В 1777 году вышла французская книга, в которой было разсказано, что Шарлотта не умерла в России, но бежала в Луизиану, которую тогда только что начали населять европейцы. Там она вышла замуж за одного французскаго офицера, с которым потом отправилась в Париж, где её узнал Мориц Саксонский. Тогда она снова скрылась на острове Бурбоне, и только уже после смерти мужа и дочери вернулась в Европу. Она тайно жила в Париже или Брюсселе, получала щедрую пенсию от

Брауншвейгскаго двора и раздавала бедным большую часть своих денег.

Герье В. (1). С. 528-529

…Надобно сказать вам о странной полемике, поднятой против общественнаго мнения императрицею Екатериною и ея канцеляриею внешних дел. Спорная переписка велась долгое время. Сама я ничьей стороны не придерживалась, и ограничусь здесь только передачею трёх документов по этому делу.

В 1771 году, в ведомостях была опубликована следующая статья (никого, впрочем, не удивившая): «Г-жа д,Обан скончалась в своём хорошеньком домике, что в Витри, близ Парижа. Повидимому, ей было более 80-ти лет от роду. Она с давних пор проживала на этой даче и никуда не выходила из дома, со времени смерти г. д,Аржансона, котораго прежде посещала в Версале, где все с любопытством на неё смотрели. У ней не осталось кровных наследников, а в завещании ея единственною наследницею назначена герцогиня Голштинская. Между тем, оказалось, что эта принцесса уже не существует, чем крайне затруднён душеприкащик покойницы, аббат обители св. Женевьевы, недоумевающий, каким образом исполнить последнюю волю завещательницы, потому что наследники герцогини Голштинской ему неизвестны, и что со стороны казны заявлена претензия на обращение этого наследства в пользу короны, по праву ея на выморочныя

имущества после чужестранцев, умерших во Франции. Аббат имел честь получить аудиенцию у его величества, вследствие которой отдано повеление – прекратить, в настоящем случае, всякия от казны исковыя притязания. Ныне производится продажа движимаго имущества и разных вещей г-жи д,Обан, которая, как всем известно, ни с кем не виделась и никого не принимала, кроме своего духовника и посланника империи (Германской). Множество любопытствующих теперь собираются ежедневно в Витри, чтоб быть при описи имущества той особы, которая столь долго и сильно занимала собою внимание публики. Вот известие о ней, сообщённое нам одним иностранным господином, котораго сведения почерпнуты из достовернаго источника и не наводят никаких сомнений

Известно, что царь Московии, Петр I-й, имел сына, который был один из злейших людей, женатаго на принцессе Брауншвейгской, Шарлотте, сестре Елисаветы, супруги императора Карла VI.

Характер царевича не был смягчён любезностью, добродетелями и умом жены его. Часто он обходился с нею дурно, и даже (невероятное дело) покушался отравить её, что повторял до девяти раз; но, к счастию, она спасалась пособиями своего врача, доктора Сандика, – пособиями, которыя были подаваемы всегда так кстати, своевременно и успешно, с таким усердием и уменьем, что сохранили ей и жизнь, и здоровье. Царевич был страстно влюблён в одну русскую ба-

рышню, из фамилии Нарышкиных, и хотел жениться на этой особе, – женщине честолюбивой, безнравственной и столь же безчеловечной, как и он сам. Этот варвар, желая, во что бы ни стало, совершить своё преступление, озлобился однажды до того на принцессу Шарлотту, что нанёс ей ногою сильный удар в живот, от чего она упала без чувств, утопая в крови: ея высочество была в это время на девятом месяце беременности.

Когда придворные и прислуга сбежались к ней, царевич тотчас удалился в свой загородный дом, будучи уверен, что на другой же день получит известие о ея смерти. На беду принцессы, царь Пётр находился тогда в одной из своих заграничных поездок. В далеке от него и своего семейства, беззащитная против ненависти и жестокости принца, самовластнаго над рабским двором, находясь ежеминутно под страхом гибели от железа или яда, наконец, вне возможности ни бежать, потому что её содержали во дворце, как в тюрьме, ни писать к родным, ибо переписка ея была бы захвачена, – принцесса нашла единственным средством своего спасения от угнетений царевича – выдать себя за умершую. Говорят, что мысль эту внушила ей графиня Варбек, рожденная Кенигсмарк, не пожалевшая денег на подкуп служительниц принцессы и на соглашение ея врача и камер-юнкера к принятию необходимых мер для скрытия истинны относительно трупа, которым нужно было подменить мнимо-умершую.

Г-жа Варбек, – ганноверская дама, состоявшая при ея высочестве, – объявила царевичу о смерти его супруги, причем явно заметила в нём злобную радость. Он приказал похоронить её поскорее, со всевозможным сокращением погребальной церемонии. О кончине принцессы разослали извещения к европейским дворам, и вся Германия надела траур по умершей – простой служанки из петербургской дворцовой прислуги.

Принцесса спаслась, благодаря стараниям графини Варбек, которая направила её в Щвецию, дав ей проводником стараго, вернаго служителя. Потом принцесса отправилась оттуда в Париж, где, не без опасения, расчитывала найдти более надёжное для себя убежище; но там была встревожена встречею с одним из секретарей князя Куракина, царскаго посланника, который всматривался в неё пристально и с видом подозрительнаго изумления. Тогда она поспешно уехала в Луизиану, в сопровождении того же самаго спутника, котораго всюду выдавала за своего отца, да латышской служанки, говорившей только на своём, непонятном никому, языке, неграмотной, и притом, как по всему видно, считавшей принцессу, в самом деле, дочерью этого служителя-немца, по имени Вольфа.

По приезде в Луизиану, она обратила на себя общее внимание жителей этой французской колонии. Имущественное положение новоприбывшей обнаруживало скромныя, но достаточныя средства; а поведение ея было не только правиль-

ное, но и примерное, о чём свидетельствует епископ Квебекский в одном из своих сообщений к г. Морепа.

Тут один французский офицер, кавалер д,Обан, уверился в том, что признал её. За два года перед тем, он был в Петербурге, где искал для себя службы, и однажды, посетив из любопытства тамошнюю придворную церковь, был до того поражён грустным и убитым видом принцессы, что навсегда удержал в памяти образ ея. Теперь же, сколько ни казалась ему невероятною встреча с нею здесь, он не мог в том усомниться, но имел благоразумие – не дать ничем заметить этого принцессе. И вот он старается выискать случай быть полезным старику Вольфу, заявлявшему намерение устроить себе колониальное поселение, принимает на себя все предварительныя для того распоряжения, достает сотню тысяч франков на счёт своего родоваго поместья в Шампани, где его фамилия слыла из числа значительнейших, покупает на эти деньги землю с невольниками, и, наконец, вполне устраивает земледельческое заведение на правах товарищества с Вольфом.

Сблизившись, по этому случаю, с девицею Вольф, он решился тогда открыть ей, что узнал, кто она. Молодая женщина сперва приведена была этим в отчаяние; но, в виду изведанной ею на опыте осторожности и скромности г. д,Обана, ободрилась и взяла с него клятву в ненарушимом сохранении тайны, после чего успокоилась совершенно. Через несколько месяцев спустя, европейския газеты огласили

весть о катастрофе, происшедшей в России и закончившейся смертию царевича. Принцесса, вдова его, была – в гражданском смысле слова – существом умершим: при таких обстоятельствах в ней возникли смущения и боязнь перед тем, что предстояло бы сделать и что приходилось бы выдержать для возвращения себе владетельных прав. Вдобавок, она не могла не заметить страстнаго чувства, которое внушила кавалеру д,Обану, – чувства, им уже нескрываемаго и, может быть, взаимнаго с ея стороны. К довершению всей затруднительности ея положения, старый служитель умер, завещав в пользу кавалера, с согласия принцессы, свою долю устроеннаго ими вообще заведения. Таким образом, д,Обан остался у ней единственным доверенным лицом и утешителем; наконец, она вышла за него замуж и стала женою пехотнаго капитана местных войск в Луизиане.

Имея всего состояния одну лишь плантацию при 30 или 40 неграх, будучи окружена людьми всякаго цвета и дурных свойств, – людьми, которые, в большинстве, могли считаться подонками рода человеческаго (как обыкновенно водится в новых колониях), она совершенно забыла, что была некогда супругою наследника державы, сопредельной и Швеции, и Китаю, что родная сестра ея – жена императора, и что сама она – дочь государя. Она вполне посвятила себя мужу, с которым делила все заботы по общему их хозяйству. Картина эта, быть может, представляется одною из самых романтических и своеобразных, какия только видел мир.

Г-жа д,Обан забеременела и родила дочь, которую сама кормила и учила говорить по-немецки и по-французски, чтобы та могла помнить о двойной национальности своего происхождения. Десять лет бывшая принцесса жила при такой обстановке, сознавая себя, конечно, счастливее, чем в царском дворце, и. может статься, довольнее, нежели сестра ея на троне германских цесарей.

В исходе этих десяти лет у г. д,Обана сделалась фистула. Жена его, опасаясь за успех операции, необычной в практике местных врачей, решилась возвратиться в Париж, с целью лечить там больнаго, о котором заботилась, как истинно любящая жена. Поэтому им пришлось продать свою колониальную усадьбу. По выздоровлении же кавалера, оба они стали думать об имущественном обезпечении своей дочери; но как денежныя средства, привезённыя ими из Америки, не оказывались достаточными на столько, чтобы могли успокоивать их за будущность дитяти, то д,Обан принялся искать у директоров Индийской компании какой-либо должности, при которой у него могли бы оставаться и сбережения из доходов с капитала.

Пока он хлопотал об этом, г-жа д,Обан ходила иногда с дочерью прогуливаться в Тюльери, не боясь более быть кем-нибудь узнанною; но однажды случилось, что когда она там разговаривала. с дочерью по-немецки, граф, впоследствии маршал, Саксонский, сидевши сзади их, услышав родной язык, подошёл к ним: г-жа д,Обан взглянула на него – и тот отшат-

нулся назад, от удивления и ужаса. Принцесса Шарлотта была не в силах скрыть своего смущения; но граф обратился к ней с таким рыцарским чистосердечием, полным приветливости и прямоты, что она не могла, умолчать перед ним об участии в ея приключении тётки его, при чём потребовала соблюдения глубочайшей тайны.

Граф обещал хранить тайну, но просил разрешения открыть её лишь одному королю, чьё великодушие и скромность общеизвестны, на что г-жа д,Обан согласилась, поставив графу условием: разсказать всё королю не прежде, как три месяца спустя. Она позволила графу посещать её иногда, только без провожатых и по ночам, во избежание всяких наблюдений со стороны хозяев квартиры и соседей.

Накануне срочнаго дня, когда граф Саксонский имел право передать эту историю королю, он отправился к принцессе Шарлотте, чтобы спросить: не пожелала-ли бы она чего-либо в особенности со стороны их величеств, как вдруг узнал от домохозяйки, что г-жа д,Обан, за несколько дней до того, отправилась на остров Бурбон, где муж ея получил место, с чином маиора. Граф Саксонский тотчас же отправился доложить королю обо всей этой необыкновенной истории, и его величество, призвав к себе г-на Машо, в присутствии графа (чрез посредство котораго и сделались известными эти подробности), приказал министру, без пояснения ему побудительных причин своего распоряжения, предписать губернатору острова Бурбона, чтобы он оказывал г-же

д,Обан всевозможную предупредительность и уважение. Его величество, несмотря на тогдашнюю войну с императрицей – королевой Венгерской, послал ей собственноручное письмо, с уведомлением о судьбе тетки ея и о распоряжениях, сделанных относительно этой принцессы. Мария-Терезия, в своём ответе королю, благодарила его, а к г-же д,Обан велела написать, через князя Кауница, письмо (виденное маршалом Саксонским), приглашавшее её поселиться в австрийских владениях, но под условием – оставить мужа, которого король французский предоставлял своему покровительству. Принцесса Шарлотта не захотела принять этого условия и осталась спокойно жить на острове Бурбоне до самой смерти своего мужа, т. е. до сентября 1735 г. За несколько лет перед тем, она имела несчастие лишиться дочери, и после этих утрат, не дорожа уже ничем в здешнем мире, она опять приехала в Париж, в 1736 г. Г. маршал Ришельё может засвидетельствовать, что, по поручению короля, он не раз бывал у ней, в отеле Перу, в улице Таранн. Она ему говорила, что проживёт там до тех пор, пока не изберёт себе какую-либо религиозную общину, где намерена жить в уединении, заняться единственною мыслью о своих последних несчастиях, которыя одне только оставили в ней скорбное воспоминание. Она досадовала, что ей не удалось найдти себе желаемаго приюта в Бельшасском монастыре и, чувствуя потребность пользоваться чистым воздухом, решилась основать своё местопребывание в Мёльер-де-Витри, купленном

за 112 000 франков у президента Федо, в 1737 году. Императрица-королева, по самую смерть ея, выдавала ей пенсию в 45 т. ливров; но эта превосходная женщина употребляла три четверти получаемой суммы на пособия бедным, как о том свидетельствует священник прихода Шуази. На ея похоронах присутствовал и был распорядителем печальной церемонии австрийский посланник; а придворный священник короля, аббат Сувестр, по повелению его величества, совершал погребальную службу в приходской шуазийской церкви.

Вот что у нас, в Париже, объявлялось во всеобщее сведение, не возбудив никаких протестов или обличений, ни со стороны местных властей, ни от кого-либо извне. Естественно было думать, что если весь этот разсказ ничто иное, как басня, то неминуемо вызвал бы опровержение начальника полиции, или, по крайней мере, маршала Ришелье; но последний, на все вопросы, отделывался тем, что отвечал, с разсеянным видом: «А! мадам д,Обан!.. Не знаю наверно… Не умею вам сказать…».

Маркиза Креки де. [Мемуары. Фрагмент] / Пер., изложж. Д.Д. Рябинина / Русская старина, 1874. – Т. 11. – № 10. – С. 360-366

Историею мнимой принцессы Шарлотты были заинтересованы в Европе даже и люди передовые, как например, Вольтер и его приятели. Это видно из следующих мест его переписки: 1) Из письма к И. И. Шувалову (по поводу со-

ставляемой Вольтером «Истории Петра Великаго») от 21-го сентября (н. с.) 1760 г.. из Фернея: «Не могу удержаться, чтобы не сообщить вам о дошедших до меня анекдотах, весьма странных и замысловато-романических. Говорят что принцесса, супруга цесаревича, не умерла в России; что она успела выдать себя за умершую, тогда как вместо нея похоронили чурбан (une buche), положенный в гроб; что всё это невероятное дело вела и устроила графиня Кёнигсмарк; что принцесса спаслась с одним из слуг графини, принявшим на себя роль отца Шарлотты; что таким образом они доехали до Парижа, а потом отплыли в Америку, где один французский офицер, по имени д,Обан, бывший прежде в Петербурге, узнал принцессу и женился на ней; что, возвратившись из Америки, она была узнана также и маршалом Саксонским, который счёл себя обязанным открыть эту странную тайну королю французскому; что король, несмотря на войну свою с королевой Венгерской, писал ей собственноручно о необыкновенной судьбе племянницы ея; что Венгерская королева, после того, писала к принцессе, прося её разлучиться с мужем, который ей неровня, и прибыть в Вену; но что принцесса, тогда уехала уже опять в Америку, где и оставалась до 1757 года, – до времени смерти своего мужа, – и что, наконец, теперь она находится в Брюсселе, где живёт уединённо, довольствуясь пенсиею в 20 000 немец. флоринов, выдаваемых ей от королевы Венгерской. С чего, однакож, могла бы взяться решимость на выдумку стольких событий и подроб-

ностей? Не могло ли быть, что какая-нибудь авантюристка назвалась именем принцессы, жены цесаревича? Я намерен писать в Версаль, чтобы узнать, какое основание, имеет эта история, неправдоподобиая во всех частях».

2) Из письма к мадам де-Фонтен (m-me de-Fontaine), от 29-го сентября 1760 года: «....История русской принцессы позанимательнее (plus amusante) истории ея свёкра; я просто буду в отчаянии, если из всего этого выйдет только роман, потому что я нежно заинтересован г-жею д,Обан. Как вы, – в качестве юрисконсульта, – полагаете: имеет ли право эта принцесса, умершая в Петербурге и живущая в Брюсселе, вновь принять своё прежнее имя? Объявляю вам, что я стою за утвердительное разрешение вопроса…».

3) Из письма к Шувалову, от 7-го ноября 1760 года: «.....Мне очень нужно бы иметь кое-какия разъяснения о катастрофе, постигшей цесаревича. Скажу вам, мимоходом: достоверно, что есть женщина, которую принимают, во многих краях Европы, за супругу самаго царевича. Это та самая, о которой маленькую историю я имел честь вам сообщить; но она не достойна быть поставлена наряду с Дмитрием-Самозванцем....».

4) Из записки к графине Бассевич, от 22-го января 1761 года: «.....В 1722 году, одна полька, приехавшая в Париж, поселилась в нескольких шагах от дома, где я тогда жил. Она имела некоторыя черты сходства с супругою царевича. Некто д,Обан, французский офицер, служивший в России,

был увлечён таким сходством. Эта случайность, которая заставила его обознаться, внушила упомянутой даме желание – быть принцессой; тогда она, с видом чистосердечной искренности, поведала офицеру, что она вдова наследника российскаго престола и положила, вместо себя, в гроб чурбан, чтобы спастись от мужа. Д,Обан влюбился в неё и в ея достоинство принцессы; они женились, а потом д,Обан, назначенный губернатором над некоторыми владениями в Луизиане, увёз туда свою принцессу. Добрый человек так и умер в твёрдой уверенности, что он муж свояченицы императора германскаго и невестки императора русскаго. Дети его также этому верят, и правнуки не будут в том сомневаться…».

Из примечаний публикатора мемуаров маркизы Креки де Д.Д. Рябинина. Русская старина, 1874. – Т. 11. – № 10. – С. 369-370

Легенда эта послужила сюжетом для повести Цшокке «Die Prinzessin von Wolfenbüttel» и для оперы «Santa Chiara», музыка которой составлена герцогом Эрнстом Саксен-Кобургским.

Е. Лихач. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/

Это сказка: несомнительные акты удостоверяют, что кронпринцесса скончалась 22 октября 1715 года в С.-Петербурге и погребена в Петропавловском соборе.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 44

…Но нам казалось, что для русских читателей не вовсе лишены интереса те подробности, которыми был обстановлен этот исторический пуф, впервые пущенный в ход во Франции при Людовике XV. Несмотря на всю свою несообразность, он имеет некоторое право на внимание, как вымысел, созданный не одною лишь фантазией досужаго воображения, но, быть может, и расчётом, на какую-то тёмную, неудавшуюся затею против России, в форме самозванства, для котораго была подобрана личность, повидимому, действительно существовавшая. Насколько можно судить, эта наглая и довольно незамысловатая выдумка нашла сочувствие и в европейском общественном мнении, почти всегда невежественном и легковерном или неприязненном по отношению к России, и в некоторых правительственных сферах.

Из примечаний публикатора мемуаров маркизы Креки де Д.Д. Рябинина. С. 369-370

«Желаю монашеского чину…»

Оставленный, таким образом, окончательно без надзора, царевич окружил себя монахами; сам он свидетельствует, что попы и чернецы были его собеседниками; в кругу их он возненавидел всё, что ни любил отец; новая столица была ему ненавистна: иногда он воображал, что Петербург провалится; иногда говаривал, что оставит его немедленно, как

скоро будет царём. Царевна Мария Алексеевна, суеверная и неприязненная брату, распаляла ум племянника тайными видениями. Царица-мать также действовала на сына чрез своих родственников и друзей, в особенности чрез брата своего Авраама Лопухина.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 17-18

…Царевич великое имеет горячество к попам и попы к нему, и почитает их как Бога; а они его все святым называют, и в народе ж ими всегда блажим был.

Их показаний камердинера царевича Алексея Ивана Большого-Афанасьева. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 35

Младой Царевич, приученный из детства к подобным внушениям и праздности, вкушал яд сей с удовольствием, и по несчастию имея в приставниках своих потворствующих себе, не опускал никогда случаев, съезжаяся с ними и подобными развратниками тайно, предаваться Бахусовым весёлостям, в каковых собраниях и не преставали ему повторять зловредных тех наставлений, утверждая притом его надеждою скораго получения короны; поелику уже Царя, отца его, несомнительна скорая кончина, судя по частым его болезненным припадкам, о чём будто бы и весь народ Господа Бога усердно молит, и его, Царевича, предварительно своим избавителем от великаго Царёва удручения называет.

Голиков И.И. (1). Том третий. С. 388

Ему сказали, что у царя эпилепсия и что «у кого оная болезнь в летах случится, те недолго живут»; поэтому он «думал, что и велико года на два продолжится живот его». Это убеждение о предстоящей в ближайшем будущем кончине Петра давало царевичу повод отказываться от каких-либо действий. Составление политической программы или какого-либо заговора вообще не соответствовало пассивной натуре Алексея. Страдая неловкостью своего положения, он ждал лучшего времени. О систематической оппозиции, об открытом протесте против воли отца не могло быть и речи – для этого у него недоставало ни мужества, ни ума.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.328

Но царевич постоянно говорил русским, что, когда они возведут его на трон, всё возвратится в своё прошлое состояние, и что он прогонит всех этих иностранных плутов, которые насоветовали его отцу все перемены, и что он посыпет солью город С.-Петербург.

Герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году. С. 86

Однажды слушая московитов, которые жаловались на несносные тяготы, перенесённые при строительстве Петербурга, он сказал: «Утешьтесь, этот город долго не просуществует».

Вольтер. (1). С. 34.

Один иностранец современник пишет так о жизни Царевича Алексея: «И удивительно, что никогда не видно Принца в тех собраниях, где Его Величество принимаете поздравления от всех знатных и чиновных особ, как-то: в дни рождения, в торжественные по случаю побед, в праздники, бываемые во время спуска кораблей, и проч. Генерал Брюс, живший подле Принца, имел повеление просить его всегда с вечера к таковым праздникам, и сие дело положено было от него на меня; но сей Принц, чтобы не быть в больших собраниях, или принимал лекарства и открывал кровь, извиняясь всегда каковым-нибудь нездоровьем, между тем как все знали, что он в то время предавался весёлостям с своим прегнусным товариществом, и не преставал охуждать все действия своего отца…».

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 18

Екатерина и Меньшиков, втайне работавшие над обострением сих отношений, всякими наговорами и воздействиями спешили воспользоваться благоприятным для них моментом в смысле устранения Алексея от престола. Подстрекаемый ими, великий человек снизошёл до явного искажения действительности и подписал своим именем длинное, многословное и казуистичное письмо, в котором ему принадлежала разве только редакция, т.-е. внешняя отделка.

Иловайский Д.И. (1). С. 28

В день погребения кронпринцессы, возвратясь из Петропавловскаго собора в дом царевича, для поминовения усопшей, Пётр отдал сыну следующее письмо, подписанное за 16 дней до того в Шлюссельбурге, накануне рождения внука:

«Объявление сыну моему. Понеже всем известно есть, что пред начинанием сея войны, как наш народ утеснён был от Шведов, которые не толико ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумным очам к нашему нелюбозрению добрый задёрнули завес и со всем светом коммуникацию пресекли. Но потом, когда сия война началась (которому делу един Бог руководцем был и есть), о, коль великое гонение от сих всегдашних неприятелей, ради нашего неискусства в войне, претерпели, и с какою горестию и терпением сию школу прошли, дондеже достойной степени вышеречённаго руководца помощию дошли! И тако сподобилися видеть, что оный неприятель, от котораго трепетали, едва не вящшее он нас ныне трепещет. Что всё, помогающу Вышнему, моими бедными(?) и прочих истиных сынов Российских равноревностных трудами достижено.

Егда же сию Богом данную нашему отечеству радость разсмотряя, обозрюсь на линию наследства, едва не равная радости горесть меня снедает, видя тебя наследства весьма на правление дел государственых непотребнаго (ибо Бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил, ниже крепость те-

лесную весьма отнял: ибо хотя не весьма крепкой природы, обаче и не весьма слабой); паче же всего о воинском деле ниже слышать хощешь, чем мы от тьмы к свету вышли, и которых не знали в свете, ныне почитают. Я не научаю, чтоб охоч был воевать без законныя причины, но любить сие дело и всею возможностью снабдевать и учить: ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению, еже распорядок и оборона. Не хочу многих примеров писать, но точию равноверных нам Греков: не от сего ли пропали, что оружие оставили, и единым миролюбием побеждены, и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в некончаемую работу тираном отдал? Аще кладёшь в уме своём, что могут то генералы по повелению управлять; но сие воистину не есть резон: ибо всяк смотрит начальника, дабы его охоте последовать, что очевидно есть: ибо во дни владения брата моего, не все ли паче прочаго любили платье и лошадей, и ныне оружие? Хотя кому до обоих дела нет, и до чего охотник начальствуяй, до того и все; а от чего отвращается, от того все. И аще сии легкия забавы, которыя только веселят человека, так скоро покидают, кольми же паче сию зело тяжкую забаву (сиречь оружие) оставят! К тому же, не имея охоты, ни в чём обучаешься и так не знаешь дел воинских. Аще же не знаешь, то како повелевать оными можеши и как доброму доброе воздать и нерадиваго наказать, не зная силы в их деле? Но принужден будешь, как птица молодая, в рот смотреть. Слабостию ли здоровья

отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон! Ибо не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь отлучить не может. Спроси всех, которые помнят вышепомянутаго брата моего, который тебя несравненно болезненнее был и не мог сам ездить на досужих лошадях; но, имея великую к ним охоту, непрестанно смотрел и перед очми имел; чего для никогда бывала, ниже ныне есть такая здесь конюшня. Видишь, не всё трудами великими, но охотою. Думаешь ли, что многие не ходят сами на войну, а дела правятся? Правда, хотя не ходят, но охоту имеют, как и умерший король Французский, который немного на войне сам был, но какую охоту великую имел к тому и какия славныя дела показал в войне, что его войну театром и школою света называли, и не точию к одной войне, но и к прочим делам и манифактурам, чем своё государство паче всех прославил!

Сие всё представя, обращуся паки на первое, о тебе разсуждая: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощию Вышняго насаждение и уже некоторое и возращённое оставлю? Тому, иже уподобился ленивому рабу Евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (сиречь всё, что Бог дал, бросил)! Ещё же и сие воспомяну, какова злаго нрава и упрямаго ты исполнен! Ибо сколь много за сие тебя бранивал, и не точию бранил, но и бивал, к тому же сколько лет почитай не говорю с тобою; но ничто сие успело, ничто пользует, но всё даром, всё на сторону, и

ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться, хотя от другой половины и всё противно идёт. Однакож всего лучше, всего дороже безумный радуется своею бедою, не ведая, что может от того следовать (истину Павел святой пишет: како той может церковь Божию управить, иже о доме своём не радит?) не точию тебе, но и всему государству.

Что всё я с горестию размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо изобрёл сей последний тестамент тебе написать и ещё мало пождать, аще нелицемерно обратишься. Ежели же ни, то известен будь, то я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангренный, и не мни себе, что один ты у меня сын, и что я сие только в устрастку пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо я за моё отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребнаго пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 46-49

Как видно, с давних уже пор между отцом и сыном раскрылась бездна. Царь прежде бранивал и бивал Алексея; затем не говорил с ним ни слова в продолжение нескольких лет. При тогдашних приёмах педагогики царь мог позаботиться о напечатании этого письма, не подозревая, что указанием на суровое и холодное обращение с сыном он винил во всём деле и, прежде всего, себя самого.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.329

«К тому же сколько лет, почитай, не говоря с тобою», – пишет Пётр. Что ж это за метод наставления, где тут видно желание успеха, желание поправить дело?

Погодин М.П. (1). С.433

Итак, его отец, видя, что из-за своей неспособности тот становится недостойным наследовать ему, и что, кроме того, слабость его темперамента действительно не позволяет ему принимать необходимое участие в делах правления, и что, следовательно, он повернёт всё назад, когда случай предоставит ему возможность взойти на престол, – решил либо принудить его поступать согласно своим правилам, либо отказаться от наследования…

Герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году. С. 87

На следующий же день после вручения письма Екатерина родила сына, которому дано было, так же как и сыну Алексея, имя Петра. Этот следующий день тоже возбуждает вопрос, был ли объявлен действительный момент рождения? Или Пётр и Екатерина почему-либо надеялись, что на сей раз родится не дочь, а сын.

Иловайский Д.И. (1). С. 28

Письмо отдано, и на другой день рождается у самого ца-

ря сына. Какую тревожную ночь провели Пётр и Екатерина в ожидании этого дорогого гостя! Как билось у них сердце при всяком ощущении! Какова радость должна была быть у них при первом крике этого младенца, который приводил их торжественно к цели и увенчивал всё тяжёлое тёмное дело! Пётр мог подумать, что сам Бог благословил его намерение и его действие (но этот младенец пережил недолго своего брата).

Погодин М.П. (1). С.432

На письме царя к Алексею показано число 11 октября, когда ещё у Алексея не было сына. Оно было отдано 27 октября, накануне рождения Петра Петровича. В новейшее время это обстоятельство вызвало следующее объяснение: Пётр подписал своё письмо задним числом, до рождения внука; иначе бы можно было думать, что царь осердился на сына, в сущности, за то, что у этого сына родился наследник, именно в то время, когда Екатерина могла родить сына и проч. Мы не берёмся проникнуть в тайну мыслей царя. Быть может, Соловьев прав, объясняя позднюю отдачу письма болезнью царя .

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.330

Что значило то обстоятельство, что Пётр дал сыну 27 октября письмо, написанное, повидимому, за шестнадцать дней до отдачи этого письма в те руки, в которые было на-

значено отдать его? Историки наши долго не задавали этого вопроса. Первый, сколько нам известно, г-н Погодин задал его для исторической науки и попытался разрешить довольно удачно (в статье «Суд над царевичем» – Рус. Беседа. 1860 г. Кн. 12). Письмо подписано задним числом. Пётр давно уже подумывал отрешить сына от престола. Ему желательно было бы вместо нелюбимого сына Евдокии передать престол детям Екатерины. Пока не было детей мужеского пола ни у Екатерины, ни у Алексея, Пётр медлил. Но у Алексея родился сын. Из свидетельства современника Плейера видно, что Екатерине настолько причиняло досаду это событие, что её досаду могли заметить. Неприятно было это и Петру, слишком привязанному к Екатерине. Пока кронпринцесса была жива, и притом больна, Пётр не решался бросить свои громы на царевича – это было бы чересчур жестоко и бесчеловечно по отношению к матери, так как смысл данного царевичу письма явно показал бы ей, что её новорождённый сын лишается своего права. Но кронпринцесса умерла, тогда Пётр составил или велел составить это письмо и вручил царевичу. Нужно было соблюсти «аншталт», как говорилось в то время. Для того-то Пётр подписал своё письмо задним числом, до рождения внука, иначе бы сразу показалось, что царь осердился на сына, в сущности, за то, что у этого сына родился наследник. С другой стороны, не надобно было медлить: Екатерина не сегодня завтра готовилась родить; она могла родить сына: тогда опять дело бы имело такой вид, что

Пётр поражает своего сына от нелюбимой жены только потому, что у него родился сын от любимой, и тогда бы он не мог выразиться в своём письме: «…не думай, что ты один у меня сын»; неуместно было бы сказать и в конце письма: «Лучше будь чужой добрый, чем свой непотребный». Теперь аншталт был соблюдён, хотя и сшит белыми нитками. Письмо подано было царевичу тогда, когда у царевича был уже сын. Если бы Пётр не имел намерения лишить внука престола, зачем же было давать сыну такое письмо, которое будто бы написано до рождения внука? Тогда можно было бы прежнее письмо переписать и изменить сообразно текущим событиям.

Костомаров Н.И. (2). С. 14-15

…Писано было письмо за 15 дней, накануне рождения сына у царевича, отдано накануне рождения сына у царя. В недоумение приходит всякий здравомыслящий и беспристрастный исследователь. Что за странности? Царь пишет письмо к сыну с угрозою лишить его наследства, но не отдает письма, и на другой день по написании рождается у царевича сын, новый наследник; царь держит у себя письмо и отдает только через 16 дней, в день погребения кронпринцессы, а на другой день после отдачи рождается у него самого сын! Вопросы, один за другим, теснятся у исследователя.

Если Пётр написал письмо в показанное число в Шлиссельбурге, то зачем не послал его тотчас к сыну? Зачем держал 16 дней, воротясь в Петербург?

Рождение внука должно б было изменить решение: если сын провинился, то новорождённый внук получал неотъемлемое право на престол!

Зачем бы определять именно число? Пролежало оно 16 дней в кармане, для чего же напоминать о том, для чего напирать, что письмо писано за 16 дней? Ясно, что была какая-то задняя мысль. Она видна и в подстрочном примечании к печатному розыскному делу: «Понеже писано то письмо до рождения царевича Петра Петровича за 18 дней, и тако в то время был он, царевич Алексей Петрович, один».

Что за странное намерение отдать письмо в руки царевичу в публике, перед множеством свидетелей, в день погребения жены?

Письмо носит явные признаки сочинения, с риторикою: его, верно, писал грамотей на досуге, не Петр, выражавшийся и не в таких случаях отрывисто. Да и на что письмо? Разве нельзя было передать всё ещё сильнее на словах?

Во всем этом действии нельзя не видеть чёрного плана, смётанного в тревоге белыми нитками.

Как же объяснить это загадочное событие?

Верно, у Петра давно уже возникла мысль отрешить от наследства Алексея, рождённого от противной матери, не разделявшего его образ мыслей, не одобрявшего его нововведений, приверженного к ненавистной старине, склонного к его противникам. Верно, он возымел желание предоставить престол детям от любезной своей Екатерины. Екатерина, рав-

но как и Меншиков, коих судьба подвергалась бы ежеминутной опасности в случае смерти царя, старались, разумеется, всеми силами питать эту мысль, пользуясь неосторожными выходками царевича. Они переносили Петру все его слова, толковали всякое движение в кривую сторону, раздражали Петра более и более. И вот лукавая совесть человеческая, вместе с сильным умом, начала подбирать достаточные причины, убеждать в необходимости действия, оправдывать всякие меры, она пугала прошедшим, искажала настоящее, украшала будущее – и Пётр решился! Он решился, и уж, разумеется, ничто не могло мешать ему при его железной воле, пред которою пало столько препятствий. Погибель несчастного царевича была определена. В средствах нечего было ожидать строгой разборчивости: Пётр в таких случаях ничего не видал, кроме своей цели, лишь бы скорее и вернее кончено было дело.

Погодин М.П. (1). С.430-431

Так объяснял г. Погодин, и это-то обстоятельство, по нашему мнению, всего более лишает нас возможности объяснить подачу письма иным способом, как её объяснил г-н Погодин.

Костомаров Н.И. (2). С. 15

Письмо было написано до рождения внука, а теперь, на другой день после отдачи письма, царица родила и сына –

царевича Петра. Алексей должен был помнить слова Куракина: «Покамест у мачехи сына нет, то к тебе добра; и, как у ней сын будет, не такова будет». Близкие люди рассказывали, что когда царевич Пётр родился, то Алексей много дней был печален…

Соловьев С.М. (1). Том XVII. С. 54

Сначала, разумеется, и в голове у Петра всё было смутно, одним планом сменялся другой, ничего определённого, всякое новое обстоятельство могло изменять предположения, выжидались удобные случаи. Кронпринцесса начала рожать детей. Это увеличивало затруднения Петрова плана на пути к предположенной цели. Пора приступать к действию. Но вот она родила сына. Это уже совершенно расстраивает виды. Ждать нечего. Начертывается план атаки, говоря языком того времени, устраиваются траншеи, подводятся апроши, и только последний день штурма предоставлялся случаю. Внезапная кончина кронпринцессы, с которой, по слухам, жил муж нехорошо, подает сигнал. Сочиняется задним числом первое письмо и отдаётся царевичу в день её погребения. Так начинается комедия, которая должна была разыграться страшной трагедией, беспримерной в летописях государств и народов, от которой содрогается сердце и приходит в недоумение рассудок.

Письмо – это обвинительный акт, на который предполагалось сослаться впоследствии.

Погодин М.П. (1). С.431-432

…Он оставил ему в октябре 1715 г. перед отъездом в Голландию записку, в которой требовал от него изменить своё поведение и постараться изучить всё, что надлежит знать великому монарху, в особенности же военное дело. Всё содержание этой записки было выдержано в выражениях, способных проникнуть в самое грубое сердце, а заканчивалась она словами: «Не воображайте себе, что, поскольку у меня нет другого сына, я хочу лишь навести на вас страх. Я определённо лишу вас права наследования, если Богу будет угодно, поскольку всю свою жизнь я рассматриваю только как служение моей Родине и благу моего народа. Как же я могу смотреть на вас, становящегося недостойным править ими. Я предпочту передать свою корону иностранцу, который будет достоин носить её, нежели своему сыну, вовсе её недостойному».

Герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году. С. 88

Заключаем: обвинение натянутое, подьяческое, коварное. Но против рожна прати мудрено, особенно такому слабому человеку, как царевич. Последуем за событиями.

Погодин М.П. (1). С.433

Прочитав грозное послание отца, царевич обратился к

тайному другу своему и наставнику, Александру Кикину с вопросом, что делать? Кикин советовал отречься от наследства престола по слабости здоровья. То же говорил и князь Василий Владимирович Долгорукий, тогда доверенное лицо у Государя, прибавив: «Давай писем хоть тысячу; ещё когда что будет; старая пословица: улита едет, коли-то будет. Это не запись с неустойкою, как мы прежь сего меж себя давывали». Ободрённый князем Долгоруким, царевич подал отцу чрез три дни следующее письмо: «Милостивый Государь-батюшка! Сего октября в 27 день 1715 года, по погребении жены моей, отданное мне от тебя, Государя, вычел; на что инаго донести не имею, только буде изволишь, за мою непотребность, меня наследия лишить короны Российской, буди по воле вашей. О чём и я вас, Государя, всенижайше прошу: понеже вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишён (без чего ничего возможно делать), и всеми силами умными и телесными (от различных болезней) ослабел и непотребен стал к толикаго народа правлению, где требует человека не такого гнилаго, как я. Того ради, наследия (дай Боже вам многолетное здравие!) Российскаго по вас (хотя бы и брата у меня не было, а ныне, слава Богу! брат у меня есть, которому дай Боже здравие) не претендую и впредь претендовать не буду; в чём Бога свидетеля полагаю на душу мою, и, ради истиннаго свидетельства, сие пишу своею рукою. Детей моих вручаю в волю вашу, себе же прошу до смерти пропитания. Сие всё предав в ваше

разсуждение и волю милостивую, всенижайший раб и сын Алексей».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 49-50

Письмо было написано в угоду Петра; видна подделка под его образ мыслей, его взгляды и способы выражения. Царевич мог, по-видимому, быть покоен: всё им сделано!

Костомаров Н.И. (2). С. 16

После, у цесаря [прусского короля, своего шурина, когда он ударился в бега], он говорил об этом отречении, что никогда не соглашался ни за себя, ни за своих детей, и только силою и страхом принудили его подписать отречение: он опасался невольного пострижения, смертных побоев, опоения, отравы.

Погодин М.П. (1). С.434

…Я всегда боялся, чтобы царевич, хотя он и отрёкся от своих прав на престол, не пренебрёг бы своею клятвою в случае, если он переживёт царя, и не стал бы искать средств к вступлению на престол.

Из отчёта голландского резидента де-Бие своему правительству о допросе, устроенном ему в канцелярии канцлера Головкина. Цит по: Дело царевича Алексея Петровича по известиям де-Биэ. Русский архив. 1907. II (7). С. 332-333

После того некоторое время царь как бы оставлял Алексея в покое. Очевидно, он раздумывал, колебался и не принимал ещё окончательного решения. В ноябре, после слишком усердного служения Бахусу на именинах адмирала Апраксина, Пётр так опасно заболел, что 2 декабря причастился святых тайн. Министры и сенаторы не отлучались и ночевали во дворце. Но Кикин дошёл до такой подозрительности, что не верил в серьёзную болезнь и внушал царевичу, будто отец притворяется… Разумеется, такое притворство приписывалось намерению узнать, как будут вести себя сын и его приверженцы в виду близкой кончины отца. Как бы то ни было, царь оправился и на Рождественский праздник вышел в церковь.

Иловайский Д.И. (1). С. 29-30

Во время тяжкой болезни батюшковой, говорил мне Александр Кикин: «Отец-де твой не болен тяжко, и он-де исповедывается и причащается нарочно, являя людем, что он гораздо болен, а всё притвор; а что причащается, у него-де закон на свою стать».

Из ответов царевича Алексея на розыске в Москве. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 163

Проверить справедливость догадки Кикина мы не в состоянии, но замечательно, во всяком случае, какой взгляд составился о Петре между людьми, знавшими его.

Костомаров Н.И. (2). С. 16

Во время болезни отца Царевич посетил его только один раз.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 50

Оправившись от недуга, Пётр 19 января 1716 года снова написал сыну: «Последнее напоминание ещё. Понеже за своею болезнию доселе не мог резолюцию дать, ныне же на оное ответствую: письмо твоё на первое письмо моё я вычел, в котором только о наследстве воспоминаешь и кладёшь на волю мою то, что всегда и без того у меня. А для чего того не изъявил ответу, как в моём письме? ибо там о вольной негодности и неохоте к делу написано много более, нежели о слабости телесной, которую ты только одну воспоминаешь. Также, что я за то сколько лет недоволен тобою, то всё тут пренебрежено и не упомянуто, хотя и жестоко написано. Того ради разсуждаю, что не зело смотришь на отцово прещение. Что подвигло меня сие остатнее писать: ибо, когда ныне не боишься, то как по мне станешь завет хранить! Что же приносишь клятву, тому верить невозможно, для вышеписаннаго жестокосердия. К тому ж и Давидово слово: всяк человек ложь. Також хотяб и истинно хотел хранить, то возмогут тебя склонить и принудить большия бороды, которыя, ради тунеядства своего, ныне не во авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело. К тому ж, чем воздаёшь рож-

дение отцу своему? Помогаешь ли в таких моих несносных печалях и трудах, достигши такого совершеннаго возраста? Ей, николи! Что всем известно есть, но паче ненавидишь дел моих, которыя я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и конечно по мне разорителем оных будешь. Того ради, так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно; но, или отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах: ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо, что ныне мало здоров стал. На что, по получении сего, дай немедленно ответ или на письме, или самому мне на словах резолюцию. А буде того не учинишь, то я с тобою как с злодеем поступлю».

Бергман В. (1). Т. 4. С. 27-28

Чем же заключает Пётр свои словоизлития? «Отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником или будь монах, ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо что ныне мало здоров стал. На что по получении сего дай немедленно ответ или на письме, или самому мне на словах резолюцию. А буде того не учинишь, то я с тобою как с злодеем поступлю».

Как с злодеем поступлю! Слушатели! Предчувствуете ли роковую развязку? Слово вырвалось нечаянно – и сделалось новою ступенью в собственном сознании царя!

Погодин М.П. (1). С.435

Письмо сына почему-то не понравилось царю. Он о нём говорил с князем Василием Васильевичем Долгоруким, который, после этой беседы придя к Алексею, говорил ему: «Я тебя у отца с плахи снял»… Как видно, Пётр, раз решившись устранить Алексея от престолонаследия, должен был идти всё дальше и дальше. Отречение от права на престолонаследие не могло казаться достаточным обеспечением будущности России; Алексей в глазах весьма многих мог всётаки оставаться законным претендентом; зато заключение в монастырь могло служить средством для достижения желанной цели, иначе «дух Петра не мог быть спокоен». Намёк в конце письма: «Я с тобой, как со злодеем, поступлю», служит комментарием к вышеупомянутому замечанию князя Долгорукого: «Я тебя у отца с плахи снял». Если оказывались недостаточно целесообразными формальное отречение от права престолонаследия или даже заключение царевича в монастырь, то оставалось для того, чтобы «дух царя мог быть спокоен», только одно – казнить царевича.

Брикнер А.Г. (1). Т. 1. С.330

Всё те же неуловимые казуистические требования; но теперь, по крайней мере, ясно высказывалось намерение царя запереть сына в монастырь и тем отрезать ему путь к наследованию престола.

Иловайский Д.И. (1). С. 30

Царевич помнил неоднократныя слова Кикина: «вить клобук не гвоздём к голове прибит», и по совещании с ним, отвечал отцу на другой день следующим письмом: «Милостивейший Государь-батюшко! Письмо ваше, писанное в 19 день сего месяца, я получил тогож дня поутру, на которое больше писать за болезнию своею не могу. Желаю монашескаго чина и прошу о сёмь милостиваго позволения. Раб ваш и непотребный сын Алексей».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 51

Друзья и приверженцы, между тем, внушали ему, что монастырь даже представляет безопасное убежище, в котором можно укрыться до поры до времени.

Иловайский Д.И. (1). С. 30

Чрез неделю Пётр отправился за границу, в Копенгаген, оттуда в Амстердам и Париж; за два дня до отъезда, был он у сына и нашёл его в постели, притворно больным. На вопрос отца: какую резолюцию взял? царевич клялся пред Богом, что ничего не желает, как только постричься. Пётр сказал: «Это молодому человеку не легко; одумайся, не спеша; потом пиши ко мне, что хочешь делать; а лучше бы взяться за прямую дорогу, нежели в чернцы. Подожду ещё полгода». Выражение «одумайся, не спеша» ободрило царевича. «Я и отложил вдаль», говорил он впоследствии.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 52

В тот же день Царевич был на весёлой пирушке у Секретаря Михайлы Волкова.

Бергман В. Т. 4. С. 52

Тягостно предполагать в нём [Петре] лицемерие; не говорил ли он искренно? Так к чему ж было говорить! На что были Петру отвлечённые обещания: буду стараться, буду исправляться? Возьми его с собою просто и заставляй делать что угодно.

Видно, что в голове у Петра происходило смущение: он не знал, как ему кончить задуманное дело. Мысли сменялись и перепутывались.

Могу сообщить здесь, кстати, одно замечание Пушкина средь бесконечных наших споров с ним о Борисе Годунове, которого я всегда оправдывал, а он обвинял. «Неужели вы думаете, – сказал он мне однажды, – что человек сколько-нибудь нравственный, не злодей, может спокойно обдумывать преступный умысел? Нет, он всегда торопится от него прочь, удерживая только первую мысль, как она попалась; ему тяжко возвращаться к своему намерению, и он старается как бы скорее отделаться; он не может ничего додумывать. Вот почему Годунову не могли прийти в голову те соображения, коих вы теперь от него требуете. Вот почему не мог он приготовиться, чтоб отвечать вам по пунктам на ваши логические запросы».

Точно так и Пётр был в нерешительности касательно мер, каким образом избавиться от сына. Лишь только основная мысль не давала ему покоя, и он сам писал: «Дух мой спокоен быть не может».

Погодин М.П. (1). С.436

Находя неуместным его согласие идти в монастырь и допуская надежду, что сын может исправиться, Петру всего сподручнее было бы взять сына с собою, чтобы испытать на деле, может ли сын изменить свой нрав и сделаться достойным престола. Мы не допускаем такого чёрного подозрения, чтобы Пётр заранее хотел довести сына до трагического конца, какой постиг несчастного Алексея; но, кажется, решивши уж в своём уме, что сыну не царствовать, Пётр тогда сам для себя не решил ещё, как ему с сыном поступить. Иначе нельзя объяснить его тогдашних поступков.

Костомаров Н.И. (2). С. 17

Любопытно, что во всех этих переговорах отца с сыном не было и помину о новорождённом внуке, как будущем возможном наследнике русского престола. Ясно было, что и сын и внук устранялись, чтобы перенести наследие на другого сына, только что рождённого от второго брака, т.-е. на Петра Петровича. Конечно, в непосредственной связи с сим намерением, 15-го Ноября 1715 года издан был царский указ, который всякому отцу предоставлял право назначать себе на-

следником любого из сыновей, не взирая на старшинство.

Иловайский Д.И. (1). С. 30-31

В ноябре 1715 года Пётр издаёт указ о наследстве. Голиков приводит по этому случаю слова цесарского посланника из его письма к первому министру о разговоре с царём: «Теперь я понимаю побудительную причину, для которой царь издал последний закон, определяющий всё недвижимое родовое имение одному из сыновей, но в то же время предоставляющий отцу полную власть назначить себе наследника без всякого уважения права старшинства, и я уверен теперь, что царь принял намерение исключить от наследства старшего сына, так что мы некогда увидим Алексея постриженным, заключённым в монастырь и принуждённым проводить остаток дней своих в молитвах и псалмопении. *15 ноября 1715 года*».

Погодин М.П. (1). С.434

Царевич, принужденный страхом и силою, согласился оставить престол; но за детей своих никогда не отказывался и в сердце своём всё предоставил Богу. В самом деле Бог не дал его новорождённому брату Петру Петровичу, ни здоровья, ни талантов, и тем доказал, что владыки Мира в Его деснице.

Из отчёта прусского имперского вице-канцлера графа Шёнборна Венскому двору о показаниях царевича Алексея.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 72

«Сам Пётр дал ему предлог к побегу»

12 июля 1716 года, скончалась в Петербурге любимая сестра царя, Наталья Алексеевна. При этом случае голландский резидент де Би доносил своему правительству: «Особы знатные и достойные веры говорили мне, что покойная великая княжна Наталья, умирая, сказала царевичу: пока я была жива, я удерживала брата от враждебных намерений против тебя; но теперь умираю, и время тебе самому о себе промыслить; лучше всего, при первом случае, отдайся под покровительство императора (опять имеется в виду австрийский император Карл VI, ставший шурином царевича Алексея после его брака с принцессою Шарлоттою Вольфенбюттельскою. – *Е.Г.*)».

Брикнер А.Г. (1). Т. 1. С.333

После того в кружке лиц, преданных царевичу, эта мысль продолжала работать. В отсутствие царя другая сестра его Марья Алексеевна, сочувствовавшая своему племяннику, отправилась лечиться в Карлсбад. В её свите находился Александр Кикин; он обещал царевичу поискать для него верное убежище в чужих краях, и эти искания сосредоточил около того же Венского двора.

Иловайский Д.И. (1). С. 42

Кикин, отправляясь в Карлсбад, шепнул царевичу: «я тебе место какое-нибудь сыщу». Мысль о побеге за границу занимала его (царевича) и прежде: он думал ещё о том при жизни кронпринцессы и неоднократно советовался с Кикиным. За два года пред отъездом в Карлсбад, Кикин говорил ему: «Как ты вылечишься, напиши к отцу, что тебе ещё надобно весну провести за границею; между тем поезжай в Голландию; потом, после весенняго кура, можешь в Италии побывать, и так пройдёт года два или три». В Голландию ехать, однакож, царевич раздумал и возвратился в Петербург. «Был ли кто у тебя от двора Французскаго?» спрашивал его Кикин, и, узнав, что никто не был, молвил: «Напрасно ты ни с кем не виделся от Французскаго двора и туды не уехал: король человек великодушный; он и королей под своею протекциею держит; а тебя бы ему было не великое дело».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 52

Ещё есть известие, что царевич обращался к шведскому министру Герцу с просьбой о шведской помощи и что Герц уговорил Карла XII войти в сношение с Алексеем при посредстве Понятовского, пригласить его в Швецию и обещать помощи, и когда Алексей после того бежал в Австрию и Италию и затем отдался Толстому и Румянцеву, то Герц жаловался, что из неуместного мягкосердечия упущен отличный случай получить выгодные условия мира. Мы не име-

ем возможности проверить эти данные другими источниками. Впрочем, некоторым подтверждением этого факта можно считать следующий намёк в письме Петра к Екатерине из Ревеля от 1 августа 1718 года, где, очевидно, идёт речь о царевиче: «Я здесь услышал такую диковинку про него, что чуть не пуще всего, что явно явилось».

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.333

О душевном состоянии царевича после отъезда Петра в эту вторую заграничную поездку можно догадываться по нескольким монотонным вымученным письмам, которые он послал отцу за семь прошедших месяцев. Вся тяжесть сердечного груза и душевной тоски видна в этих словах, оцепенело перехолящих из одного письма в другое.

Бергман В. Том 4. С. 78

Поздравляю тебе Государю всенижайшее в сей день рождения вашего и при том доношу, государь мой братец и государыни сестрицы во здравии обретаются.

Всенижайший раб и сын ваш Алексей. *Из Санкт-Питербурга в 30 д. майя 1716.* Адрес на конверте: Господину Господину (так в тексте) Виц-Адмиралу.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 73

Поздравляю тебе Государю, сим днём тезоименитства твоего и при том доношу, государь мой братец и сестрицы в

добром здравии.

Всенижайший раб и сын ваш Алексей. *Из Санкт-Питербурга в 29 д. июня 1716.*

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 74

Доношу тебе Государю, государь мой братец и государыни сестрицы в добром здравии обретаются и всё благополучно есть.

Всенижайший раб и сын ваш Алексей. *Из Санкт-Питербурга в 30 д. июля 1716.*

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 74

Доношу тебе Государю, государь мой братец и государыни сестрицы в добром здравии обретаются. *Из Санкт-Питербурга в 12 д. августа 1716.*

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 74

Милостивейший Государь Батюшка, доношу тебе Государю, государь мой братец и государыни сестрицы в добром здравии, и всё здесь благополучно. На сих днях пришли корабли с товарами, ис которых несколько сюда прибыло, а прочие ещё в Кронштоте обретаются.

Всенижайший раб и сын ваш Алексей. *Из Санкт-Питербурга в 27 д. августа 1716.*

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 75

Во все это время царевича не покидала надежда на скорую кончину царя. Разные лица говорили ему о пророчествах и сновидениях, не оставлявших будто никакого сомнения в предстоявшей перемене. Поэтому для Алексея важнейшим делом было избегать открытой борьбы с отцом, выиграть время. Вскоре, однако, его испугало новое письмо отца, который 26 августа 1716 года писал из Копенгагена, что теперь нужно решиться: или постричься, или безостановочно отправиться к отцу.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.333

…26 августа 1716 года, Пётр послал к сыну из Копенгагена курьера Сафонова с следующим собственноручным письмом: «Мой сын! Письма твои два в 29 день июня, другое в 30 день июля писанные, получил, в которых только о здоровье пишешь; чего для сим письмом вам напоминаю. Понеже когда прощался я с тобою и спрашивал тебя о резолюции твоей на известное дело, на что ты всегда одно говорил, что к наследству быть не можешь за слабостию своею и что в монастырь удобнее желаешь; но я тогда тебе говорил, чтобы ещё ты подумал о том гораздо и писал ко мне, какую возмёшь резолюцию, чего ждал 7 месяцев; но по ся поры ничего о том не пишешь. Того для ныне (понеже время довольное на размышление имел), по получении сего письма, немедленно резолюцию возьми, или первое, или другое. И буде первое возмёшь, то боле недели не мешкай, поезжай сюда, ибо ещё

можешь к действам поспеть. Буде же другое возмёшь, то отпиши, куды, и в которое время и день (дабы я покой имел в своей совести, чего от тебя ожидать могу). А сего доносителя пришли со окончанием; буде по первому, то когда выедешь из Питербурха; буде же другое, то когда совершишь. О чём паки подтверждаем, чтобы сие конечно учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь в обыкновенном своём неплодии». Это письмо привёз Сафонов в конце сентября.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 52-53

В письме повелевалось приехать в Копенгаген для действ воинских от получения сего в восемь дней

Голиков И.И. (1). Том шестой. С. 142

Посланный Петром I из Копенгагена к царевичу, Сафонов нашёл Алексея Петровича в его деревне Рядках, близ Ижоры: распутствуя в этом уединении с своими друзьями… юноша вёл здесь жалкую жизнь.

Бергман В. Том 4. С.167

Царевичу не доставало только предлога для задуманного выезда за границу. И вот сам Пётр даёт ему этот предлог. Прошло около семи месяцев со времени второго грозного послания к сыну; казалось, что, отвлечённый своим вторым путешествием и важными политическими заботами, отец забыл о своих требованиях. Но очевидно какая-то близкая к

нему особа не допускала подобного забвения… Он поспешил воспользоваться отцовским вызовом и быстро собрался в дорогу, о чём известил князя Меньшикова.

Иловайский Д.И. (1). С. 40

Побуждаемый письмом родителя своего к отъезду, Алексей Петрович 24 августа 1716 прибыл в С.-Петербург, убедил Меншикова в необходимости поездки своей в Копенгаген, получил от князя 1000 червонных и 2000 рублей от некоторых сенаторов: никто из них не подозревал истинных намерений царевича.

Бергман В. Том 4. С.167

…Он немедленно отправился в Петербург к князю Меншикову и объявил намерение ехать к отцу. «Где же оставишь Евфросинью?», спросил князь. «Я возьму её до Риги и потом отпущу.в Петербург». «Возьми её лучше с собою», заметил Меншиков.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 52-53

«Где же ты оставишь Ефросинью?» – спросил царевича Меншиков. «Я возьму её до Риги, потом отпущу». – «Возьми её лучше с собою», – заметил Меншиков. Подвох это или нет? Какого исправления желал, к каким трудам призывал Меншиков царевича, советуя брать с собою любовницу? Должен ли он был побояться Петра за такой совет? Пётр шу-

тить не любил. Значит, он советовал, надеясь на Петра, был уверен, что не подвергнется его гневу за свой предательский совет.

Погодин М.П. (1). С.437

Конечно, царевич лгал и в том, что берёт возлюбленную только до Риги. Но и Меньшиков, советующий или, точнее, позволявший с нею не расставаться, тем самым намекает на существование какого-то плана, каких-то коварно, расставленных сетей, в которых Алексей должен был неминуемо запутаться, всё равно, поедет ли он к отцу или убежит. Не так были просты Екатерина и Меньшиков, чтобы им не приходил в голову соблазн для Алексея воспользоваться удобным случаем для бегства. А раз он им воспользуется, то судьба его, как государственного преступника, определялась заранее и наследование им престола навсегда устранялось. Возможно, что назревшая заранее мысль о бегстве не осталась неизвестною близко наблюдавшему за ним светлейшему князю Меньшикову.

Иловайский Д.И. (1). С. 40-42

Возвратившись от князя домой, царевич позвал камердинера своего Ивана Большаго-Афанасьева и спросил: «Не скажешь ли кому, что я буду говорить?». Тот обещался. «Я не к батюшке поеду; пойду к цесарю, или в Рим». «Воля твоя, государь, только я тебе не советчик». «Для чего?». «Того ра-

ди: когда тебе удастся, то хорошо; а если не удастся, ты же на меня будешь гневаться». «Однакож ты молчи и про сие никому не сказывай. Только у меня про это ты знаешь, да Кикин, и для меня он в Вену проведывать поехал, где мне лучше быть. Жаль мне, что с ним не увижусь; авось на дороге».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 54

Только ревностнейшим приверженцам Алексея Петровича была известна истинная цель этой поездки. Отправившаяся с царевичем любовница его, Афросинья, вовсе не знала об оной…

Бергман В. Том 4. С.167

А когда я намерялся бежать, взял её обманом, сказав, чтоб проводила до Риги, и оттуды взял с собою и сказал ей и людем, которые со мною были, что мне велено ехать тайно в Вену, для делания алиянцу против Турка, и чтоб тайно жить, чтоб не ведал Турок.

Из ответов царевича Алексея на розыске в Москве. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 156

Люди, преданные царевичу, говорили, что отец зовёт его в Копенгаген со злым умыслом. «Отец знает», говорили они, «что, постригшись в монахи, ты будешь жить покойно и проживёшь долго. Он зовёт тебя к себе, чтобы скорее уморить несносною волокитою и ругательством». В этих словах была

своя доля правды.

Терновский Ф. С. 12

Ещё Кикин говорил: «…Если отец к тебе пришлёт кого-нибудь уговаривать тебя, то не езди; он тебе голову отсечёт публично. Отец тебя не пострижёт ныне, а хочет тебя при себе держать неотступно и с собой возить повсюду, чтобы ты от волокиты умер, понеже ты труда не понесёшь, и ныне тебя зовут для того, и тебе, кроме побега, спастись ничем иным нельзя».

Брикнер А.Г. (1). Т. 1. С.335

Царевич, по крайней мере, был уверен, что зовут его не учиться, а хотят как-нибудь извести. Он прямо сказал после (вице-канцлеру венского двора) графу Шёнборну: «За год пред сим отец принуждал меня отказаться от престола и жить частным человеком или постричься в монахи; а в последнее время курьер привёз повеление – либо ехать к отцу, либо заключиться в монастырь: исполнить первое значило погубить себя озлоблением и пьянством; исполнить второе – потерять тело и душу».

Погодин М.П. (1). С.437

С такими мыслями и надеждами царевич выехал из С.-Петербурга 26 сентября 1716 года, взяв с собою Евфросинью, брата ея Ивана Фёдорова, служителей Якова Носова, Петра

Судакова и Петра Меера… в Риге занял он ещё у обер-комиссара Исаева 5000 червонных и 2000 мелкими деньгами. На пути из Риги, в 4 милях от Либавы, встретился он с тёткою, царевною Мариею Алексеевною, которая возвращалась из Карлсбада, пересел в ея карету и долго беседовал с нею. «Куда едешь?» спросила царевна. «Еду к батюшке» отвечал царевич. «Хорошо» сказала она; «надобно отцу угождать; то и Богу приятно. Чтоб прибыли было, еслиб ты в монастырь пошёл?». «Я уже не знаю» возразил царевич, «буду ль угоден, или нет; уже я себя чуть знаю от горести; я бы рад куды скрыться». Тут он заплакал. «Куда тебе от отца уйтить», говорила царевна; «везде тебя найдут». Потом зашла речь о матери его. «Забыл ты её», говорила царевна; «не пишешь и не посылаешь ей ничего. Послал ли ты после того, как чрез меня была посылка?». Царевич отвечал, что отдал для нея деньги Дубровскому. На требование же письма сказал: «я писать опасаюсь». «А что», возразила царевна, «хотя бы тебе и пострадать? Так ничего: видь за мать, не за кого иного». «Что в том прибыли», говорил царевич, «что мне беда будет, а ей пользы никакой! Жива ль она?». «Жива» отвечала царевна. «Было откровение ей самой и другим, что отец твой возмёт её к себе и дети будут, таким образом: отец твой будет болен и произойдёт некоторое смятение; он приедет в Троицкий монастырь на Сергиеву память; мать твоя будет тут же; он исцелеет от болезни и возмёт её к себе, и смятение утишится. А Питербурх не устоит за нами: быть ему пусту. Многие

говорят о том». Была речь о царице Екатерине Алексеевне. «Что хвалишь её?», говорила царевна. «Ведь она не родная мать. Где ей так тебе добра хотеть! Митрополит Рязанский и князь Фёдор Юрьевич объявление ея царицею не благо приняли. К тебе они склонны. Я тебя люблю и всегда рада всякаго добра; не много нас у вас; только бы ты ласков был».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 56-57

«Поезжай в Вену, там не выдадут»

В Либаве царевич виделся с Кикиным, и спросил его, нашёл ли ему место какое? «Нашёл» отвечал Кикин. «Поезжай в Вену к цесарю: там не выдадут. Сказывал мне Веселовский, что его спрашивают при дворе, за что тебя лишают наследства? Я ему отвечал: знаешь сам, что его не любят: я чаю, для того больше, а не для чего иного. Веселовский говорил о тебе с вицеканцлером Шёнборном, и по докладу его, цесарь сказал, что примет тебя, как сына; вероятно, даст денег тысячи по три гульденов на месяц».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 157

Условясь обо всём с Кикиным, царевич, по совету его, требовал к себе Афанасьева. Кикин пред отъездом из Либавы просил Алексея Петровича в случае удачного исполнения их замысла уведомить его об этом следующими, не для всех понятными словами: что он проехал Гданьск благополучно

от конфедератов и поехал в путь свой.
Бергман В. Том 4. С. 168

Царевич решился: проехав Данциг, он исчез.
Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 157

Тревога по случаю отъезда царевича была возбуждена, по словам Плейера, царевною Марьею Алексеевною, которая, приехав к детям Алексея, расплакалась и сказала: «Бедныя сироты! Нет у вас ни отца, ни матери! Жаль мне вас!».
Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 71

Я уже не распростираюсь о том, что сей сын, дабы удобнее скрыть побег свой, отправил с пути своего из Либау к родителю своему письмо, яко бы из Кенигсберга, уведомляя его предварительно о скором будто уже прибытии своём к нему; и предоставляю также читателю самому заметить и то, сколь чистосердечны были его о желании монашества клятвы.
Голиков И.И. (1). Том третий. С. 402

Курьер Сафонов, посланный из Петербурга за границу вперёд, встретил Государя в Шлезвиге на дороге из Копенгагена в Любек 21 октября и донёс, что в след за ним едет царевич; но прошло около двух месяцев, а о нём не было слуха.
Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 158

Беспокоились в Москве; сильно беспокоились и за границей… 4 декабря царица Екатерина писала Меншикову из Шверина: «О государе царевиче Алексее Петровиче никакой ведомости по сё время не имеем, где его высочество ныне обретается, и о сём мы немало сожалеем». От 10 декабря другое письмо: «С немалым удивлением принуждена вашей светлости объявить, что о его высочестве государе царевиче Алексее Петровиче ни малой ведомости по сё время не имеем, где его высочество ныне обретается, и о сём мы немало сожалеем».

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 66

Встревоженный Пётр 9 декабря послал повеление генералу Вейде, стоявшему с корпусом в Мекленбургии, разведать, где сын его; между тем вызвал из Вены в Амстердам резидента своего Авраама Веселовскаго и 20 декабря вручил ему следующее собственноручное повеление: «Даётся наш указ резиденту Веселовскому, что где он проведает сына нашего пребывание, то, разведав, ему о том подлинно, ехать ему и последовать за ним во все места, и тотчас о том, чрез нарочные стафеты и курьеров, писать к нам; а себя содержать весьма тайно, чтобы про него не проведать».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 158

…А потом отправил Капитана Гвардии Румянцова к Императору (Карлу VI в Вену) с тем, чтобы убедить Царевича

или возвратиться или, если нужно будет, принудить его к тому силою. В данном Капитану Румянцову 2 Марта Указе было сказано: «1. Ежели Богу помогающу достанет известную персону, то немедленно везть в Мекленбургию, и там о том объявить Г. Вейду одному, чтоб такое место сыскать, где бы не проведали до времяни, и там держать за караулом крепким, а к Нам, кой час выедете с ним из города, писать. 2. Також объяви ему, чтоб он сказал, кто причиною его побегу; кто дал совет, и кто про то ведает: ибо знатно давно то умышлено, понеже невозможно в два дни так изготовиться совсем к такому делу, и чтоб для себя не утая сказал зарань, и буде кто прилучится, о том писать к Нам же. А когда прибудет в Мекленбургию, тогда определя о той персоне по вышеписанному, и вруча Вейду, самому ехать и арестовать тех людей, ежели оные в Мекленбургском или Польском корпусе обретаются. 3. Всякими мерами трудиться исполнить, для чего посылается, и поступать, не смотря на оную персону, но как бы не возможно было».

Бергман В. Том 4. С. 120-121

Показание служителя царевича иноземца Петра Меера: «…Как были мы в Вене, я сказал ему: за чем изволишь ехать? Он отвечал: «Приехал за делом к цесарю от батюшки». И как был уже за караулом, я говорил: для чего так изволил учинить? Отвечал то ж: “Как дело батюшково кончится, тогда поеду”… В Вене за царевичем во всех пересылках

был служитель его Яков Носов».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 236

Его Величество же, по отправлении помянутого Румянцова, точно также упражнён был делами и также не опускал ни малейшаго, что только служило в пользу его подданных, как и прежде, и как-бы ни мало не чувствовавший никаких огорчений… И первое писал он по приезде своём в Амстердам, и по отправлении онаго г. Румянцева на другой день, то-есть от 3 Марта, к Графу Апраксину следующее письмо:

«Определили мы здесь в помощь с Хрущёвым для науки экипажскому делу из навигаторов двух молодых рибят, Вешнякова да Талызина, о которых извольте определить, чем им здесь питаться и за учение мастерам платить; и ежели они не бедны, то-б прислали им на здешнее иждивение деньги отцы их от себя к вам, а вы извольте переводить к Хрущеву. Тако-ж прислал к нам ныне из Олонца Гутфель счёт свой, что он издержал денег по вашим письмам на Адмиралтейские припасы, и тот счёт при сём к вам посылаем, по которому разсмотря, прикажите деньги заплатить на Москве, или в Петербурге, его корресподенту».

И от того-ж числа г. Ушакову, повелевая ему набрать в Москве из людей Боярских и из подмосковных крестьян в матросы до 1500 человек, не свыше от 18 до 20 лет, и по наборе отправить к Генерал-Адмиралу.

От 5 числа сего-же Марта к Князю Петру Михайловичу

Голицыну помещается подлинником-же: «Писали мы к Герцогу (Мекленбургскому) с сим посланным курьером, дабы он дал вам позволение около Ростока, или где в других местах не далеко от Ростока, накопать буковых молодых деревьев с кореньями для посылки в Петербург, о чём проси и ты, дабы отвели вам места немедленно; и как вам отведут места, где копать, то велите накопать деревьев молодых буковых, которыя-б были вышиною футов по семи и по осьми, отрубя верхушки, а толщиною против приложеннаго при сём рисунка, тысяч пять; да сверх того велите накопать буковых-же кустов до тысячи, и для того сыщи на то время какова нибудь садовника, которой-бы мог указать как лучше те деревья из земли выкопать и обрубать верхушки. Между-жетем старайся, чтоб для посылки тех деревьев до Петербурга нанять тебе в Любеке или в Ростоке галиот, или другое какое морское судно побольше, на которое-бы могли те деревья уложиться, а за провоз уговаривайся Шипору заплатить в Петербурге товарами, какими он хочет, кроме только двух, юфти и смолы».

Что за хозяйство!

На другой сего день писал Монарх к Графу Шереметеву, чтоб исполнял по первым указам в разсуждении его походу, и что по прошению его человек его, записавшийся у г. Ушакова в службу, будет уволен, заключая сие письмо сими словами: «Понеже писал к нам из Гданска Павел Готовцов, что хотел он вскоре отпускать оттоль с некоторыми покупными

нашими деревьями корабль; и для того, когда будете вы у Гданска, тогда велите нарубить в Жулавах в пристойных местах близь моря ветловых кольев тысячи три или больше, и отдайте оные ему Готовцову, которые он может отправить в Петербург на том корабле с другими деревьями». Сии ветловыя деревья сей Великий Хозяин повелел посадить на приморских местах в окрестностях Петергофа.

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 206-208

Показание служителя царевичева Якова Носова: «До побегу царевича, о намерении его не ведал; а как приехали в Вену, он пошёл в город, а меня послал к Шонборну (вице-канцлер австрийский) сказать о себе, чтоб его ожидал; потом ходил к Шонборну, и говорили между собою тайно…».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 236

В Вене 21 ноября (по стар, стил.), после десяти часов вечера, офицер, выходя с письмами, следуемыми для отправки на почту, из квартиры вице-канцлера Шенборна, находившейся при дворце, наткнулся на неизвестного человека, шедшего по лестнице в больших сапогах. Незнакомец на ломаном немецко-французском языке требовал немедленного допущения к вице-канцлеру. Ему сказали, что если дело, то он может явиться утром в 7 часов, в канцелярию, потому что вице-канцлер теперь хочет спать. Незнакомец ломился в дверь и требовал немедленного свидания, говорил, что дол-

жен сообщить нечто такое, о чём нужно будет известить тотчас же его величество! Вице-канцлер велел допустить его, принял в ночном халате; незнакомец объявил, что прибыл русский царевич, оставил свой багаж и прислугу в Леопольдштадте, а сам находится на площади в трактире bey Klapperer и хочет представиться вице-канцлеру, так как наслышался о нём много доброго. Вице-канцлер сказал, что оденется и пойдёт к нему сам, а незнакомец объявил, что царевич недалеко и немедля явится к вице-канцлеру, как только пошлют к нему офицера. Не успел вице-канцлер одеться, как царевич был уже перед ним.

Костомаров Н.И. (2). С. 18

Из донесения имперского вице-канцлера графа Шёнборна императору Карлу VI о первой встрече с Царевичем Алексеем: «…Первым словом его было учтивое изъявление особенной доверенности к вице-канцлеру и желание переговорить с ним наедине. Как скоро посторонния лица удалились, он сказал в сильном волнении следующее: «Я пришёл сюда просить императора, моего шурина, о покровительстве, о спасении самой жизни моей. Меня хотят погубить, меня и бедных детей моих хотят лишить престола». Произнося сии слова, царевич с ужасом озирался и бегал по комнате. Вице-канцлер, при внимательном наблюдении удостоверясь по описаниям, что это точно царевич, и принимая в соображение, что другой человек не дерзнул бы так положительно

выдавать себя за принца, старался успокоить и утешить его, уверяя, что здесь он в совершенной безопасности; причём спрашивал, чего желает? Царевич отвечал: “Император должен спасти мою жизнь, обезпечить мои и детей моих права на престол. Отец хочет лишить меня и жизни и короны. Я ни в чём пред ним не виноват; я ничего не сделал моему отцу. Согласен, что я слабый человек; но так воспитал меня Меншиков. Здоровье моё с намерением разстроили пьянством. Теперь говорит мой отец, что я не гожусь ни для войны, ни для правления; у меня, однакож, довольно ума, чтоб царствовать. Бог даёт царства и назначает наследников престола; но меня хотят постричь и заключить в монастырь, чтобы лишить прав и жизни. Я не хочу в монастырь. Император должен спасти меня”. Говоря это, царевич был вне себя от волнения, упал на стул и кричал: “Ведите меня к императору!”. Потом потребовал пива; а как пива не было, то стакан мозельвейну».

Вице-канцлер успокоивал его и говорил, что здесь он в совершенной безопасности; но доступ к императору во всякое время труден, теперь же за поздним временем решительно не возможен, и царевич должен сперва открыть всю истину, ничего не умалчивая и не скрывая, чтобы можно было представить его величеству самым основательным образом столь важное и столь трогающее царевича дело, ибо здесь ничего подобнаго до сих пор не слыхали, да и трудно ожидать таких поступков от отца, тем менее от столь разумнаго Государя,

как его царское величество.

Царевич сказал: “Я не виноват пред отцом; я всегда был ему послушен, ни во что не вмешивался; я ослабел духом от гонения и смертельнаго пьянства. Впрочем, отец был ко мне добр; но с тех пор, как пошли у жены моей дети, всё сделалось хуже, особенно когда явилась новая царица и сама родила сына. Она и Меншиков постоянно вооружали против меня отца; оба они исполнены злости, не знают ни Бога, ни совести”. Потом снова повторял, что он отцу ничего не сделал, ни в чём против него не погрешил, любит и чтит его по предписанию 10 заповедей; но не может согласиться на пострижение и лишить права своих бедных детей; царица же и Меншиков ищут или постричь его или погубить.

Когда царевич несколько успокоился, вице-канцлер, для основательнейшаго узнания дела, расспрашивал его о разных подробностях. Царевич разсказал всю жизнь свою, сознаваясь, что к войне он никогда охоты не имел. За несколько лет пред тем, отец поручил ему управление государством, и всё шло хорошо: Царь был им доволен. Но с тех пор, как пошли у него дети и жена его умерла, а царица также родила сына, то вздумали запоить его вином до смерти; он не выходил из своих комнат. За год пред сим отец принудил его отказаться от престола и жить частным человеком, или постричься в монахи; а в последнее время курьер привёз повеление либо ехать к отцу, либо заключиться в монастырь: исполнить первое значило погубить себя озлоблениями и пьян-

ством; исполнить второе, потерять тело и душу. Между тем ему дали знать, чтобы он берёгся отцовскаго гнева, тем более царицы и Меншикова, которые хотят отравить его. Он притворился, будто едет к отцу, и по совету добрых друзей отправился к императору, своему шурину, государю сильному, великодушному, к которому отец его имеет великое уважение и доверенность: только он один может спасти его. Покровительства же Франции или Швеции он не искал, потому что та и другая во вражде с его отцом, котораго раздражать он не хочет. Причём, заливаясь слезами, сетовал об оставленных детях и снова требовал видеть императора, чтобы просить его за свою жизнь.

"Я знаю" говорил царевич, "что императору донесено, будто я дурно поступал с сестрою императрицы: Богу известно, что не я, а отец мой и царица так обходились с моею женою, заставляя её служить, как девку, к чему она, по своему воспитанию, не привыкла, следовательно, очень огорчалась; к тому же я и жена моя терпели всякий недостаток. Особенно дурно с нами обращались, когда кронпринцесса стала рождать детей». Новое повторение просьбы видеть императора. "Он бедных детей моих не оставит и отцу меня не выдаст. Отец мой окружён злыми людьми, до крайности жестокосерд и кровожаден; думает, что он, как Бог, имеет право на жизнь человека, много пролил невинной крови, даже часто сам налагал руку на несчастных страдальцев; к тому же неимоверно гневен и мстителен, не щадит никакого человека, и если

император выдаст меня отцу, то всё равно что лишит меня жизни. Если бы отец и пощадил, то мачиха и Меншиков до тех пор не успокоятся, пока не запоят или не отравят меня".

Царевич был в таком безпокойстве и страхе, что хотел насильно итти к императору и императрице. Вице-канцлер снова удержал его, представив позднее время, и старался внушить ему, что в настоящем положении дела, при высоком сане отца и сына, при строгом incognito царевича, лучше всего не говорить ему с самим императором, а оставаться в непроницаемой тайне и предоставить Венскому двору явно или скрытно подать ему помощь; даже может быть найдётся средство примирить его с отцом. Царевич, отвергая всякую надежду на примирение, с горькими слезами просил принять его при цесарском дворе открыто и оказать покровительство, повторяя, что император великий государь и ему шурин. Напоследок убедился, что лучше всего держать себя тайно и ждать ответа императора. После того с надлежащею предосторожностию возвратился в свою квартиру».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 64-69

Алексей намеревался на время укрыться за границей во владениях императора. По смерти отца он предполагал возвратиться в Россию, где рассчитывал на расположение к нему некоторых сенаторов, архиереев и военачальников; впоследствии он объявил, что предполагал довольствоваться лишь регентством во время малолетства брата, Петра Петро-

вича, в сущности, не претендуя на корону… Нельзя не заметить, что, если бы надежда царевича на скорую кончину царя исполнилась, его прочие предположения едва ли бы обманули его. Меншиков был ненавидим многими; Екатерина между вельможами имела лишь весьма немногих приверженцев; первое место возле юного императора Петра Петровича легко могло бы принадлежать Алексею.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.334-335

Из донесения имперского вице-канцлера графа Шёнборна императору Карлу VI о первой встрече с Царевичем Алексеем: «Царевич призывал Бога в свидетели, что никогда ничего не сделал отцу или его правлению противнаго долгу сына и верноподданнаго, никогда не думал о возмущении народа, хотя это не трудно было бы сделать, потому что народ его, царевича, любит, а отца ненавидит, за его недостойную царицу, за злых любимцев, за уничтожение старых добрых обычаев и за введение всего дурнаго, также за то, что отец, не щадя ни крови, ни денег, есть тиран и враг своего народа; посему не без опасения, что подданные его погубят и Бог его накажет. Причём разсказал многие подробности о царской армии, о министрах и боярах, присовокупляя, что многие из них, в особенности Меншиков и лейб-медик, самые низкие льстецы и злые люди, наводящие Царя на сотни дурных дел, чему доказательством служит фантазия его о титуле императорском. Искательство этого титула причинило одне досады

и ничего существеннаго не принесло… Он продолжал разсказывать о своём деле, говоря, что всё предоставляет Богу, который один царствует во вселенной и своею святою волею назначает кому принадлежат престолы Мира сего. Сердце отца добро и справедливо, если оставить его самому себе; но он легко воспламеняется гневом и делается жестокосердым. Впрочем, никакого зла отцу своему не желает, любит и чтит его; только возвратиться к нему не хочет и умоляет императора не выдавать его и спасти бедную жизнь, также пощадить невинную кровь бедных детей. – При этом он горько плакал и сокрушался…».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 73

…При всей внезапности описанной выше сцены свидания царевича с вице-канцлером, в виду быстрого затем и благосклонного решения императора, можем догадываться, что появление Алексея в Вене и просьба об убежище не были там полною неожиданностью и что сообщение Александра Кикина о предшествующих переговорах с Шёнборном при посредстве Веселовского не было его выдумкою. Нельзя также не отдать справедливости природному уму и наблюдательности царевича, который в минуту вынужденной откровенности высказал столь верный взгляд на своё собственное положение и ярко очертил несимпатичные стороны, присущие и ему самому, и главным действующим лицам трагедии.

Иловайский Д.И. (1). С. 42

Много говорил о царском жестокосердии и кровопийстве. Гнев же и немилость к себе отца приписывал жестокой, в низких чувствованиях воспитанной, ненасытно честолюбивой и властолюбивой мачихе, также Меншикову, котораго в особенности винил в дурном своём воспитании, в своей неспособности к делам и во всех несчастных последствиях, от того происшедших: Меншиков не заставлял его ничему учиться, всегда удалял от отца, обходился с ним как с пленником или собакою, даже бранил его при людях поносными словами. Так продолжалось до 1709 года или до женитьбы царевича.

Из отчёта имперского вице-канцлера графа Шёнборна о показаниях царевича Алексея Венскому двору. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 71

Приезд Алексея поставил императора Карла VI в щекотливое положение. Вмешаться в конфликт между отцом и сыном было бы рискованно. Случись в России бунт или междоусобная война, неизвестно, кто победит, а если Австрия окажет помощь обречённому проиграть, то, как знать, какую форму примет месть победителя. В конце концов, решили не принимать Алексея официально и не делать достоянием гласности его пребывание на имперской территории. С другой стороны, императору не следовало оставаться совершен-

но глухим к призывам родственника. Решили, что царевич инкогнито будет скрываться на территории империи, пока не удастся примирить его с отцом или обстоятельства не переменятся.

Масси Р.К. Петр Великий. В 3 томах. /Пер. с англ./ Смоленск.: Русич. 1996. Т. 3. С. 153

12-23 ноября 1716, по высочайшему повелению, для лучшаго сохранения тайны, царевич с величайшею тайною перевезён был из Вены в близлежащее местечко Вейербург, где пробыл до 7 декабря, когда приготовили в Тирольской крепости Эренберг для него помещение… 4-15 декабря 1716 он благополучно приехал с своими людьми в Эренберг. Крепость немедленно заперли до дальнейшаго повеления. Дорогою люди его предавались пьянству, обжорству и вели себя весьма непорядочно.

Из отчёта имперского вице-канцлера графа Шёнборна о показанiиях царевича Алексея Венскому двору. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 73

Вслед за тем через несколько дней послан был к нему секретарь с вопросами или пунктами, касавшимися повода и цели его прибытия. На эти пункты царевич отвечал в таком же духе, в каком излагал свою судьбу и обстоятельства вице-канцлеру в разговоре, но, между прочим, присовокупил следующие замечательные слова: «Свидетельствуюсь Богом,

что я никогда не предпринимал против отца ничего несообразнаго с долгом сына и подданнаго и не помышлял о возбуждении народа к восстанию, хотя это легко было сделать, так как русские меня любят, а отца моего ненавидят за его дурную низкаго происхождения царицу, за злых любимцев, за то, что он нарушил старые хорошие обычаи и ввёл дурные, за то, что не щадит ни денег, ни крови своих подданных, за то, что он – тиран и враг своего народа».

Костомаров Н.И. (2). С. 19

Эренбергскому коменданту, генералу Росту, император дал следующую, выдержанную в таинственных и конспиративных тонах, инструкцно: «Мы признали за благо взять под стражу некоторую особу и приняли такия меры, что нет сомнения, чрез несколько дней она будет в наших руках. Теперь в высшей степени необходимо приискать для содержания ея такое место, чтобы она не могла уйти, или с кем бы то ни было иметь малейшее сообщение, и самое место ея заключения должно остаться для всех непроницаемою тайною. Для этой цели мы избрали наш укреплённый замок Эренберг, как по тому, отчасти, что, охраняемый не слишком многочисленным гарнизоном, он лежит в горах вне всяких сообщений, так и по тому, наиболее, что имеем к тебе особенную доверенность и не сомневаемся в точном исполнении тобою нашей воли относительно помещения, содержания и охранения означенной особы и людей ея. В следствие

сего предписываем к самому точному наблюдению, под опасением потери, в противном случае, имени, чести, жизни, следующее:

1. Немедленно, по получении сего, прикажи с величайшею тайною и тишиною изготовить для главной особы две комнаты, с крепкими дверями и с железными в окнах; сверх того, так же две комнаты подле или вблизи для служителей; снабдить их постелями, столами, стульями, скамейками и всем необходимым; все это приготовить тайно, под рукою, заблаговременно. Притом наблюдать: если крепость Эренберг так устроена, что не предвидится возможности к побегу, то не надобно слишком много заботиться о крепких дверях и железных решётках.

2. Устроить кухню со всем необходимым и приискать знающаго своё дело повара с помощниками (для чего, кажется, удобнее всего можно употребить живущих в крепости солдаток); причём наблюдать, чтобы люди, назначенные для приготовления пищи, во всё время ареста ни под каким видом не были выпускаемы и всё необходимое для кухни доставлять чрез других особо назначенных людей.

3. Наблюдать, чтобы главный арестант, также и люди его были довольны пищею, и какое кушание им наиболее понравится, готовить по их вкусу; также смотреть, чтобы бельё столовое и постельное было всегда чисто. Для чего, на содержание главнаго арестанта и его служителей, мы назначаем от 250 до 300 гульденов в месяц.

4. Самое бдительное охранение главнаго арестанта и пресечение всяких с ним сообщений есть главнейшее условие, которое должен ты наблюдать самым тщательным образом, под строжайшею твоею ответственностию. Для сего надобно тебе удостовериться в гарнизоне и во всех людях, которые будут при том употреблены, можешь ли положиться на их верность и скромность? Во всяком случае, нынешний гарнизон, во всё время ареста, не должен быть сменяем, и как солдатам, так и жёнам их не дозволять выходить из крепости, под опасением жестокаго наказания, даже смерти. Караульным у ворот запретить, с кем бы то ни было, говорить об арестантах, внушив им, чтобы, в случае расспросов посторонних лиц, они отзывались совершенным неведением. В случае болезни главнаго арестанта или его людей, призывать, смотря по надобности, медика или хирурга, но также с тою предосторожностию, чтобы врач виделся с больным в присутствии доверенной особы и с обязанностию не говорить о том никому ни слова.

5. Для наблюдения за точным исполнением всего вышеизложеннаго, ты должен ежедневно всё в замке внимательно осматривать и малейшее упущение исправлять.

6. Если главный арестант захочет говорить с тобою, ты можешь исполнить его желание, как в сём случае, так и в других: если, например, он потребует книг, или чего-либо к своему развлечению, даже если пригласит тебя к обеду или к какой-нибудь игре. Можешь сверх того дозволить ему и про-

гуливаться в комнатах или во дворе крепости для чистаго воздуха, но всегда с предосторожностию, чтоб не ушёл.

7. Можешь дозволить ему и письма писать; но с тем непременным условием, что для отправления они будут вручаемы тебе; ты же посылай, не распечатанными, немедленно к принцу Евгению, которому доноси время от времени о всём случающемся в крепости.

В заключение повторяем строжайше, чтобы содержание вышеупомянутаго арестанта оставалось для всех непроницаемою тайною; посему ты не должен доносить о том ни курфирсту Пфальцскому, ни военному управлению».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 75-77

Крепость Эренберг находилась в Верхнем Тироле на правой стороне реки Леха, близ местечка Рейте, на пути от Фюссена к Инспруку, на высокой горе. Я разсматривал развалины ея в 1856 году проездом из Баварии в Италию; сохранились только остатки стен. Крепость была значительная.

Устрялов Н. Из примечаний к «История царствования Петра Великаго». Т. VI. С. 75

Бегство царевича наделало довольно много шуму. Однако сравнительно поздно в России начали рассуждать об этом важном предмете. Не раньше как в июне 1717 года ганноверский резидент Вебер доносил из С.-Петербурга своему двору: «С тех пор как были получены более подробные из-

вестия о царевиче, его пребывании в Инсбруке (sic) и о том, что он навлёк на себя гнев его царского величества, вельможи здешнего двора рассуждают свободнее об этом секрете, не считая царевича способным преследовать престол. Есть и такие люди, которые в народе и особливо между солдатчиной распускают слух о том, будто царевич родился плодом прелюбодеяния. И русское духовенство, которое пока высоко ценило царевича, ныне отчасти склоняется против него; опасаются, что царевич, отправившийся в Германию искать помощи у императора и у других католических держав, возьмёт на себя обязательство ввести со временем в России католическую веру… По случаю празднества дня рождения царя вовсе не пьют за здоровье царевича, а только пьют за здоровье Петра Петровича. Приверженцы Швеции рады всему этому, ожидая скорого расстройства в России и вследствие того возвращения всех утраченных Швецией земель». Подтверждая такие слухи, французский дипломатический агент де Лави замечает в своем донесении от 10 июня 1717 года: «Полагаю, что все эти обвинения придуманы партией царя и молодого Петра Петровича, во главе коей находится князь Меншиков».

Брикнер А.Г. (1). Т. 1. С. 339

Сообщаю господину графу, как новую ведомость, что ныне в свете начинают говорить: царевич пропал. По словам одних, он ушёл от свирепости отца своего; по мнению других,

лишён жизни его волею; иные думают, что он умерщвлён на дороге убийцами. Никто не знает подлинно, где он теперь. Прилагаю для любопытства, что пишут о том из Петербурга. Милому царевичу, к пользе, советуется: держать себя весьма скрытно, потому что, по возвращении Государя, его отца, из Амстердама, будет великий розыск. Если я что более узнаю, уведомлю. Доброму приятелю, для котораго господин граф ищет священника, советуется иметь терпение. Теперь это невозможно; при первом случае я берусь охотно исполнить его желание…

Вице-канцлер Венского двора Шёнборн – царевичу Алексею в крепость Эренберг 27 февраля 1717 года. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 75

…Многие знатные господа тайно присылали ко мне и к другим чужестранцам спрашивать, не получали ль мы в своих письмах известий об нём? Ко мне приходили два служителя его, также с расспросами; они горько плакали и говорили, что царевич взял здесь у Мюнстера на дорогу 1000 червонных, да в Данциге 2000, и прислал им приказ: продав тайно свою движимость, уплатить по векселям; после того они не получали об нём никакого известия. Между тем сказывают под рукою, что близь Данцига он схвачен царскими людьми и отвезён в отдалённый монастырь, только неизвестно, жив или умер; по словам других, он ушёл в Венгрию или в иныя земли императора и нынешним летом приедет к мате-

ри своей. Гвардейские полки, составленные большею частию из дворян, замыслили с прочими войсками в Мекленбургии Царя убить, а царицу привезти сюда и заключить с детьми в тот самый монастырь, где сидит прежняя царица; её освободить и правление вручить кронпринцу. Все это открыто Царю одним гренадёрским капитаном. Царь прислал Меншикову повеление обо всём разведать и сообщить ему список всех званий, которые часто виделись с царевичем, также которыя без позволения уехали в Москву, или без призыва сюда прибыли, или по призыву не приехали. Здесь всё готово к бунту: знатные и незнатные ни о чём более не говорят, как о презрении к ним и к их детям, которыя все должны быть матросами, о разорениии их имений налогами и выводом людей на крепостное строение.

Из донесения венского резидента О. Плейера прусскому императору Карлу VI. 11 января 1717 года из С.Петербурга. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 73

Облава

Пётр I цесарю Карлу VI из Амстердама, 20 декабря 1716 года. Пресветлейший, державнейший цесарь! Я принуждён вашему цесарскому величеству с сердечною печалию своею о некотором мне нечаянно случившемся случае в дружебно-братской конфиденции обявить, а именно о сыне своём Алексее, како оный, яко же чаю вашему величеству, по име-

ющему ближайшему свойству, не безизвестно есть, к высшему нашему неудовольству, всегда в противном нашему отеческому наставлению являлся, також и в супружестве с вашею сродницею непорядочно жил. Пред несколким временем получа от нас повеление, дабы ехал к нам, дабы тем отвлечь его от непотребнаго жития и обхождения с непотребными людьми, не взяв с собою никого из служителей своих, от нас ему определённых, но, прибрав несколько молодых людей, с пути того съехав, незнамо куды скрылся, что мы по се время не могли увидать, где обретается. И понеже мы чаем, что он, к тому превратному намерению от некоторых непотребных людей совет приняв, к тому заведён, и отечески о нём сожалеем, чтоб тем своим безчинным поступком не нанёс себе невозвратной пагубы, а наипаче не впал бы каким случаем в руки неприятелей наших, того ради дали коммиссию резиденту нашему, при дворе вашего величества пребывающему, Веселовскому, онаго сыскивать и к нам привезть. Того ради просим вашего величества, что ежели он в ваших областях обретается тайно или явно, повелеть его с сим нашим резидентом, придав для безопаснаго проезду несколько человек ваших офицеров, к нам прислать, дабы мы его отечески исправить для его благосостояния могли, чем обяжете нас вечно к своим услугам и приязни. Мы пребываем при сём вашего цесарскаго величества верный брат Пётр. Из Амстердама. *В 20 д. декабря 1716.*

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 358

Пётр I Аврааму Веселовскому, 20 декабря 1716 года и Амстердаме. Даётся наш указ резиденту Веселовскому, что где он проведает сына нашего пребывание, то, разведав ему о том подлинно, ехать ему и последовать за ним во все места, и тотчас, чрез нарочные стафеты и курьеров, писать к нам; а себя содержать весьма тайно, чтоб он про него не проведал. *Пётр. В Амстердаме. Декабря 20, 1716.*

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 359

Адам Вейде Царю, 25 декабря 1716 года из Гистрова.

Для искуснаго и тайнаго осведомления за тем, который путь свой справляет под именем поручика Балка и имеет с собою девку и двух послуживцев, в Немецкую землю я отправил двух офицеров, а одного в Польшу.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 354

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 1. Из Франкфурта на Одере, 3 января 1717 года. По указу вашего величества, отправясь из Амстердама, я поспешал в пути во всякой возможности. Перваго дня сего месяца прибыл я в Пириц, на пятую почту от Франкфурта по Гданской дороге, оставя Берлин в правой стороне, и осведомлялся тут, также и на прочих местах до Франкфурта, о проезде Русскаго офицера с женою и 4 служителями: на

некоторых почтах сказали, что памятуют проезд такого офицера; а на последней того почтальона, который его отвозил во Франкфурт, в службе почтмейстерской более не было. Я продолжал, путь до Франкфурта, и, ведая, что в городах бывают воротные писари, которые записывают имена проезжих и где становятся, ходил тогож вечера сам к писарю и просил его показать книги октябрския, обещая за труды плату. Он показал книги. Я нашёл в них: «Проезд 29 октября Московскаго подполковника Кохановскаго, при нём жена его и поручик Кременецкий, да один служитель; а стал он на квартире Чёрнаго Орла, за городом». Я по сей записке ходил к господарю Чёрнаго Орла и спрашивал его. Он сказал, что имени того офицера не знает; а описал его статуру и образ подлинный, токмо с тою прибавкою, что опущены вновь чёрные ус[и]ки Французские: «имея-де жену при себе малаго роста, одного поручика и одного служителя: только-де по дву часех, как он обедал, приехали ещё два служителя на почтовой телеге, и явясь ему, пошли от него и стали в другом вирцгаузе; а как скоро он отобедал, то тогож часу на экстрапочте поехал в Бреславль». По такому известию, на другой день я отыскал вагенмейстера, который отправляет всех отъезжих почтовых лошадей, и распрашивал его: он мне сказал, что в октябре отъехал на экстрапочте офицер с женою и двумя ещё персонами до Цибингена по Бреславльской дороге, и указал мне отвозившаго почтальона, который на распросы мои сказал, что отвёз до Цибингена, откуда он, офицер, поехал до

Кросена прямо к Бреславлю и спрашивал у почтмейстера, сколько миль до Бреславля? А двое служителей его едут на почтовой телеге за ним, а не вместе; а с ним-де сидит токмо один поручик в коляске против его; а служитель позади коляски. – Я еду далее и буду от почты до почты осведомляться фундаментально, как и здесь, а ехать с теми же почтальонами, которые его отвозили.

Письмо 2. Из Бреславля от 17 января. Осведомляясь дорогою, я узнал, что известный Русский офицер, не доехав за 4 почты от Бреславля, поехал на местечко Лигниц, где, побыв два дни, знатно для отдыха, взял там приезжаго фурмана, который живёт 4 мили от Бреславля, в городе Яворе. Я отыскал этого фурмана, велел отвезти себя в Бреславль, в вирцгауз, недалеко от того, куда он отвёз Русскаго офицера, который стоял в Золотом Гусе. Прибыв в Бреславль, я немедленно пошёл к писарю воротному и нашёл у него в книгах: «От 13 ноября н. ст. проехал Московский подполковник Коханский с женою и двумя служителями и стал в Золотом Гусе». Дождавшись вечера, я ходил в тот вирцгауз и спрашивал об нём; он стоял только два дни и взял экстрапочту по такой дороге, что можно ехать прямо в Вену и к Праге; а спрашивал-де он в вирцгаузе, как далеко до города Неуса, Глаца, дёшеволь там жить и как далеко до Вены? По сим ведомостям, я разсудил взять с собою надёжнаго человека, племянника одного здешняго купца, прозвищем Генриха Финка, для того, что если я найду в тех местечках офи-

цера, то мог бы послать его к вашему величеству с донесением; а курьеров там не льзя найти. Я обещал ему кормовых по 2 червонца в неделю, и если пошлётся в Голландию, 50 червонцев за труды, кроме прогонов.

Письмо 3. Из Неуса от 17 января. До сего места Русский офицер ехал прямою почтовою дорогою до Вены; а отсюда поворотил к Праге чрез Чешскую землю, взяв экстрапочту. Здесь он только спрашивал, как далеко до Праги.

Письмо 4. Из Праги от 17 января. Русский офицер прибыл сюда 19 ноября и, постояв пять дней в вирцгаузе Золотая Гора, поехал на экстрапочте до Вены. Мне за две почты приключилась почечуйная болезнь, которой я никогда ещё не имел, с жестокою лихорадкою. Доктора думают, что она произошла от долговременнаго пути и советуют здесь недели две пожить; но я, следуя указу вашего величества, еду далее за известною персоною завтра.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 355-356

Адам Вейде Царю, 22 января 1717 года из Гистрова.

Из Бреславля пишет один из посланных, что там в городе был в одном дому и сказывался купцом из Русской армии тому назад с девять недель, и имеет при себе двух сыновей и единую дочь, и поехал, не мешкав по Венской дороге. Должен быть он.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 370

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 5. Из Вены 24 января. След известнаго подполковника идёт до сего места: он прибыл сюда 23 ноября нов. ст. стоял в вирцгаузе Чёрнаго Орла, за городом. Имя же своё на почтовом дворе, как здесь есть обычаи, чрез привёзшаго почтальона объявил: «Польскаго кавалера Кременецкаго». Только постояв одни сутки в том месте, вещи свои вечером перевёз на наёмном фурмане в иное место; а сам на другой день, заплатя иждивение, пешком отшёл от них, так что они неизвестны, куды он перешёл и не отъехал ли куды? А, будучи в том вирцгаузе, купил он готовое мужское платье кофейнаго цвету своей жене и оделась оная в мужской убор. После сего, во всех здешних вирцгаузах спрашивал я об Русском и Польском офицере; но нигде ещё допроситься не мог, также и на почтовом дворе почтовых лошадей от Польскаго кавалера не взято. А в пути, за несколько почт от Вены, сказывал мне один почтмейстер, что спрашивал он у него, как далеко до Риму в сколь дорог станет почтовой и ландкучерский провоз; по которым вопросам мню, не поехал ли он до Риму? Это может быть сходнее, нежели ему здесь жить инкогнито. А явно, ни тайно у цесаря он не являлся. Будучи в сём мнении, я писал к одному аббату чрез стафет об уведомлении (он мне друг и имеет свободный доступ у статс-секретаря кардинала Паолучия). Прибыл сюда маиор Девиц, отправленный, по вашему указу, от генерала Вейда искать

того же офицера. И послал его в вирцгауз Чёрнаго Орла. Ему сказали то же, что и мне.

Письмо 6. Из Вены от 3 февраля. Не нашед на почтовом дворе отъезда известнаго офицера, я осведомлялся у ландкучеров. Никто не помнит, чтоб отвозил его с женою, понеже обретающаяся при нём дама переоделась в мужское платье. Для лучшаго изъяснения, я ездил по двум почтовым дорогам, ведущим отсюда к Италии, по Тирольской до Пуркерсдорфа и Сигарцкирха, по Карпитийской до Ахау н Нейштата, распрашивая почтмейстеров. Никто не мог дать мне известий. Здесь же не чаю, чтобы где был инкогнито. Жду ответа от аббата, буду осведомляться в партикулярных домах: в публичных во всех спрашивал.

Письмо 7. Из Вены от 7 февраля. Искал тщетно во всех партикулярных домах Польскаго офицера. Поищу ещё в предместьях. Вчера я посылал присланааго от Вейде адьютанта Девсена в вирцгауз Чёрнаго Орла, осведомляться ещё у кельнера или ключника о Польском кавалере. Кельнер сказал, что он признал его за некотораго знатнаго человека, «понеже платил деньги с великою женерозите, и показался-де подобен Царю Московскому, якобы его сын, котораго-де (Царя) я видел здесь в Вене». Вечером я ходил пешком за город; кельнер мне то ж сказал. Третьяго дня возвратился сюда из Ганновера посланный к королю Английскому генерал-маиор Сан-Сафорен, который, будучи при дворе, говорил мне явно, в присутствии Мекленбургскаго посланни-

ка, сожалея о болезни, приключившейся вашему величеству от печалей, из коих знатнейшая та, что-де ваш кронпринц невидимым учинился, а по Французски в сих терминах: Il est eclipse. Я спросил, от кого такую фальшивую ведомость имеет? Отвечал, что ведомость правдивая и подлинная; а слышал её от Ганноверских министров. Я возражал, что это клевета по злобе Ганноверскаго двора. Завтра поеду нарочно к тайному референдарю (хранитель печати) осведомляться от него, не доносил ли он цесарю?

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 361-362

Граф Шёнборн царевичу Алексею, 27 (16) февраля 1717 г.

…Ныне токмо в свете начинают говорить, что царевич пропал; некоторые говорят, что он от свирепости отца своего ушёл; иные говорят, что он от убийц в пути убит; но никто не ведает подлинно, где он есть. Но милому царевичу к пользе советуется, чтобы он весьма в скрытности себя держал, понеже когда Государь отец его из Амстердама паки возвратится, то тогда уже великий розыск или взыскание о том будет.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 373

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 8. Из Вены от 21 февраля. Вчерашняго дня приезжал ко мне известиый референдарь и сказал мне в конфиденции, что цесарь имеет подлинную ведомость, что Кохан-

ский обретается здесь инкогнито, токмо у цесаря ещё не являлся. Я его прилежно просил уведать квартиру: он мне обещал, также дал слово уведомить немедленно, как скоро, хотя б тайно, он явится у цесаря.

Письмо 9. Сего моменту был у меня референдарь, который паки подтверждает, что Коханский конечно здесь; только не ведают, в котором доме, и говорил мне в дишкурсе: если он у цесаря не явится, то мочно его тайно, имея 4 или 5 Русских офицеров, увезти отсюда в Мекленбургию, или куда потребно; если же явится, то нельзя.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 362

Пётр I Аврааму Веселовскому, 24 февраля 1717 из Амстердама.

…Надлежит тебе послать двух верных и неглупых людей, одного в Италию до Риму, а другого до Швейцарской земли, и повелеть им накрепко о том же проведывать, и тебе писать. Также надо ещё в Вене проведывать, в Неаполе, Милане, Сардинии.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 373

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 10. Из Вены от 10 марта. Во всех домах за городом и в городе чрез шпионов сам Коханскаго искал; однако найти не мог, и подлинно он отсюды отлучился. А быт-

ность его таким образом открылась здесь: когда он в ноябре месяце сюды прибыл, то по обычаю должен каждый почтальон все вещи приезжаго отвезть в пошлинный дом; когда таможенные осматривали, и нашедши между прочим соболь и шубы соболи, спрашивали человека Коханскаго, котораго описуют черноволосым и говорит довольно по-Немецки, не Русский ли кавалер приезжий? На что он ответствовал, что господин его не кавалер, а кронпринц Московский; и заплатя пошлину, отвёз вещи чрез наёмнаго кучера в телеге, а куда, никто не знает. Вчера вечером на ассамблее разговаривали при мне два тайные советника о отлучении Коханскаго из государства, и однн из иих обнадёжил меня, что имел он письмо из Тироля, что он проехал пред шестые неделями чрез Инспрук в Италию, нмея при себе 5 служителей. За подлинно могу обнадёжить ваше величество, что его здесь нет; а что он у цесаря не являлся, клятвою утверждает известный тайный референдарь. Из Риму имею ответ от аббата, что Русский кавалер там не являлся.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 363

Пётр I Аврааму Веселовскому, 6 марта 1717 из Амстердама.

Письмо твоё из Вены от 21 Февраля мы получили, из котораго уразумели то, что ты пишешь об известной особе, и по совету именованнаго в том письме приятеля твоего посылаем к тебе 4 человек наших офицеров, под претекстом.

Из них капитану Румянцеву весь тот секрет от нас сообщён, и с ним с одним ты откровенно в том поступай и советуй; а ему велено всё то исправлять, что ты ему велишь. И тако приложи старание, дабы ту особу каким нибудь способом в Мекленбургию к войску нашему вывезть, и в таком случае можешь и сам с ними для лучшаго охранения ехать. А буде же та особа у цесаря явилась и под его протекциею живёт, то в таком случае подай грамоту цесарю, и чини в прочем по данной тебе коммиссии.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 373

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 12. Из Вены от 20-го марта. Вчера прибыл сюда капитан Румянцов с 3 офицерами и вручил мне вашего величества милостивейший указ, по которому известную коммиссию исполнить уже поздно было: Коханский за 10 дней до того уехал отсюда, и удостоверил меня известный референдарь, что оный отправился в Тироль, под протекциею цесарскою. Я уже 4-й день домогаюсь быть допущенным к принцу Евгению; но не могу получить себе часа. А как скоро от него уведомлюся, положили мы с Румянцовым: ехать ему одному в Тироль и осведомляться подлинно подробно в крепости Эренберг о Коханском. И если он выходит из крепости не многолюдно, то б ехать и мне самому с 3 офицерами, и исполнить ваш указ: буде же в многолюдстве, чему я быть не

чаю, потому что ни одного полка в Тироле нет, тогда я подам грамоту вашу цесарю и о добром решении домогаться буду.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 364

Чтобы дать понятие о характере слуг Петровых, довольно указать только на следующие слова в инструкции венского министерства неаполитанскому вице-королю: «Свидание должно быть так устроено, чтоб никто из москвитян (отчаянные люди и на всё способные) не напал на царевича и не возложил на него руки, хотя я того и не ожидаю».

Погодин М.П. (1). С. 442

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 13. Из Вены от 24 марта. Вчера допустил меня к себе принц Евгений. Я объявил ему, что будто я за подлинно уведомлён, что Коханский обретается в Тироле под протекциею цесарскою, и вашему величеству никакого известия не подано; из чего ваше величество можете признать знак неприязни к себе. Принц сначала ответствовал, что о том он не ведает; а хотя б-де цесарь и подлинно ему позволил иметь убежище в своих землях, токмо для безопасности собственной его персоны, и тогда не протекция, но безопасность: цесарское величество гораздо совестен, чтоб сына возбуждать против отца и привесть в вящшую ссору; но может быть, что имевшую злобу утолить потщится, в чём его царское величе-

ство может твёрдо обнадёжен быть. И приказал мне по двух днях быть у себя; а меж тем хотел о том спрашивать цесаря. Из сих слов ясно, что Коханский в их руках. – Возвратясь домой, я тотчас отправил Румянцева в Тироль с таким решением, как доносил я под № 12. И обождать от него известия, где он (царевич) обретается и мочноль наше тайное намерение исполнить, также и ответу от прнпца Евгения, по тому буду поступать. – Сказывал мне известный референдарь, что Коханский стоял в предместии на загородном дворе, у графа Зинцендорфа, и оттуда отвезён несколько миль его лошадьми. Следовательно знатно, чрез него домагательство чинит, а с цесарем не видался.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 364-365

Александр Румянцев Царю, 31 марта 1717 года из Вены.

…Сего марта 19 дня приехал в Вену и оной персоны в Вене не застал, и как уведомился от г. Веселовскаго, что он выехал из Вены прежде прибытия нашего дней за 10; а которого числа и куды он поехал, о том он подлинно не ведает. Веселовский слышал, будто оная персона есть в Тироле, в крепости, называемой Эренберх, которая от Вены расстоянием миль 60, и будто под протекциею цесарской. Во всём городе явно, что он здесь был. Завтрашнего числа поеду в Тироль с одним другом Веселовскаго, и подлинно об всём уведомлюсь.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 374

Граф Шёнборн царевичу Алексею, 14 (3) апреля 1717 г.

Надобно очень остерегаться; по вестям необходимо с немногими людьми, для вящшей безопасности уехать далее и жить тайно под защитою добраго приятеля. Для куриозиты прилагаю, что из Москвы пишут. Веселовский силою утверждает, что царевич в цесарских землях обретается и что Царь требует своего сына. Ему сказано, что здесь его нет. Впрочем, всё благополучно; обнадеживаю в вечной дружбе. *Верный слуга.*

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 375

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 14. Из Вены от 4-го апреля. Был я у принца Евгения за ответом: объявил мне, что цесарю о моём требовании он докладывал; но цесарь ему на то ответствовал, что он о том неизвестен, и толь меньше ещё, чтоб Коханский был в его протекции; разве-де тайно в областях его обретается, о чём ему неведомо. – Из сего ответа можно понять, что хотят его пребывание содержать тайно. Между тем ежечасно ожидаю известий от Румянцева, который уже 11-й день уехал в Тироль.

Письмо 15. Из Вены от 7-го апреля. Вашего величества указ от 24 марта из Ротердама я с наивящшею болезнию принял: изволите гнев свой явить в том, что референдарь сове-

товал, ежели б были наши офицеры, увезти отсюда известную персону, и ваше величество изволили ко мне отправить 4 офицера, но потом получили от меня доношение, что оная персона отсюда отлучалась, и что мои письма одно с другим не сходны. Все, что я доносил, сообщено от референдаря; дело содержалось у цесаря тайно, и глубже проведывать было невозможно. Из четырёх кабинетных советников он не чает, чтобы более одного или двух были известны. Что же упоминаете, для чего я не арестовал, или не потребовал удержания, то здешние министры мне говорили, что здесь его нет. Посему не мог я и собственноручную грамоту вашего величества цесарю представить. Как скоро получу известие от Румянцева, буду действовать.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 365

Александр Румянцев Царю 10 апреля 1717 года из Вены.

…Повторяе доношу, что я из Вены в Тироль ездил и его подлинно там нашёл в Тирольской провинции, в одной крепости, Эренберх, которая имеет расстояние от Вены 78 миль, между Италиянской и Швейцарской дороги, и живёт под протекциею цесарской, и содержится за крепким караулом: не токмо его, ни служителей его из крепости не пущают. А бытность его, Государь, там так тайно содержится, что имени его из тамошних жителей никто не знает, кроме приставленнаго к нему одного генерала, который определён вместо губернатора в той провинции, и разсуждают там об нём, что

он Польский или Венгерский князь.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 375

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 16. Нз Вены от 10 апреля. Как скоро капитан Румянцов, возвратясь сюда, объявил мне, что известную персону, по сказке референдаря, он нашёл в Тироле в крепости Эренбергской, под протекциею цесаря, которая уже в январе с двумя цесарскими драбантами туда прибыла, на другой день был у цесаря на приватной аудиенции и, подав собственноручную грамоту вашего величества, объявил ему сверх того, что вашему величеству зело чувственно будет слышать, что от его министров именем цесаря мне ответствовано, что будто известной персоны в землях его нет и ему, цесарю, о том неизвестно, а ныне увдомлён я подлинно чрез нарочнаго, отправившагося курьера, который его и людей его сам видел, что оная обретается в Эренберхе на цесарском кошту, и дабы его величество, по известному праводушию, требование вашего величества исполнил. Цесарь мне отнечал. что ему всегда радостно приятныя службы вашему величеству показать при всех случаях; что же о пребывании в его землях известной персоны, о том ему доныне ещё не донесено; чего ради хочет, осведомясь наперёд подлинно о его пребывании, ответ вашему величеству на поданную грамоту учинить. Я ему паки повторил, что о сём я подлинно

уведомлён и никакого сумнения нет. Он на сие сказал, что ему надлежит известиться из доношений наперёд, и с тем меня отправил. Завтра буду требовать часа от принца Евгения, которому в чувственных терминах о таком поступке их к вашему величеству предложу и буду прилежно просить, чтоб склонил цесаря к отдаче известной персоны.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 366

Нота графу Волкре (Volkra), посланнику прусского короля при Английском дворе, 25 (14) апреля 1717 года.

…Цесарь, по родству, по несчастному положению принца и по великодушию цесарского дома защищать невинно гонимых, дал ему покровительство и защиту. Резидент Веселовский в особенной аудиенции подал письмо своего Царя и объявил, что царевич должен здесь находиться; цесарь отвечал, что он разъыщет и уведомит Царя. Письмо сообщено царевичу, чтобы узнать, на что он хочет решиться, возвратиться ли к отцу, или остаться под защитою цесаря? В последнем случае он должен быть перевезён в Неаполь и содержим в величайшей тайне. Как ответ царевича почти несомнителен – он изберёт последнее, – а между тем Веселовский неотступно требует у цесарских министров, то у того, то у другаго, ответа и даёт знать, что Царь будет искать и требовать своего сына вооруженною рукою (armata manu), то ожидая всего от его решительности (genio), цесарь приказывает спросить короля Английскаго, иамерен ли и он, как курфюрст и как

родственник Брауншвейгскаго дома, защищать принца? Переговоры должен граф Волькра вести в величайшей тайне.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 376

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 17. Из Вены от 15 апреля. После аудиенции у цесаря, советовал я капитану Румянцову немедленно ехать в Тироль и жить неподалеку от Эрренберха инкогнито, дабы стеречь, чтобы известную персону куда не увезли, или не упустили из своих земель; в каком случае велел следовать за ним, и о том ко мне писать. Между тем был я у принца Евгения и представил ему, какое чувство ваше величество можете иметь из того, как щиро(?) цесарское величество в сём деле поступает, предлагая ему, ежели бы эрцгерцог цесарский, отлучась от отца своего, искал бы у вашего величества своей ретирады и оная бы потаённым образом была дана в ваших землях, коль болезненно могло быть цесарю, и просил его склонить цесаря к отдаче сына вашему величеству, каковую услугу ваше величество за незабвенную вечно примете. Принц обещал по возможности в том трудиться и велел завтра быть в Лаксенбург для ответу. Потом ездил я к вице-канцлеру имперскому графу Шёнборну и выговаривал ему о том, что он, яко доброжелательный вашему величеству, меня обнадёжил, что известной персоны нет в землях цесарских, а ныне оная от меня нашлась. Шёнборн

отвечал, утверждая душевною присягою, что он сие учинил по указу цесарскому, и инако о том не ведал, и ныне ещё в сумнении: понеже вчера цесарь сам о саморучной грамоте вашего величества ему сказывал, токмо ничего не упомянул о пребывании той персоны в его землях, объявляя ему, что хочет вашему величеству ответствовать на оную, а в какой материи, о том равным образом не упомянул. – После завтре поеду в Лаксенбург и буду домогаться склонной резолюции чрез принца.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 367

Граф Шёнборн графу Волькра, 28 (17) апреля 1717 года.

Не надобно давать знать двору Английскому, что мы очень боимся Царя; также нужно смотреть, чтобы Англичане не воспользовались нашею конфиденциею к собственной выгоде пред Царём. Надобно также выставить бедственное положение добраго царевича, ясное и постоянное тиранство отца, не без подозрения яда и подобных Русских *galanterien.*

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения С.367

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 18. Из Вены от 19 апреля. Вчера был я у принца Евгения, который объявил, что цесарю он докладывал. Цесарь ему сказал, смеючись, что сам вашему величеству будет ответствовать. Я представил, какое неудовольствие ва-

ше величество из того приемлите; и ходил к оберштер-каммергеру, требуя партикулярной у цесаря аудиенции. Цесарь, однако, меня допустить к себе не хотел. Я возвратился ни с чем. Буду опять домогаться аудиенции. Сегодни референдарь, приехав из Лаксенбурга, сказывал мне, что на другой день после моей аудиенции, отправлен один каммер-курьер в Тироль, куда и с чем, неизвестно: понеже отправлен от камеры от самого цесаря, тайно. Он разсуждает, что либо хотят склонять известную персону к возвращению, либо желают ведать его намерения. – От капитана Румянцева писем ещё нет.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 367

Цесарь, увидев, что скрываться более нельзя, послал к царевичу секретаря Кейля сообщить отцовскую грамоту и спросить его решения; в случае намерения остаться – переехать в Неаполь. «Царевич всё сказанное ему с величайшим вниманием выслушал, потом прочитал отцовское письмо; оно сильно поразило его. Не говоря секретарю ни слова, он бегал по комнате, махал руками, плакал, рыдал, говорил сам с собой на своём языке; наконец, упал на колени и, обливаясь слезами, подняв руки к нему, вскричал: “О, умоляю императора, именем Бога и всех святых, спасти мою жизнь и не покинуть меня, несчастного! Иначе я погибну. Я готов ехать, куда он прикажет, и жить, как велит, только бы не выдавали меня несправедливо раздраженному отцу!”» Жало-

бам и молениям не было конца.

Погодин М.П. (1). С.441-442

Пётр I капитану Румянцову, 19 апреля 1717 из Кале во Франции.

…Надобно тебе конечно ехать в Тироль или в иное место и проведывать, где известная особа обретается; и когда о том уведаешь, то тебе жить в том месте инкогнито, и о всём, как он живёт, писать; и буде же куда отуды поедет, то секретно за ним следовать и не выпускать его из ведения и нас уведомлять.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 377

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 19. Из Вены от 21 апреля. Вчера ездил я в Лаксенбург и требовал приватной аудиенции; сперва была учинена трудность от обер-каммергера; но потом вышел вице-канцлер из его ретирады и объявил, что цесарь хочет меня допустить. Я просил отдачи известной персоны. Цесарь сказал: «Мы рады во всём его царскому величеству служить, в чём возможно, и на присланную грамоту на сих днях ответствовать будем и к вам ответ пришлём». Я представил, что уже довольно времени как подана грамота, но до сих пор одно только решение, что ответ получу. Цесарь, поворотясь, мне сказал, что ответ прислан будет вскоре, и чтоб я не тру-

дился. Потом видел я вицеканцлера, который меня обнадёжил, что завтре или после завтре получу ответную грамоту. – По трёх или четырёх днях цесарь, ради цесаревы, которой чают родить на сих днях, поворотится из Лаксенбурга сюда.

Письмо 20. Из Вены от 27 апреля. Видя, что ршение вдаль отложено, ездил я в Лаксенбург и домогался чрез графа Зинцендорфа об ответе. Цесарь велел сказать, что за важными воинскими делами отвечать не мог и хочет на каждый пункт отвечать пространнее. Но того ж вечера известный референдарь обнадёжил меня клятвенно, что причина неответа цесаря следующая: слышал он разговор графа Зинцендорфа с обершт-гофмаршалом князем Шварценберским, который говорил: «На что цесарское величество хочет вступить в такую великую ссору с Царём? может-де при нынешних коньюнктурах повредить нам не мало; лучше-де положить добрыя средства меж отцом и сыном, чрез что мочно обоих обязать». Зинцендорф на сие ответствовал: «Я вижу, что вы о состоянии сего дела подлинно неизвестны. Цесарь имеет не малый резон кронпринца секундовать, понеже оный прав перед отцом своим и имел резон спастись из земель отцовых: в начале, будто, ваше величество, вскоре после рождения царевича Петра Петровича, принудили его силою дать себе реверс, по силе котораго он отрёкся от короны и обещал ретироваться во всю свою жизнь в пустыню. И как ваше величество в Померанию отлучились, и видя, что он по своему реверсу в пустыню не пошёл, тогда, будто, вы вымыслили

иной способ, а именно призвать его к себе в Дацкую землю и под претекстом обучения, посадя на однн воинский свой корабль, дать приказ капитану вступить в бой с Шведским кораблём, который будет в близости, чтоб его убить, о чём, будто, он из Копенгагена уведомлён был. Чего ради принужден был от такой беды уйти. Правда-де, что цесарь, получа ныне саморучное письмо от Царя, посылал к нему курьера с письмом для склонения, чтоб с отцом примирился; но оный против отцова письма, чрез того курьера, пространное написал оправдание и просил цесаря, чтоб, для Божией любви и христианскаго закона, избавил его от мучения и смерти; а о мире и слышать не хотел. Цесарь-де, имея подлинные письменные документы в своих руках, имеет об нём сожаление; однакож на то его письмо отправил ещё к нему курьера с другим предложением и ожидает от него последней резолюции. И так, всемилостивейшей государь, прошу об указе, что мне чинить? Предлагать ли с угрозами здешнему двору, и не изволите ли написать письмо к цесарю в терминах крепчайших?

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 369

Царевич немедленно выехал из Эренберга с секретарем Кейлем и Афросиньею, переодетой пажом. Но Румянцев снова был в Тироле и следил за царевичем до самого Неаполя…

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 6

Александр Румянцов Веселовскому, 6 мая 1717 года.

…При самом моём отъезде, некоторый офицер знатный мне тайно сказал, что от вас приезжал полковник и взял пожиткн его из той крепости, и с ним ещё две персоны повёз чрез Инзбрук в Италию в одну крепость, Мантую, а достальные его служители оставлены тут; а сие учинилось третьего дня. Я сегодня поеду, хотя кругом, до Инзбрука и там буду проведывать, и ежели подлинно проведаю, то поеду за ним.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 378

Кейль цесарскому министру, 7 мая (27 апреля) 1717 года изъ Мантуи.

Мы прибыли сюда благополучно с нашею компаниею. До Триента встречались разные подозрительные лица; но всё благополучно. Я употребляю всевозможные усилия, чтобы удержать наше общество от сильнаго и весьма частаго пьянства; но тщетно.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 378

Царевич прибыл в Неаполь 6-17 мая в полночь и остановился в гостинице Трех-Королей. На другой день в 8 часов утра секретарь Кейль отправился к вице-королю, подал ему императорское повеление и донёс о прибытии царевича, с просьбою как можно скорее перевезти его из гостиницы. В следующий день вечером в 6 часов он вывезен в наёмной ка-

рете из города к морю и потом тайными переходами введён в королевский дворец. Тут он жил два дня, до изготовления комнат в кастеле Сент-Эльмо, укреплённом замке, стоящем на высокой горе и господствующем над Неаполем.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 89

Пять месяцев с лишком Алексей прожил здесь со своей возлюбленной Евфросинией.

Иловайский Д.И. (1). С. 48

Царевич Алексей сенаторам, 8 мая 1717 года:

Превосходительнейшие господа сенаторы. Как вашей милости, так, чаю, и всему народу не без сумнения моё от Российских краёв отлучение и пребывание по сё время безизвестное, на что меня принудило от любезнейшаго отечества отлучитися ни что иное, только (как вам уже известно) всегдашнее мне безвинное озлобление и непорядок, а паче же, что было в начале прошлаго года едва было и в чёрную одежду не облекли меня нуждою без всякой (как вам всем известно) моей вины. Но всемилостивый Господь, молитвами всех оскорбляемых утешительницы пресвятыя Богородицы и всех святых, избавил мя от сего и дал мне случай сохранити себя отлучением от любезнаго отечества (котораго, аще бы не сей случай, никогда бы нехотел оставить), и ныне обретаюся благополучно и здорово под хранением некоторыя высокия особы до времени, когда сохранивый мя Господь

повелит возвратитися в отечество паки, при котором случае прошу не оставите меня забвенна; а я всегда есмь доброжелательный как вашей милости, так и всему отечеству до гроба моего. *Алексей. Мая в 8 д. 1717.*

P.S. Будет есть ведомости об мне (хотя память об мне у людей загладить), что меня в живых нет, или ино что зло, не извольте верить: Богу хранящу и благодетелем моим, жив есмь и во благополучии обретаюся; того ради и сие писание посылаю, дабы отразить противное мнение об мне.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 380н

Царевич Алексей служителям своим, 8 мая 1717 года.

Яков и Судаков и Меер. Когда по вас пришлют, чтоб вам к нам быть, то баул с женским платьем, что замкнут, запечатай, Судаков, моею печатью звездою… А паче всего не забудь, Яков, зубнаго порошку: с собою возьми весь.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 381

В 1856 году быв в Неаполе, с разрешения Неаполитанскаго военного министра… я осматривал кастель Сент-Эльмо в подробности; комендант и другия лица, сопровождавшия меня, не могли указать того места, где содержался царевич, потому, что в Неаполе совсем об нём не знают.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. Т. VI. С. 89

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717

года.

Письмо 21. Из Вены от 3 мая. Сего дня на почте получил я от капитана Румянцова два письма: пишет, что несколько дней он был задержан в местечке Рейтене, полмили от Эренберга, для того, что тамошний комендант барон Рост его узнал, имея на него подозрение, что приехал туда в другой раз, под иным именем. А потом уведомился он (Румянцов), что известную персону вкратце при нём вывезли оттуда в Италию до крепости Мантуа, и он намерен был ехать за ним, объехав Эренберг кругом, в след. Мне здесь доныне, не смотря на ежедневную докуку, никакого решения не дано, так что от презрительнаго приёмства вашего прошения и малой к вам консидерации имею себе не малую печаль; а предлагать с угрозами без указу не смею…

Письмо 24. Из Вены от 14 мая. Ждёт известий от Румянцова и просит указу, куда девать оставшихся в Вене офицеров Фёдора Шушерина, Степана Сафонова и князя Мещерскаго. А делать им в Вене нечего. Приехала сюда мать цесаревнина, герцогиня Луиза. Я, быв у нея, повторил чрез неё цесарю свою просьбу. После она сказала мне в ответ, что она цесарю о том упоминала; но цесарь, будто, ей ответствовал в сих терминах: «Кронпринца в наших землях нет, и не ведает, где он обретается; а всякое старание о сбережении его особы иметь всегда будет, когда о том уведает».

Письмо 25. Из Вены от 2 июня. Не получая указа вашего величества, а между тем возвратился сюда капитан Румян-

цов из Италии с подлинным известием, что известная персона в Неаполе, и он Румянцов едет к вам, я более ничего здешнему двору не предлагал, опасаясь, чтобы не увезли её в иное место. Ссылаюсь на изустное донесение Румянцева и посылаю с ним оригинальное цесарское письмо.

Письмо 26. Из Вены от 14 июля. Сего утра приезжал ко мне Польский резидент Фон-Венжик и объявил мне в конфиденции письмо, писанное к графу Вакербарту из Рима от резидента их: доносит кратко, что царский принц, о котором слух обносился, что уехал от отца, ныне явился нечаянно в Неаполе в кастеле Санкт-Гельма. Некоторые разсуждают, что он сидит за караулом; а другие мнят, что только для своей безопасности имеет такой жестокий караул.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 370

Пётр поручил возглавить дело доставки сына на родину опытному дипломату Петру Толстому.

Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. Издание третье. М.: «Мысль». 1989. С.191. Далее цитируется как Павленко Н.И. с указанием страницы.

В Спаа, 1 июля 1717 года, Пётр дал Толстому и Румянцеву следующую инструкцию:

«1. Ехать им в Вену и на приватной аудиенции объявить цесарю, что мы подлинно чрез капитана Румянцева известились, что сын наш Алексей, не хотя быть послушен воле на-

шей, в прошлом году проехал в Вену, принят под протекцию цесарскую и отослан тайно ж в Тирольский замок Эренберк, где несколько месяцев был за крепким караулом. Хотя наш резидент домогался узнать у его цесарскаго величества и министров его о пребывании сына нашего, потом и граммату нашу самому цесарю подал, но на то никакого ответа не получил, и сын наш отослан из того замка наскоро, за крепким караулом, в город Неаполь, где содержится за караулом же в крепости, чему капитан Румянцов самовидец. Нам более всего чувственно, что цесарь на прошение наше не письменно, ни изустно никакого ответа явственно не учинил, и зело в тёмных терминах к нам ответствовал, не объявляя даже о пребывании сына нашего в своей области: требовать декларации, для чего так неприятно изволит цесарское величество с нами поступать?

2. Ежели цесарь станет, как и пред Веселовским, отрекаться неведением о пребывании сына нашего, говорить, что тому невозможно быть: не только капитан Румянцов, как очевидец, и вся Европа ведает, что он в его области, и как принят и из одного места в другое перевезён, может быть, уже из Неаполя вывезен куда в другое место, что без воли цесаря учиниться не может; и ежели в том упорно стоять будет, что не ведает, где он, объявить, что мы неприязнь его к себе и некоторую противную интенцию видим, и против того свои меры брать принуждены будем. Ежели резолюции цесаря не получат, доносить нам, не отъезжая; притом всяким

образом разведывать о пребывании сына нашего и стараться склонить цесаря и министров его к вышеписанному, показуя злыя следствия и проч.

3. Буде же цесарь станет говорить, что сын наш отдался под его протекцию, что он не может против воли его выдать, и иныя отговорки и затейныя опасения будет объявлять, представить, что нам не может то иначе, как чувственно быть, что он хочет меня с сыном судить: у нас и с подданными то необычайно; сын должен во всём повиноваться воле отцовой; а мы, самодержавный Государь, ничем цесарю не подчинены и вступаться ему не следует, а надлежит его к нам отослать; мы же, как отец и Государь, по должности родительской, его милостиво паки примем, и тот его проступок простим и будем его наставлять, чтобы, оставив прежния непотребныя дела, поступал в пути добродетели и последовал нашим намерениям; таким образом может привратить к себе паки наше отеческое сердце; чем его цесарское величество покажет и над ним милость и заслужит себе от Бога воздаяние, а от нас благодарение; да и от сына нашего более будет за то вечно возблагодарён, нежели за то, что ныне содержится, как невольник или какой злодей, за крепким караулом, под именем некотораго бунтовщика, графа Венгерскаго, к предосуждению чести нашей и имени.

4. Будет станет говорить о жалобах сына моего, будто было ему какое от нас принуждение, ответствовать, а особливо ссылаться на письмо то, которое я ему из Копенгагена писал,

что оное цесарь видел ли? И буде не видал, чтоб велел взять и сам выразумел; из чего ясно усмотрит, что неволи не было; а ежели б неволею я хотел делать, то б на что так писать? И силою мог бы сделать, и кроме письма. Но понеже мы желали, чтобы он последовал нашим стезям и обучался как воинским, так и политическим делам, а он не имел к тому никакого склонения, только способен был к обхождению с худыми людьми; того ради мы его всякими образами трудились на путь добродетелей привесть; а он, приняв за противное, и может быть от кого и наговорён к своей погибели, такое намерение восприял. Чаю, его цесарскому величеству и цесареве его известно, как он с сестрою ея величества, супругою своею, обходился, и по тому могут и о другом разсуждать. Наконец стараться и всяким образом домогаться, дабы его цесарь с ними к нам послал, и употреблять в том ласку и угрозы, по состоянию дела. А буде в том весьма откажут, домогаться, чтоб по последней мере пустил их к сыну нашему, объявляя, что они имеют от нас к нему, и на письме и на словах, такия предложения, что, чают, ему будут приятны, и сам на то склонится и просить его цесарское величество будет, чтобы отпустил его к нам.

5. Но буде, паче чаяния, в том под каким-нибудь претекстом и отговорками цесарь откажет и их видеться с сыном нашим не допустит, протестовать нашим именем, и объявить, что мы сие примем за явный разрыв и будем пред всем светом на цесаря чинить жалобы и искать неслыханную и

несносную нам и чести нашей обиду отмстить. Домогаться от него на письме ответу яснаго и чрез мемореалы, для чего он то чинит? Однако ж, не описываясь к нам и без указу, не отъезжать.

6. Буде позволит им с сыном нашим видеться, ехать им, где он обретается, подать ему наше письмо и изустно говорить, что им приказано; тако ж и сие объяснить, какое он нам тем своим поступком безславие, обиду и печаль, а себе бедство и смертную беду нанёс; сказать, что он учинил то напрасно и без всякой причины: ему от нас никакого озлобления не было; всё на его волю мы полагали и никогда ни к чему, кроме того, что к пользе его потребно было, против воли его не принуждали; пусть разсудит, что он учинил и как ему во весь свой век в таком странствии и заключении быть? И того б ради послушал нашего родительскаго увещания, возвратился к нам; а мы ему тот поступок простим и примем его паки в милость нашу, и обещаем содержать его отечески во всякой свободе и довольстве, без всякаго гнева и принуждения. Употреблять, впрочем, удобь-вымышленные рацеи и аргументы. Если к тому он склонится, требовать, чтоб объявил цесарю чрез письмо и просил об отпуске к нам, также и приставникам своим то намерение объявил. Получив такое письмо, ехать к цесарю и домогаться об отпуске его безотступно, и трудиться привезть его с собою к нам.

7. Буде же к тому весьма он не склонится, объявить ему именем нашим, что мы, за такое преслушание, предадим его

клятве отеческой и церковной и объявим во всё государство наше его непокорство: пусть разсудит, какой ему будет живот? Не думал бы, что может быть безопасен; разве вечно в заключении и за крепким караулом похочет быть, и так душе своей в будущем, а телу и в сём ещё веце, мучение заслужит. Мы не оставим искать всех способов к наказанию непокорство его; даже вооружённою рукою цесаря к выдаче его принудим; пусть разсудит, что из того последует? Ежели он на то на всё не согласится, спрашивать, чтобы объявил свои намерения, для донесения нам. О чём писать и ожидать от нас указу».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 95-99

Петру император послал оскорбительно уклончивый ответ; заявляя свою преданность царю и царскому дому, император писал, что будет стараться, чтоб Алексей не впал в неприятельские руки, но был наставлен сохранить отеческую милость и последовать стезям отцовским по праву своего рождения.

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 6

Пётр I цесарю Карлу VI, от 10 июля 1717 года из Спа.

Пресвтлейший и державнейший цесарь, любезный друг и брат! Вашего цесарскаго величества и любви дружебно братское собственноручное писание от 12 мая текущаго году я исправно получил, из котораго вашу высокосклонную ассе-

курацию о приязни вашей ко мне и ко всему дому моему и что обещаете сына моего Алексея не допустить в неприятельския руки впасть и его склонить нашей воле и наставлению последовать, уразумел и благодарствую ваше величество и любовь за то объявление. Но притом не могу оставить не объявя, как меня сие зело удивляет, что ваше величество и любовь о пребывании его и для какой причины он в области вашего величества тайно и за крепким караулом удерживается и по прошению моему ко мне не отослан, ничего, ни в том собственноручном писании, ниже на изустное предложение резидента нашего Веселовскаго, вашему величеству учинённое, объявлять не изволите, хотя мы о том подлинное известие имеем, что он, сын наш, по приезде своём в Вену, по указу вашего величества, принят и отослан в Тирольский замок Эренберк, и оттуда по нескольком времени отвезён за крепким караулом в Неаполь и тамо содержится за крепким же караулом: ибо мы имели в обоих сих местах нашего капитана от гвардии Румянцева, который очевидный тому отвезению его свидетель есть. Ваше цесарское величество можете сами разсудить, коль чувственно то нам, яко отцу, быть имеет, что наш первородный сын, показав нам такое непослушание и, уехав из воли нашей, потом содержится под другою протекциею или арестом; чего подлинно не можем признать, и желаем на то от вашего величества изъяснения. И того ради посылаем к вашему величеству объявителя сего, нашего статских чужестраных дел коллегии тайнаго совет-

ника Петра Толстова, которому повелели о всём, касающемся того дела, пространно вашему величеству на приватной аудиенции донести, такоже сына нашего видеть, и письменно и изустно волю нашу и отеческое увещание оному объявить и просить вас, дабы оный сын наш немедленно с ним был к нам отпущен…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.